

Славяно-
ведение

ISSN 0132-1366

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

СЛАВЯНО ·
· ВЕДЕНИЕ

«НАУКА»

СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

6
2013

НОЯБРЬ •

ДЕКАБРЬ •

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 1965 г.

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

Журнал издается под руководством
Отделения историко-филологических наук РАН

Содержание

СТАТЬИ

- Пилипенко Г.П.* (Москва). Межкультурный и социолингвистический аспекты миграций в Словении 3
- Узенёва Е.С.* (Москва). Болгары-мусульмане Средних Родоп в XXI веке: взгляд этнолингвиста 21
- Кулешова М.Л.* (Москва). Способы выражения псйоративности в словенском и сербском языках (на материале названий лиц) 28
- Корина Н.Б.* (Нитра). Белорусско-словацкие языковые связи: история и современность 37
- Андрюнина М.А.* (Москва). «Посольство» иного мира на земле – символика кладбища в народной культуре 43

СООБЩЕНИЯ

- Лескинен М.В.* (Москва). Славянское единство: от лингво-культурной классификации к политической мифологизации 52
- Фролова М.М.* (Москва). Болгарские книги в собрании А.Д. Черткова: к 150-летию Чертковской библиотеки 62

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

- Бодрова А.Г.* Лексикон южнославянских литератур 71
- Герчикова И.А.* L. Budagovová. O literatúre a kultúre: Texty pro Šrámkovu Sobotku 73
- Косик В.И.* Н.В. Гоголь и славянские литературы 74
- Широкова Л.Ф.* František Švantner. Život a dielo 77
- Толстая С.М.* Х. Холиолчев, М. Младенов, Л. Радева. Българска семейно-родова лексика. Енциклопедичен речник 79
- Виноградова Л.Н.* О.О. Микитенко. Балканослов'янський текст поховального оплакування: прагматика, семантика, етнопоетика 83
- Соболев А.Н.* Spomenica Valtazara Bogišića o stogodišnjici smrti, 24. apr. 2008. godine. Кн. 1, 2 86
- Мельников Г.П.* Ю. Янчаркова. Историк искусства Николай Львович Окунев (1885-1949). Жизненный путь и научное наследие 91

<i>Калиниченко Н.Н., Кретицин С.В.</i> М. Костюк. Евангелично-лютеранска кірха в Луцку: історико-архітектурний нарис.....	94
---	----

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Пескова А.Ю.</i> Научная конференция «Антитрадиционализм и преемственность в программах и практике славянского литературного авангарда».....	96
<i>Байдалова Е.</i> Круглый стол «За порогом нового тысячелетия. Литературная ситуация в странах ЦЮВЕ».....	99
<i>Королькова П.В.</i> Международная научная конференция «Проблема гибрида в культуре славянских народов».....	102
<i>Аркадьев П.М., Седакова И.А.</i> Конференция памяти Татьяны Николаевны Молошной.....	107
<i>Клементьев С.В.</i> К 90-летию Елены Захаровны Цыбенко.....	111

ЮБИЛЕИ

<i>Березович Е.Л., Молдован А.М.</i> К юбилею Светланы Михайловны Толстой.....	114
--	-----

НЕКРОЛОГИ

Памяти Людмилы Александровны Софроновой (1941–2013).....	118
<i>Белова О.В., Петрухин В.Я., Турилов А.А.</i> Памяти Елены Константиновны Ромодановской (1937–2013).....	119
<i>Петрухин П.В.</i> Памяти Виктора Марковича Живова (1945–2013).....	120
Указатель статей и материалов, опубликованных в журнале в 2013 году.....	122

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

М.А. РОБИНСОН (главный редактор),

**И.Е. АДЕЛЬГЕЙМ, М.М. ВАЛЕНЦОВА, Г.К. ВЕНЕДИКТОВ, А.А. ГИПШИУС,
Р.П. ГРИШИНА, В.И. КОСИК, М.В. ЛЕСКИНЕН, Г.Ф. МАТВЕЕВ,
В.В. МОЧАЛОВА, К.В. НИКИФОРОВ, В.Я. ПЕТРУХИН, А.С. СТЫКАЛИН,
Б.Н. ФЛОРЯ, О.В. ХАВАНОВА**

А.С. Стыкалин (отв. секретарь)

Заведующие отделами: *И.Е. Адельгейм* (отдел литературоведения),
О.В. Белова (отдел культурологии), *М.М. Валенцова* (отдел лингвистики),
А.С. Стыкалин (отдел истории)

Зав. редакцией *Г.А. Михеева*

Сотрудники редакции: *Л.А. Авакова, Е.В. Пономарева, И.Ю. Веслова*

*Адрес редакции: 119991, Москва, Ленинский пр-т, 32а,
Телефон 8-495-938-01-20
E-mail: zhurslav@mail.ru*

Рукописи принимаются в электронном виде с распечаткой (1 экз.) объемом: статьи не более 40 тыс. знаков, сообщения – до 30 тыс., рецензии – до 20 тыс. знаков. Статьи и сообщения должны сопровождаться краткой аннотацией (200–300 знаков) на русском и английском языках и ключевыми словами (5–7 слов).

Научный аппарат должен быть оформлен в соответствии с правилами, принятыми в журнале. Правила оформления см. на сайте: <http://inslav.ru>. Авторы должны предоставить сведения о степени, должности, электронную почту и контактный телефон.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

© Российская академия наук, 2013 г.

© Редколлегия журнала «Славяноведение»
(составитель), 2013 г.

© 2013 г. Г.П. ПИЛИПЕНКО

МЕЖКУЛЬТУРНЫЙ И СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ МИГРАЦИЙ В СЛОВЕНИИ

В статье речь идет о миграции на территорию Словении. Особое внимание уделяется переселенцам из республик бывшей Югославии, рассматривается история переселенцев, социально-экономические причины миграций в Словению. На основе высказываний словенцев и переселенцев из других южнославянских стран, а также на основе интервью, проведенных с переселенцами в Словении, делаются выводы о межкультурной адаптации. Важной проблемой является языковая адаптация мигрантов, в словенском обществе этот вопрос связан с отношением к сербохорватскому языку.

The article treats migrations to the territory of Slovenia. Special attention is paid to migrants from the republics of former Yugoslavia, history, as well as social and economic reasons of these migrations are considered. Own statements of Slovenians and migrants to Slovenia, interviews held with them are used to make conclusions about intercultural adaptation. The problem of language adaptation of migrants remains acute. In Slovenian society, this question is connected with the population's attitude to the Serbian-Croatian language.

Ключевые слова: Словения, сербохорватский язык, миграция, языковая адаптация, южнославянские страны, словенский язык.

Миграции являются неотъемлемой частью развития современной цивилизации. По словам В.И. Переведенцева, «миграция – один из видов мобильности – пространственная мобильность» [1. С. 9]. Если же смотреть более широко, миграции не являются новым явлением в истории, ведь все развитие человечества связано с постоянными перемещениями – здесь можно вспомнить и заселение земли первыми людьми, и эпоху Великих географических открытий, и перемещение огромных масс населения в результате мировых войн и локальных конфликтов последних столетий.

На каждом этапе развития общества миграции имеют свои особенности. Сегодня на первый план выходит проблема переселений, которая обозначается конфликтной дилеммой «восток–запад» и «юг–север». Не остаются в стороне от этих процессов и славянские страны, прежде всего Россия и Словения, ставшие в конце XX – начале XXI в., каждая в своем регионе, центром притяжения миграционных потоков. Как результат, этнокультурные процессы в обеих странах обострились из-за перемещения инокультурных мигрантов в среду обитания коренных народов. Для снижения конфликтного потенциала ситуаций с мигран-

---

Пилипенко Глеб Петрович – канд. филол. наук, научный сотрудник Института славяноведения РАН.

Авторская работа выполнена при финансовой поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре» проект «Восток и Запад в традиционной духовной культуре славян-мусульман на Балканах» (рук. канд. филол. наук Е.С. Узенёва).

тами необходимо понять причины, вынуждающие людей переселяться, а также ожидания местного населения по отношению к мигрантам. В странах, где доля мигрантов традиционно высока (например Канада, ФРГ, США), подобные исследования проводятся давно, в результате накоплен немалый опыт в изучении данной проблемы. Что касается России и Словении, то на эти процессы стали обращать внимание сравнительно недавно, хотя нельзя сказать, что миграционных процессов не было прежде, просто они носили другой характер, поскольку происходили в иных условиях общественно-политических формаций.

Общие черты, объединяющие Россию и Словению с точки зрения миграционных процессов, это, прежде всего, экономическое положение на фоне соседних стран – обе страны притягательны для мигрантов благодаря экономическим возможностям, позволяющим получать мигранту за свой труд стабильную и приемлемую по меркам своей страны зарплату. Во-вторых, мигранты приезжают из стран с общей исторической судьбой. Так, в России большинство мигрантов происходит из республик СНГ (Украина, Молдавия, Узбекистан, Таджикистан, Киргизия), в Словении большая доля переселенцев приходится на граждан республик бывшей Югославии (Сербия, Хорватия, Босния и Герцеговина, Македония). Кроме того, в миграционных потоках заметно упомянутое выше противостояние по линии «восток–запад» и «север–юг». Так, мигранты с Украины по отношению к большей части населения России не имеют той культурной дистанции, которая обнаруживается у мигрантов из Киргизии. То же самое можно отметить и в словенской ситуации – хорваты в культурно-историческом плане ближе словенской культуре (хотя и не без оговорок), чем албанцы из Македонии.

Однако между странами существуют и различия – в России более выражена, чем в Словении, внутренняя миграция в силу большего исторического, культурного и экономического разнообразия страны. Иногда мигранты из одного региона могут восприниматься враждебно в других областях. Подобного противостояния не наблюдается в словенской ситуации.

Миграции можно классифицировать по нескольким параметрам: в зависимости от продолжительности (временная, постоянная, долгосрочная), от административно-правового регулирования (легальная, нелегальная, высылка, добровольная миграция, депортация), от географических факторов (региональная, приграничная, маятниковая, транзитная) [2]. Причинами миграций принято считать следующие: демографические, социальные (переезд родственников мигранта на новое место жительства), экономические (низкая степень индустриализации), политические (революции, перевороты), психологические [3. С. 29–30].

Практически все формы и виды миграций были характерны для населения Словении в XX в. Так, конец XIX – начало XX в. были отмечены массовыми миграциями на всех территориях, входящих в состав монархии Габсбургов, частью которой в то время были словенские земли. Больше всего эмигрировали в земли Нового Света. Самый большой процент эмигрантов происходил из приморских областей, в частности из района Триеста. Вторая волна эмиграций пришлась на межвоенный период, когда больше всего (примерно 50 000) [3. С. 68], в том числе и по политическим мотивам, эмигрировало приморцев (которых подталкивали к этому шагу итальянские власти, ставшие управлять данной территорией после Первой мировой войны), а также прекмурцев, искавших новый дом из-за плохих экономических условий жизни в своем регионе [4. С. 74–75]. В тот период почти половина всех словенских эмигрантов отправлялась в Южную Америку. Интересно отметить, что словенцы находили работу в таких сферах, как строительство (маляры, столяры), сельское хозяйство. В Буэнос-Айресе в то время появляются целые кварталы, населенные преимущественно словенцами (Рамон Фалькон, Рамос Мехия, Сан Мартин), а очевидцы того времени рассказывают, что на улицах можно было услышать только словенскую речь, даже местные испаноязычные торговцы научились говорить по-словенски [2. С. 123, 167], т.е. происходила

своего рода геттоизация переселенцев, что, естественно, не могло продолжаться долго по причине демографических изменений как в структуре мигрантов, так и в самом аргентинском обществе. Все эти обстоятельства чрезвычайно важны, поскольку в современной Словении происходят подобные процессы только уже в обратном направлении, когда словенцы выступают в качестве принимающей стороны и иногда болезненно реагируют на такие явления.

Третья волна эмигрантов связана с окончанием Второй мировой войны, когда часть образованных слоев общества (учителя, священники) приняла решение уехать из страны, не согласившись с новой политикой социалистической Югославии. Следующая волна эмиграций пришлась на 1960–1970-е годы, когда югославские граждане в массовом порядке выезжали на заработки в страны Западной Европы (ФРГ, Швеция, Швейцария). Но уже начиная с 1971 г. наблюдается стабилизация в миграционных потоках на территории Словении, а затем фиксируется положительное сальдо миграции. Впервые приток в страну населения превысил отток уезжающих.

Не менее содержательна история переселений на словенскую территорию. Сегодня в Словении официально признанными автохтонными меньшинствами являются итальянцы в Приморье (по переписи 2002 г. итальянцев насчитывалось 2258, для 3762 итальянский язык оказался родным) и венгры в Прекмурье (по переписи 2002 г. венгров насчитывалось 6243, для 7713 венгерский язык оказался родным). Особый статус имеет цыганское меньшинство (3246 цыган было в Словении в 2002 г., для 3 834 цыганский язык – родной). В словенских землях с давних времен проживало также некоторое количество немцев; так, по переписи 1921 г. немцев насчитывалось 42 514 или 3,9% всего населения [5. S. 67], проживали они в Прекмурье, в области Кочевье и Штирии, однако затем произошел отток немецкого населения в немецкоязычные страны¹ (на 2002 г. немцев в Словении было 499).

Особого внимания заслуживают миграционные потоки южнославянских народов. С вхождением словенских земель в государство южных славян заметно возросло число сербского и хорватского населения, что можно проследить по переписям, проводившимися в 1921 и 1931 гг. Если в 1921 г. родным сербохорватский язык признали 11 898 человек (1,13%), то через 10 лет их количество удвоилось и составило 24 136 человек (2,11%) [5. S. 71–72] (впрочем, открытым остается вопрос, как определить, сколько за этими цифрами скрывается сербов, хорватов, черногорцев, славян-мусульман, македонцев, ведь в то время, согласно официальной доктрине государства, существовал один язык). Носителями сербохорватского языка, переселявшимися в словенские земли, были в основном чиновники, военные, ремесленники. В новых политических реалиях сербохорватский язык начинает влиять на словенский, в частности в период после 1919 г. словенский язык обогатился такими словами²: *ročelje, zasluga, ostavka, nasilje, malenkost, nagrada, zatočišče, laskati, suhoparen, odobriti, prezirati, žrtvovati, ožigosati* [6. S. 195]. Это и понятно, поскольку сербохорватский язык взял на себя роль резервного кода (до конца Первой мировой войны роль резервного кода имел немецкий язык), существенно повысился его престиж благодаря использованию в армии, парламенте, торговле [7. S. 30].

В 60-х годах XX в. в Словении происходит рост промышленного производства, что требует привлечения дополнительной рабочей силы в разные отрасли. Кроме того, многие рабочие места оказались вакантными, поскольку словенцы уезжа-

¹ Отток итальянского и венгерского населения также имел место в результате вхождения территорий, населенных итальянцами и венграми, в состав словенских земель, однако он не привел к полному исчезновению самого меньшинства, как в случае с немцами.

² Хотя отдельные влияния прослеживаются начиная с первой половины XIX в., периода иллиризма. Но традиция включения сербохорватских элементов возводится некоторыми учеными еще в более отдаленные времена: отмечается, что «*Evangelia inu listuvu*» под редакцией Томажа Хрена содержит некоторое количество таких элементов (см. [6. С. 195]).

ли в страны Западной Европы, а возможности притока населения из сельских районов Словении были уже исчерпаны (см. [8; 9]). В этнокультурной структуре миграционных потоков со временем происходят изменения: до 1969 г. преобладали переселенцы из Хорватии (в основном из внутренних районов Хорватии, слаборазвитых в экономическом отношении); после 1970 г. больше всего переселенцев прибывало из Боснии и Герцеговины. В 1963 г. в Словению прибыли 23 203 сезонных рабочих. В то время условия жизни трудовых мигрантов были на хорошем уровне – рабочие размещались в общежитиях, было организовано питание в столовых, спортивные мероприятия и т.д. [9. S. 47].

Была распространена не только трудовая миграция, но и так называемая образовательная мобильность. Выбор средних школ (в том числе и школ с профессиональным обучением) в Словении был более широкий, чем в других союзных республиках, в них предлагалось обучение по самым разным специальностям. Соответственно, получение образования в словенских учебных заведениях было престижным, многие переселенцы из Боснии, Сербии, Хорватии приезжали в Словению в подростковом возрасте, а после окончания школ находили работу и оставались в Словении. Школами с наиболее привлекательными специальностями для мигрантов считались школы торговли, парикмахерского дела, инженерные школы [10 S. 123]. Существовала также «маятниковая миграция» учеников средних школ, особенно развитая на словенско-хорватском пограничье: автобусы привозили из Хорватии (Брегана) учеников в образовательные центры словенского города Брежице, а вечером развозили их по домам [11. S. 65].

Существовала еще одна группа переселенцев – чиновники, руководители предприятий и военные. Следует сказать, что армия на территории Словении была организацией, единственным официальным языком которой был сербохорватский язык, сербохорватский оставался официальным и в пограничной службе Югославии на границах с Италией, Австрией и Венгрией [11. S. 63]. В Любляне существовала также единственная школа с сербохорватским языком обучения (школа им. Прежихова Воранца), которую посещали в основном дети военнослужащих и рабочих из других республик Югославии.

Согласно основному закону СФРЮ, словенский язык являлся официальным языком Социалистической Республики Словения (в общинах с итальянским меньшинством – также итальянский, с венгерским меньшинством – также венгерский). Тем не менее в сфере развлечений, спортивной, международных отношениях, союзном парламенте, на телевидении (редко какие иностранные фильмы имели субтитры на словенском) господствовал сербохорватский язык, что укрепляло его престиж [12. S. 22]. Сербохорватский язык был обязательным предметом для изучения в основной школе (правда, как признают исследователи, занимавшиеся этим вопросом, количество часов было недостаточным для полного изучения, скорее, это был вводный курс для последующего усвоения этого языка из окружения³). Отмечается, что народу с небольшой численностью, находящемуся в составе крупных политических объединений, трудно быть одноязычным. В период нахождения в составе Югославии большое количество литературы, в том числе и специальной, было доступно только на сербохорватском языке; сербизмы были привлекательны в качестве источника жаргонных выражений [11. S. 137], многие из них до сих пор остались в активном употреблении. Все эти факты еще раз подтверждают престижное, доминирующее положение, которое занимал сербохорватский язык в югославском обществе до распада страны в 1991 г.

Вместе с тем накапливались проблемы, которые впоследствии привели к негативным последствиям. Сербохорватский и словенский – родственные языки,

³ В 1946 г. программой был предусмотрен один час во втором полугодии 4-го класса. Больше всего часов сербохорватского языка было в 1950-е годы – по два часа в неделю в каждом классе основной школы. С 1970-х годов по 1993/1994 уч. г. сербохорватский язык был обязательным предметом в 5-м классе основной школы в количестве двух часов в неделю (см. [7. S. 36]).

словенцы активно овладевают сербохорватским языком. Многие переселенцы из различных зон распространения сербохорватского языка, видя, что словенцы при разговоре с ними переключаются на их язык, не считали необходимым учить словенский язык [13. S. 14–17]. Во многих школах, где большинство учащихся были из других союзных республик Югославии, было трудно вести образовательный процесс, поскольку ученики не проходили предварительную языковую подготовку, и как следствие, страдал учебный процесс (см. [14; 15]). По конституции СР Словения от 1974 г. использование словенского языка было обязательным при взаимодействии с органами власти, вместе с тем защищались права тех, кто не владел словенским языком [13. S. 15]. Словенский язык если и осваивался переселенцами, то чаще всего в процессе работы, менее всего на специальных занятиях [11. S. 66]. Были распространены и смешанные браки с представителями других народов Югославии, в этом случае процесс ассимиляции переселенцев происходил гораздо быстрее, а их дети были уже полностью адаптированы в словенском обществе [16. S. 207].

После обретения Словенией независимости в 1991 г. языковая ситуация кардинально меняется: сербохорватский язык теряет свой прежний статус привилегированного языка, кроме того, сам язык дезинтегрируется, декларируется, что существуют отдельно сербский, хорватский, боснийский и черногорский языки. Общественно-политические изменения в этих странах приводят к тяжелым социально-экономическим последствиям, которые сказываются на жизни населения до сих пор. В результате усиливается миграция населения из этих республик, Словения становится одной из основных стран, которые приняли и продолжают принимать переселенцев. Вместе с тем изменилось и положение тех мигрантов, которые уже длительное время проживали в Словении, появились так называемые *izbrisani* («вычеркнутые», «стертые»), не получившие словенского гражданства переселенцы из других республик бывшей Югославии. С установлением границы с Хорватией значительно снизилось число приграничных миграций [17. S. 89, 103]. В результате происходит маргинализация как самих мигрантов, так и сербохорватского языка, который с 1993/1994 уч. г. исключается из школьной программы. На тот момент в стране проживало большое количество переселенцев, в том числе и на постоянной основе, которые в повседневной жизни не использовали словенский язык, их коммуникативная компетенция ограничивалась лишь в небольшой степени рецептивной стороной, хотя, как было показано выше на примере межнациональных браков, много было и тех, кто успешно социализировался и освоил словенский язык⁴. По переписи 2002 г. в Словении проживали более 100 000 человек, которые признали сербохорватский язык (точнее, его варианты) в качестве родного языка и более 150 000 [18], кто причислял себя к одной из национальностей бывшей Югославии [19] (подробно см. рис. 1 и рис. 2).

Численно переселенцы из балканских стран и их потомки превышают количество признанных меньшинств – венгров и итальянцев. Однако есть определенные особенности: венгры и итальянцы компактно проживают на территориях, где они являются наряду со словенцами автохтонным населением. Выходцы из республик бывшей Югославии сконцентрированы в основном в промышленных областях и проживают дисперсно, хотя и в большем количестве, чем автохтонные меньшинства. На рис. 3 представлено процентное соотношение между переселенцами и представителями признанных меньшинств (в графе «Балканы» учиты-

⁴ Следует признать, что ситуация с сербохорватским языком и с его носителями в Словении в некоторой степени имеет общие черты с ситуацией вокруг русского языка и русскоязычных в странах Балтии и других бывших республиках СССР: ограничение в правах получения гражданства переселенцев и их потомков, большое количество людей без знания официального языка (прежде всего старшее поколение), негативное отношение части титульных наций к предыдущему периоду истории своей страны в составе крупных политических образований (СССР, Югославия) и, как следствие, это отношение переносится на язык в целом.

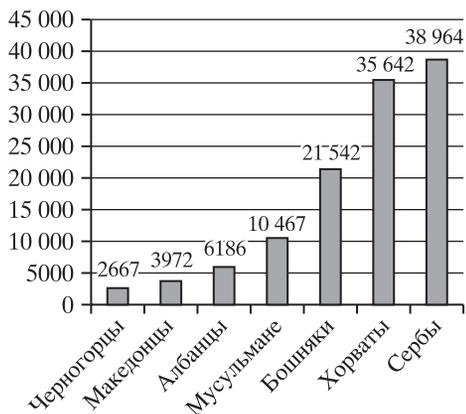

Рис. 1. Национальность

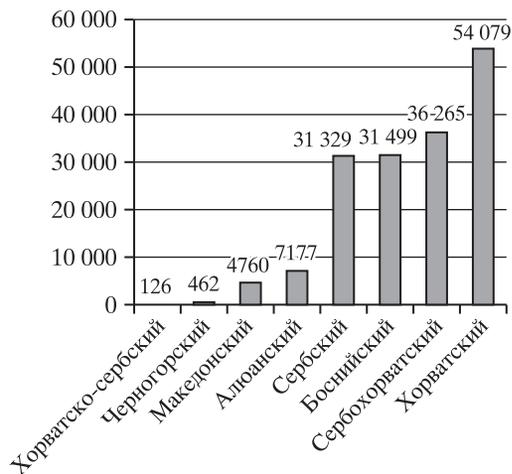

Рис. 2. Родной язык

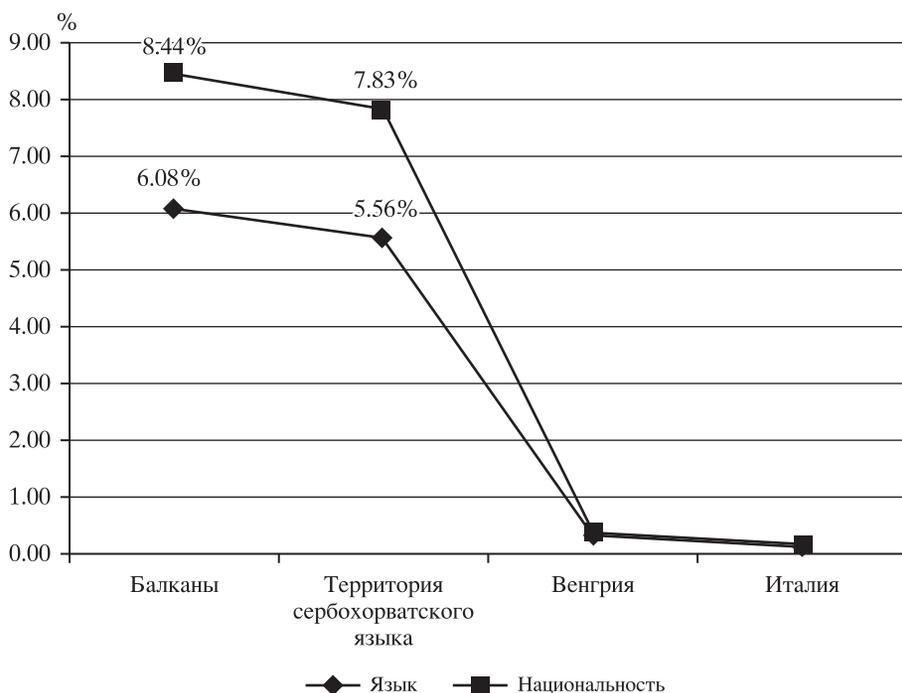

Рис. 3

ваются в том числе албанцы и албанский языки, македонцы и македонский язык, в графе «Территория сербохорватского языка» указаны языки и народы без учета албанцев и македонцев).

Несмотря на все изменения, миграционные потоки после 1991 г. существенно не изменились. Страны бывшей Югославии остаются основными источниками рабочей силы (в 2002 г. 96,1% всех мигрантов приходился на этот регион [20. S. 52]), отсюда же приезжает много молодежи, чтобы продолжить образование в Словении. По данным статистического ведомства Словении за 2011 г. в страну

приехали 10 765 иностранцев, из них треть составляют граждане БиГ (3387), из Косова – 1230, из Сербии – 1174. Каждый пятый переселенец имеет гражданство ЕС, среди них больше всего граждан Болгарии, Италии и Германии; каждый одиннадцатый (943) – из остальных стран (Украина, Россия, Китай) [21]. Таким образом, более половины всех приехавших происходят из бывших югославских республик. Статистические данные за более ранний период также это подтверждают: в 2008 г. разрешение на работу имели 47 000 граждан БиГ, 17 000 граждан Сербии, 9000 из Македонии, 6000 из Хорватии и 5000 из Косова (для сравнения, приехавшие из Болгарии получили 1 300 разрешений, из Словакии – 750, из Румынии – 210) [9. S. 44]. На миграционные потоки влияют, в том числе, внешние факторы – после вступления Словении в ЕС количество мигрантов постоянно увеличивается (в 2007 г. – 66 100, в 2008 – 90 700), однако с наступлением экономического кризиса эти цифры уменьшаются; неизменным остается этнический состав большинства переселенцев. Здесь сказывается и традиция переселений в Словению из других югославских республик, и языковая близость народов, и общность исторического развития в недавнем прошлом, и возможности для экономического развития.

Районы наибольшей концентрации миграционных потоков повторяют карту экономического развития Словении: больше всего мигрантов сосредоточено в промышленно развитых регионах Центральной Словении, Приморья и Краса (в Любляне – 40 000, Целье – 7500, Мариборе – 7000, Копере – 6000, в Кране, Веленье, Новой Горице – 5000). Среди мигрантов преобладают мужчины (69,5%); средний образовательный уровень следующий: основную школу окончили 64,5%, среднюю школу – 31%, высшее образование имеют 1,22% (среди переселенцев из Хорватии – 15%) [20. S. 67–71]. Чаще всего мигранты находят работу в строительной отрасли и обрабатывающей промышленности, в основном это тяжелая и низкооплачиваемая работа⁵. Большой спрос на иностранную рабочую силу фиксируется в таких областях, как торговля, уборка, социальная защита [22. S. 14]. Во время строительства скоростных трасс в конце 1990-х – начале 2000-х годов труд мигрантов также активно использовался [23. S. 148].

Количество переселенцев в Словению с момента обретения страной независимости постоянно увеличивается, однако с наступлением экономического кризиса в конце первого десятилетия XXI в. миграция значительно сокращается (см. рис. 4 и 5 – разница между приехавшими и оставшимися мигрантами позволяет узнать, сколько мигрантов осталось на длительный период)⁶. В какой-то момент число уехавших мигрантов стало выше, чем переселившихся в Словению (рис. 5 – III квартал 2010 г.), затем тенденция снова стала прежней. Как уже было отмечено, большинство мигрантов приезжают из республик бывшей Югославии. На рис. 6 представлено структурное распределение занятий пребывающих в страну мигрантов (количество переселенцев из Македонии, желающих получить образование в Словении, не было указано) (данные приводятся по [20. S. 59]).

Заметна следующая тенденция: число мигрантов, приезжающих на постоянную (длительную работу) превалирует над теми, кого интересует сезонное трудоустройство. Воссоединение семьи обычно означает переселение жен и детей мигрантов из указанных стран на постоянное жительство в Словению (обычно по приглашению мужа, отца и т.д.). Переселенцев из БиГ, Сербии, Македонии интересует трудоустройство в большем количестве случаев, чем переселенцев из Хорватии (что, по всей видимости, объясняется различным социально-экономи-

⁵ Здесь стоит вспомнить о том, на какую работу чаще всего устраивались словенцы, приехав в Аргентину – в том случае речь также шла о низкооплачиваемой работе.

⁶ При построении рис. 5 использовались данные статистического ведомства Словении [24], при построении рис. 4 – [25].

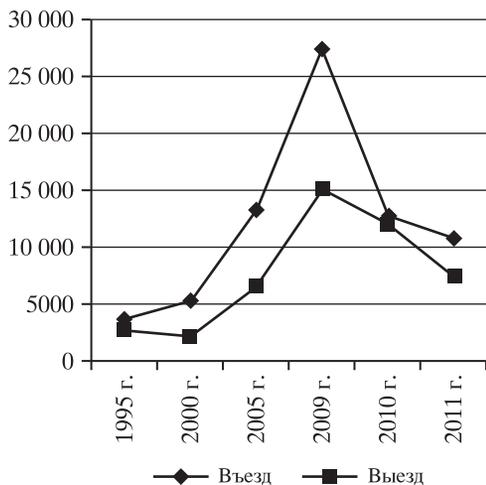

Рис. 4

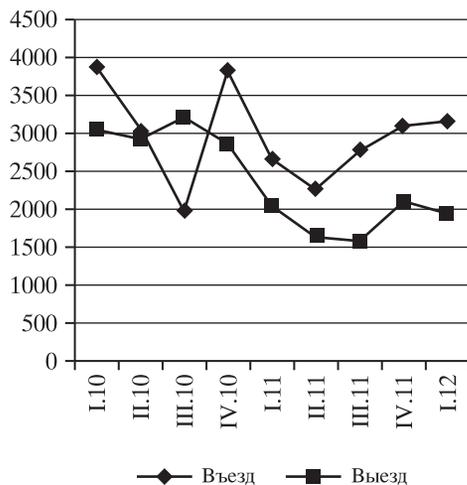

Рис. 5

ческим положением в этих странах), напротив, получающих образование в Словении граждан Хорватии больше, чем из всех остальных стран⁷.

Что касается мигрантов из Боснии и Герцеговины, то их количественно больше. Среди них достаточное число политических беженцев, в основном бошняков [23. S. 147–157]. В результате войны в БиГ много мусульман переехали в Словению, где они получили официальный статус беженца⁸; после окончания войны приток беженцев из Боснии заметно снижается: если в 1993 г. в Словению прибыли 31 000 беженцев, то в 1997 г. – чуть более 7000 [23. S. 149]. Для мигрантов из БиГ характерна большая доля безработных, доля безработных среди мусульманского населения еще больше: в 2002 г. в Словении насчитывалось 8,9% безработных, среди словенцев работу искали 8,1%, у хорватов безработных было 10%, у македонцев – 11,3%, сербов – 12,3%, черногорцев – 13,3%, бошняков – 14%, мусульман – 15,8%, албанцев – 16,7%.

Естественно, что мигранты из всех стран, в особенности из БиГ, находятся в социально незащищенном положении. Нередки случаи использования их труда без оплаты, условия проживания многих приезжих неудовлетворительные. Сказывается и невысокий уровень образования переселенцев, и культурная дистанция (больше всего мигрантов из сельской местности с преобладанием исламской или православной культурной традиции). В словенском обществе постоянно идут дискуссии на тему адаптации мигрантов, часто можно услышать и радикальную риторику. Нерешенным остается вопрос о статусе переселенцев времен союзной Югославии. Очевидно и изменение отношения к некогда единому сербохорватскому языку: из языка престижного, использовавшегося в том числе и в международных делах, он превратился в несколько конкурирующих языков с не всегда четкими правилами кодификации, распространенных в странах с нестабильной политической и экономической обстановкой, откуда в Словению прибывает больше всего переселенцев (часто с криминальными намерениями). Таково общее восприятие мигрантов в словенской среде. Отчетливее всего это отношение можно проследить при обсуждении подобных тем в интернет-коммуникации (в блогах,

⁷ В 2005 г. среди прибывших в Словению граждан Хорватии 44,6 % приехали с целью получения образования.

⁸ Среди беженцев в Словении были граждане БиГ всех национальностей, однако мусульман (бошняков) было больше. Сербы из БиГ переселялись в Сербию, хорваты – в Хорватию, мусульмане же направлялись в Словению. Кроме того, было распространено переселение в западные страны.

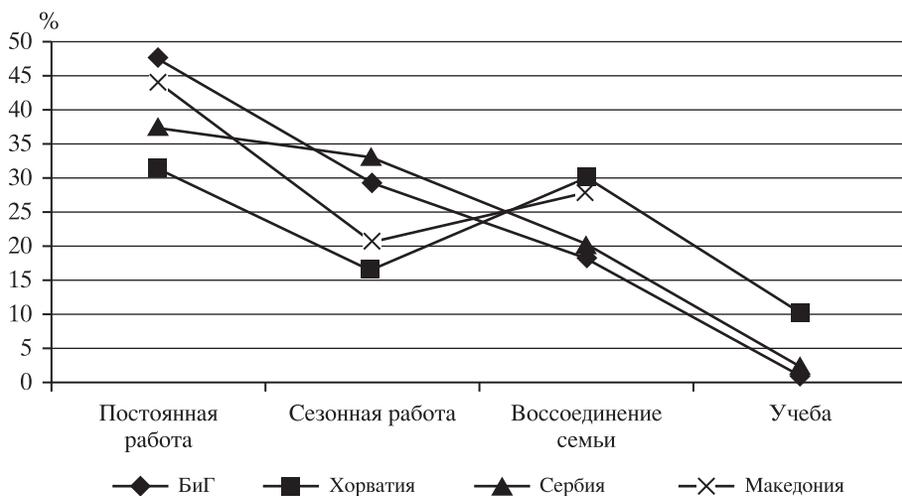

Рис. 6

на форумах, посвященных вопросам миграций). В словенских интернет-ресурсах были отслежены дискуссии о миграционной политике, языковом поведении переселенцев, культурных различиях местного населения и мигрантов (высказывания датированы начиная с 2005 г. и по настоящее время). В результате воссоздается восприятие явлений, связанных с миграциями, со стороны словенцев.

Многим словенцам непонятно, как старшее поколение переселенцев, живущих в Словении 20 и более лет, не может говорить по-словенски. Объяснения находят в том, что этим людям трудно приспособиться, так как тогда были другие времена, была другая языковая ситуация, а сейчас меняться уже поздно. Но по сравнению со временем социалистической Югославии в современной Словении мигранты язык учат, иначе трудно адаптироваться.

(bella_9) [26] Мне действует на нервы, если кто-то по прошествии, не знаю, скольких лет, не может говорить по-словенски, причина, конечно, в том, что не хотят учить.

(ANSAF) Немного меня раздражает, особенно, когда вижу, что им «очень тяжело» выучить словенский, который, конечно же, трудный, но, если ты живешь в какой-то стране много лет, язык автоматически тебя втягивает.

(kr.ena) Меня раздражает, что кто-то не хочет учить язык, хотя я думаю, что этого все же меньше, чем 20 лет назад.

(Tiavanna) Что касается того, что спустя много лет жизни в Словении они все еще говорят на своем языке, ... хм... немного меня раздражает.... Мне кажется, что ты должен как-то приспособиться в стране, в которую переехал.

(GENIJ) [27] Мой сосед не босниец, он серб, в Словении он получает пенсию. Этот тип и сегодня не знает словенский, просто не хочет ассимилироваться. И таких мы должны любить и уважать?

(Janez Novak) [28] Если ты решаешь переехать жить в другую страну, ты должен перенять ее язык и культуру. Хотя бы в общественных местах (дома делай, что хочешь, лишь бы не мешало соседям). Это отлично получается у албанцев. Со мной еще ни разу не случилось, чтобы кебаб или мороженое мне предложили по-албански. Но однажды ко мне врач обратился на отличном сербском языке.

⁹ Здесь и далее ссылка при имени пользователя сети означает, что все следующие за ним мнения пользователей без ссылки были найдены по указанному интернет-адресу.

(*Čiračara*) [29] *Мое мнение такое: если бы я жила в Германии, Италии или еще где-то, я бы обязательно должна была бы говорить на их языке. У нас есть люди из бывшей Югославии, которые живут здесь 30 лет и все еще не говорят по-словенски. Это потому, что мы позволяем это. Я ничего не имею против, ведь я не националист, но меня это раздражает.*

(*Skuštrana*) *Моя мама приехала в Словению, когда ей было 20 лет. Она устроилась работать уборщицей, на работе у нее было мало общения с людьми, поэтому она не могла в совершенстве выучить словенский. Вы должны знать, что мигранты – это в основном люди с низким уровнем образования, словенцы на них смотрели свысока, поэтому наши родители не могли хорошо выучить язык.*

(*Glasnik sem tišine; in sem Tišina ...*) [30] *Почему, когда я стою в очереди в Меркаторе¹⁰, я должен просто так ждать, пока один пенсионер разговаривает с продавицей по-сербохорватски, не знаю, о буреке, о погоде, об освещении в общественных местах... Неужели он не смог за 40 лет выучить словенский?*

(8888) *Я знаю женщину, которая у нас уже 40 лет и она с трудом говорит по-словенски. У нее был муж словенец, сейчас трое детей, которые ассимилировались, но не забывают своих корней...*

(*Viper_XxL*) *Поскольку некоторые не хотят учить словенский и говорят на смеси сербского, хорватского, боснийского, они могут обойтись без знания словенского языка. Большинство же мигрантов все же выучивают язык, потому что у них нет иного выхода.*

Следующей важной темой при восприятии мигрантов из южных республик является поведение молодежи – потомков мигрантов. Чаще всего они ведут себя вызывающе, включают громко музыку, говорят не по-словенски, имеют проблемы с полицией. В молодежной среде распространена безработица. Сконцентрирована такая молодежь в основном в «рабочих» районах, которые постепенно становятся похожими на гетто. Самое интересное, что их поведение становится модным и в словенской среде: распространяется турбофолк¹¹, словенский язык может приобретать «южный» акцент. Проблема адаптация «южняков» (*južnjak*) сейчас особенно актуальна, о чем, в частности, свидетельствует успех романа Горана Войновича «*Čefurji, gaus!*» (2008). Появляется следующее разделение: распространенное слово *čefur* относится не ко всем мигрантам с юга, а к стилю поведения, вызывающему ассоциации с неконтролируемым поведением, провокацией, использованием своего языка (часто «свой» язык оказывается на очень низком уровне); в речи происходит непроизвольное смешение словенских и сербохорватских элементов (на такой языковой смеси написан роман «*Čefurji, gaus!*»). Приведем некоторые комментарии словенцев на эту тему.

(*MiSsY*) [26] *Что касается языка, меня очень раздражает, когда некоторые молодые «южняки» очень активно разговаривают на своем языке в общественных местах, этот их язык имеет специфический искусственный акцент. Мне кажется, что в Боснии или Сербии не говорят с такими ошибками, как здесь.*

(*Dekameron*) [31] *Я знаю нескольких «южняков», и редко кто из них нормальный, большинство из них в Есенице¹² и окрестностях города очень примитивные (это не значит, что не существует исключений). Женщин привлекает в них агрессивность и квазидоминирование, чего у нас, словенцев, нет.*

(*Simon*) [28] *Что касается мультинациональной среды (Фужине, Штепанско насеље, Ярие...)¹³, то эти районы были построены для рабочих из республик бывшей Югославии. Сейчас это «их» территория, территория, где они чувствуют себя почти как дома, словенцы там «в гостях».*

¹⁰ Mercator – словенская торговая сеть

¹¹ Жанр музыки, популярный в балканских странах, сочетает элементы поп музыки и народных мотивов.

¹² Промышленный город на севере Словении.

¹³ Районы Любляны.

(Cecil) Ćefur и босниец не одно и то же. Определение Ćefur не означает национальность. Если «иностранец» уважает свою «новую родину», он вовсе не Ćefur.

(oprazovalec) Я живу в районе, в котором живет народ из бывшей Югославии, поэтому я хорошо знаю ситуацию. Я думаю, что нетерпимость, прежде всего, в молодежи «южняков», потому что они себя ведут, как будто все вокруг принадлежит им. Совсем другие их родители, которые осознают, что приехали в Словению 30–40 лет назад, чтобы работать и обеспечить благосостояние своим детям этой работой.

(Anopiten) [29] Я ничего не имею против них, но меня раздражает, что из всех окон слышна их музыка, что они между собой разговаривают громко, что их слышно везде. Мне кажется, что они выделяются благодаря своему темпераменту... В основной школе меня раздражало, что «южняки» говорили на своем языке, это стало популярным.

(Tjula) Если бы они нормально себя вели: в нашем доме полно наркоманов, все разъезжают на BMW, с намаженными волосами, из окон слышна Цеца¹⁴, мусор бросают в урны... половина из жильцов нашего дома сидела в тюрьме...

(Utisevalec) [30] Посмотри, как говорят переселенцы, ты увидишь, что это не сербский/хорватский язык. Их письменная речь тоже неправильная. Если люди не знают, что такое глагол и знаки препинания, они никогда не выучат другой язык. И дети таких родителей останутся на таком же уровне, потому что родители им не могут ничего дать.

Среди словенцев растет недовольство тем, что в определенных местах, учреждениях переселенцы и их потомки говорят по-сербохорватски (детские сады, школы, некоторые городские районы и т.д.). Все это приводит к ощущению угрозы, словенцы чувствуют опасность со стороны более пассионарных южных соседей, что вызывает неприятие данной ситуации и требование говорить по-словенски даже во время частного общения. Создается впечатление, что «южняки» повсюду.

(Cvetka L.) [32] Это ужасно. Когда идешь по Любляне, почти не слышишь ни слова по-словенски. Неужели в Любляне так много переселенцев с юга?

(sesutje) Приезжайте в Есенице и вы увидите, что такое оккупация и как уничтожен красивый город.

(3244) У нас в доме (не в Фужинах), балканцы говорят между собой только по-балкански. Словенский язык для них не существует. Выходишь во двор и слышишь, как они перекрикиваются... Ужас.

(Tjula) [29] Мы живем в таком районе Любляны, в котором соотношение населения примерно 70:30 (70 – выходцы из балканских стран). Моя дочь ходит в садик, в ее группе половина детей югославы, половина – словенцев. Не так давно она стала приносить в дом сербские/боснийские/албанские слова, в том числе и ругательства...

(Rozalija) Ты должна будешь потерпеть, объяснить ребенку, что это другой язык, а дома нужно говорить по-словенски, или запиши ребенка в «словенский» садик... если ты его где-нибудь найдешь.

(riščanc) Иногда, когда я во дворе перед своим домом, я не знаю, в Словении ли я или где-то в более южных краях; чувствую себя иностранкой. Но пока они ведут себя достойно, мне это не сильно мешает.

(kofetek2010) Мой сын играл в футбол в люблянском клубе, в котором 99% не-словенцев, и меня это сильно раздражало, поэтому мы его перевели в другой клуб. За это время он не раз приносил домой словенские слова.

(Anopiten) Там, где я раньше жила, я постоянно слышала сербохорватскую речь, словенского языка не было вообще. И если бы сейчас мой ребенок начал употреблять сербохорватский язык, меня бы это насторожило. Сейчас я живу

¹⁴ Популярная сербская исполнительница турбофолк музыки.

в словенскоязычной среде и сербохорватский язык мне не мешает, если я его слышу. Вероятно, если человек находится в иноязычном окружении, он чувствует угрозу и становится более восприимчивым.

(Robi) [30] В Фужинах есть классы в школе, где учатся только «южняки», об этом был сюжет по SLO 1. Говорят, что в Любляне уже несколько таких классов. Если посмотришь на этих покрытых мам, то становится понятным, что это так.

Выше были приведены мнения словенцев с негативной оценкой групп переселенцев. Однако многие словенцы не видят в проблеме миграции отрицательных сторон, скорее воспринимают это как дополнительную возможность для себя и своих детей практиковаться в еще одном языке. Этот факт говорит о том, что маргинализация сербохорватского языка, начавшаяся в 90-е годы XX в., постепенно проходит, уступая место прагматизму¹⁵. Так, в результате недавних исследований было установлено, что около 40% словенцев при разговоре с сербами, хорватами, боснийцами, черногорцами используют словенский язык, остальные назвали сербский, хорватский, боснийский и т.д. [33. S. 35]

Данная группа словенцев настроена толерантно и готова к адаптации переселенцев из балканских стран. Отмечается, что помимо тех, кто не может (или не хочет) говорить по-словенски, есть много мигрантов, которые освоили этот язык и полностью вписались в словенское общество. Позитивное восприятие основывается на личном опыте. Приведем несколько высказываний.

(jurke) [34] В той квартире некоторое время назад жила албанка (сейчас там, по-моему, тоже живут албанцы), мне она нисколько не мешала. Наверху, думаю, живут боснийцы (не уверен, откуда-то с юга), вполне нормальные соседи.

(allessya) Я их (переселенцев с юга) не встречаю часто, поэтому не обращаю внимания на эту проблему. Отец моей коллеги из Боснии говорит на смеси языков, но меня это не раздражает, несмотря на то, что он живет в Словении уже более 20 лет.

(Frenkie) У меня нет ничего против них, в какой-то степени они для меня приемлемы. У меня был парень, родители которого живут в Сербии, должна сказать, что это очень порядочная семья.

(Baldrijanstvo) [27] Боснийцы, с которыми я знаком, в большинстве своем порядочные, открытые, симпатичные люди, всегда готовы помочь, очень обходительны и веселые... Не могу сказать, что я их не люблю. С другой стороны, я знаю много словенцев, которые обладают негативными качествами, и все же не могу сказать, что не люблю словенцев, ведь существуют словенцы с противоположными качествами. Я не могу делать выводы на основе знакомства с отдельными людьми и при этом учитывать только один критерий – национальность.

(Nova tata) [35] Мультикультурная среда меня не раздражает. Ребенок ходит в 1 класс, может уже многое сказать по-хорватски/сербски/боснийски, что, конечно, ему не повредит.

(borovnička) [29] У нас в садике воспитательницы говорят с детьми только по-словенски, несмотря на то, понимают ли нас дети или нет. У нас был мальчик албанец, который не знал словенского. Другие дети ему помогали, хотя тоже не понимали его. Пару месяцев спустя мальчик уже освоился. Дети могут найти друг с другом общий язык... Боснийские дети между собой говорят на своем языке. Это их право и мы не можем вмешиваться (конвенция о правах детей). Да и сами дети быстро «принюхались» и уже точно знали, с кем могут говорить по-сербохорватски, а с кем – по-словенски.

(Vera*) Я работаю на предприятии, где много «южняков». Некоторые знают словенский, другие нет. Мне это совсем не мешает. Если меня не понимают, я

¹⁵ См. [33. S. 30]. В учебные планы с недавнего времени введен хорватский язык как язык соседней страны, в школе его можно выбрать по желанию (см. [7. S. 38]).

им нарисую, таким образом работа становится более интересной. Они мне испекут буреки, а я им – потицу. Вот так. Ведь мы же взрослые.

(Anopitnen) Мои родители живут в доме, где они единственные словенцы. И все жильцы нормальные. Приветливые и спокойные.

(gretzky) [30] Я знаком с одной боснийкой, о которой я не знал долгое время, что она не словенка (даже имя у нее такое, которое широко распространено у нас). Она не врач, не ядерный физик, окончила профессиональное училище, но желание остаться здесь было настолько велико, что она выучила наш язык.

Объективную картину о ситуации можно составить только в том случае, когда будут учитываться мнения противоположной группы. Это очень важный принцип, он использовался и при проведении широкомасштабных исследований о миграции в России [36]. С этой целью были отобраны наиболее репрезентативные высказывания при поиске в интернет-ресурсах балканских стран (Босния и Герцеговина, Сербия, Македония), а также проведены интервью с переселенцами и их потомками в самой Словении. Все мнения о жизни, работе, адаптации в Словении можно разделить на несколько групп. В первую группу попадают высказывания с негативным оттенком: положение мигрантов в Словении очень тяжелое, социальная и иная защита отсутствует, словенцы никогда не будут считаться с переселенцем как с равным себе, опасно также говорить в Словении по-сербско-хорватски, так как реакция людей неодобрительная. Распространено мнение, что из-за языкового родства словенский язык можно выучить, находясь в среде, без посещения курсов и специальной подготовки.

(А. Т.) [37] Я здесь с 1981 года, работаю по постоянному контракту в Меркаторе. И меня все еще до сих пор не считают даже приблизительно равным себе. Многие словенцы обогатились за наш счет. Наши люди остались без зарплат, их высылают в Боснию за то, что они требовали то, что им причитается. Можно сказать, что втихомолку пытаются ввести своего рода современное рабовладение.

(la vik74) [38] В конце концов, наши боснийцы никакие не хозяева и директора в Словении, а рабочая сила самого низшего уровня, которая у словенского хозяина даже пикнуть не смеет. Такие люди не защищают ни честь, ни достоинство, они обычные слуги, какими они были при турках, австрийцах или при сербах Тито.

В большинстве случаев нас считают людьми низшего сорта. Это последствия других факторов, в особенности «образа» среднестатистического боснийца в глазах словенца: это несчастный чернорабочий, который оказался в Словении ради заработка и работает на железной дороге, в общественном транспорте и т.д...

(desimala) [39] В Любляне люди в основном страдают от комплекса неполноценности и демонстрируют это при каждом удобном случае. Из иностранцев больше всего не любят балканцев, они не различают сербов, хорватов, албанцев, черногорцев и мусульман из БиГ. Кроме того, в Любляне много сербов, хорватов, боснийцев, албанцев, а в некоторых районах (Фужине, Шишка...) вы можете обойтись без знания словенского языка, поскольку жители и работники в окрестных магазинах в основном балканцы. В других местах может случиться, словенцы будут делать вид, что не понимают сербский. Все зависит от того, какой человек вам встретится. На работе у вас не будет проблем с незнанием словенского языка (поскольку вы специалист, а когда речь идет о делах, словенцы не делают различия, деньги есть деньги). Вы должны будете выучить хоть что-то, чтобы общаться с людьми в городе (магазины). Словенский язык близок к сербскому и нет необходимости в курсах, только немного логики и внимания при разговоре – многое можно выучить таким образом.

Ко второй группе можно отнести высказывания об опыте работы в Словении, когда развенчиваются представления о том, что это страна больших возможнос-

тей и цивилизованного подхода к рабочим на рынке труда. Некоторые боснийцы (вероятно, в качестве реванша) готовы отстаивать свои права, поскольку словенская экономика переживала подъем в том числе и за счет труда мигрантов.

(К. S.) [37] *Ни в коем случае не чувствуйте себя гражданами низшего сорта в Словении. Словения будет и должна быть благодарна бошнякам, которые проливали кровь и пот, чтобы построить эту страну. Сейчас Словения одновременно страна и словенцев и бошняков. Нужно отбросить национализм, бошняки должны иметь равные со словенцами права в Словении, потому что они заслужили это своей работой, потом, кровью, знанием и волей.*

(S. E.) *У каждого боснийца начало своей истории всегда грустное, особенно если не можешь адаптироваться там, куда приехал... Везде, куда мы едем, обещают много... А эти ауди, мерседесы и бтв, на которых наши люди приезжают в отпуск в Боснию, взяты в лизинг, но лишь бы была видна роскошь! Мы стали совсем как словенцы.*

(M. P.) *Оказывается, все боснийцы в Словении – рабы.*

(Ljubljancanin) [40] *Словении, может, и требуются боснийцы, но вы должны знать, что половина этих боснийцев едва сводит концы с концами, им не выплачивается зарплата и затем они без денег возвращаются в Боснию. Привезут людей из Боснии и Македонии, а люди живут в бараках как свиньи, работают как негры, чтобы порадовать свою семью, вернуться с деньгами и подарками для детей. И вот мы видим по словенскому телевидению заплаканные лица боснийцев и македонцев, которые не могут ничего сделать и вынуждены без денег вернуться домой. Это мы называем современным рабством. Некоторые словенские фирмы используют несчастных людей, которые приехали хоть что-нибудь заработать.*

К последней группе высказываний относятся истории успеха в Словении. Как правило, у этих людей нет проблем с адаптацией в словенском обществе, с поиском работы. Даже несмотря на то, что в Словении они зарабатывают относительно немного, они готовы приезжать и даже переселиться на постоянное жительство.

(D. P.) [37] *Пока мои коллеги жаловались, что мало зарабатывают (600–700 евро за 200 рабочих часов), я зарабатывал 800–1000, но работал более 400 часов. Могу сказать, что в фирме я много раз сталкивался с оскорблениями в свой адрес из-за того, что я босниец, от них можно ожидать всякого. Но есть и нормальные, хорошие люди. Я проехал всю Словению вдоль и поперек. Целье и Марибор намного лучше Любляны.*

(E. H.) *Я знаю, что мой коллега в Словении работает на двух работах и зарабатывает хорошо, а в Боснии у него нет ни одной работы, а тем более зарплаты...*

(M. N.) *Я здесь чувствую себя безопаснее, чем в БиГ, работаю, живу вместе с семьей. Я работаю в фирме со словенцами, они ко мне относятся как к равному.*

(E. D.) *Спустя год после того как я проработал за «бесплатно», я устроился на одно успешное предприятие, где я был вторым боснийцем в коллективе, состоящим из 22 сотрудников. Я никогда не чувствовал, что местные на меня смотрят как-то по-другому из-за моей национальности. Я перевез свою семью в «землю обетованную», моего ребенка в школе приняли нормально, он ходит также в футбольную школу, жена получила все необходимые документы.*

(D. S.) [40] *Я родился в Любляне, живу всю жизнь в Словении и могу сказать, что здесь нас никто не дискриминирует. Словения для нас как Сербия. Приглашаю всех сербов из Сербии приехать на отдых в Словению, чтобы они посмотрели, как живут здесь сербы. Это будет пример для всех стран в целом регионе.*

Я приехал сюда более 5 лет назад и не могу на что-то жаловаться, хотя это не значит, что нет случаев, когда остаешься без работы на следующее утро. Этим рабочим очень тяжело.

(bigar samo zaradi rabota) [41] Я взял в долг 500 евро у брата, чтобы сделать болгарский паспорт. И вот уже 4 года я в Словении. Здесь работает и мой брат. Каждый день я думаю о своей семье и детях. Но что поделаешь, у меня нет другого выхода. Здесь я зарабатываю 800 евро в месяц, 500 евро отправляю домой, а на то, что мне остается, свожу концы с концами как последний нищий. Я сказал жене, чтобы она тоже сделала себе паспорт и приехала сюда работать, если все будет нормально, мы переселимся сюда с детьми. В Македонии нет работы для честных и работающих людей.

Среди информантов, у которых удалось взять интервью, преобладают переселенцы из Боснии. Приведем несколько историй, которые иллюстрируют судьбу мигрантов как в первом, так и во втором поколении. Информанты из семьи К. (первое поколение) переселились в Словению во времена существования единого государства СФРЮ более 30 лет назад. В Зворнике, откуда родом А., осталась вся семья. В Любляне А. посещала профессиональное училище¹⁶, проблем со словенским языком никогда не было, в семье используется сербский язык, при работе с клиентами (в ресторане, принадлежащем семье А.) используется словенский язык со словенцами и сербский язык во время разговора с посетителями из соответствующих стран. Муж А. – по национальности серб, дети родились в Словении (второе поколение), все они хорошо адаптировались в словенском обществе, при этом часто общаются и с соотечественниками (в том числе и по роду занятий – собственный ресторан), поддерживают связи с исторической родиной. Отношение к словенцам положительное, хотя А. отмечает, что они очень сдержанные, но *«мы их всегда можем развеселить в нашей компании, мы темпераментные»*. Следует сказать, что среди посетителей очень много словенцев, которые с удовольствием приходят в ресторан попробовать балканские блюда. Словенцы и сами признают, что им нравится атмосфера заведения, а также общение с посетителями и владельцами ресторана.

Другой тип мигрантов – временно проживающие в Словении рабочие. В свое время многие из них имели статус беженца в Словении, Германии из-за войны в Боснии (сами они разных национальностей – хорваты, сербы), но с нормализацией обстановки на родине вернулись обратно. Поскольку в БиГ тяжелая экономическая обстановка, пришлось приехать в Словению, чтобы найти работу. Словенским языком эти переселенцы владеют плохо, что позволяет общаться только на самые простые темы. В некоторых местах (например, вокзал, автобусная станция) они используют сербохорватский язык (при этом служащие им отвечают по-словенски и они понимают ответ, либо по-сербохорватски). Один собеседник из Македонии работает в строительной отрасли уже несколько лет. Он был вынужден уехать из страны, так как не мог найти работу. Словенским языком он владеет на среднем уровне, чаще всего заметно отсутствие изменения существительных по падежам, что отражает особенности македонского языка.

Еще один информант З. родилась в Словении, ее родители приехали в Любляну примерно 40 лет назад. По-словенски она говорит на работе, с друзьями, обучение было также на словенском языке, на родном разговаривает только с родителями. По признанию З., во время поездок в Боснию в ее сербохорватский язык проникает много словенизмов, поскольку словенский язык является преимущественным средством общения. В целом З. не чувствует никакой разницы между собой и остальными словенцами.

¹⁶ О популярности словенских школ, профессиональных училищ во времена СФРЮ упоминалось выше.

Достаточно многочисленная группа выходцев из балканских стран – студенты, обучающиеся в Словении (по обмену или на постоянной основе). Больше всего таких студентов в Любляне. Нашими собеседниками были приехавшие из Боснии и Македонии студенты медицинского, экономического и философского факультетов Люблянского университета. Проблем с адаптацией у них не возникает, словенский язык они осваивают быстро, македонцы на первом этапе пользуются английским языком. Многие студенты планируют остаться в Словении, либо переехать в одну из стран Западной Европы. Среди студентов были и те, чьи родители приехали в Словению и привезли их с собой в раннем детстве. Для них словенский язык становится первичным средством общения, сербохорватский, македонский отступают на второй план. Никаких признаков дискриминации по отношению к себе они не испытывают, единственное, что их отличает от большинства, по их признанию – характерная фамилия (окончания на *-ić, -ski, -ov/-ev*)¹⁷.

Таким образом, проблема мигрантов в Словении комплексная. Следует помнить, что словенские земли всегда были источником миграции населения, сегодня словенские общины есть во многих странах. Как правило, уже в третьем поколении словенский язык вытесняется языком страны пребывания [4. S. 81]. Тот же самый процесс происходит уже на словенской территории. Мигранты во втором и третьем поколении чаще используют словенский язык. Переселения на словенской территории происходили постоянно, особенно активно – в XX в. Сейчас правами меньшинств на территории Словении обладают немногочисленные общины венгров и итальянцев. Правовой статус переселенцев и их потомков из балканских стран никак не оговаривается в существующих законах, что создает определенное напряжение в части общества.

Переселения из балканских стран связаны с историей Словении и всего региона Юго-Восточной Европы в целом. Кроме того прослеживается связь между процессами миграции и положением сербохорватского языка в Словении. Чтобы лучше понять общественные процессы, в статье был дан краткий исторический обзор проблематики.

Удалось сравнить мнения словенцев о переселенцах и мнения переселенцев о Словении. Выделяется группа словенцев, которые отрицательно относятся к мигрантам (по причине незнания мигрантами словенского языка, поведения молодежи в общественных местах, большого числа мигрантов в определенных сферах и учреждениях), и группа, положительно относящаяся к переселенцам, поддерживающая адаптацию мигрантов, сам же процесс они воспринимают как создание мультикультурной среды. Для Словении характерен культурный конфликт с переселенцами с юга по линии «север–юг» (характерно само название переселенцев в словенском языке – *južnjaki*). Согласно представителям этой группы, есть следующий стереотип: в Словении (на севере) проживают спокойные, работающие люди, которые не любят людей с непонятной культурой (юг), громко разговаривающих и не желающих адаптироваться (прежде всего – учить язык).

Переселенцы также разделены во мнениях: одни говорят, что в Словении к мигрантам относятся пренебрежительно, их часто обманывают, что они становятся рабами, другие, напротив, не чувствуют дискомфорта в словенском обществе, у них нет проблем с языком, в жизни и работе в Словении они видят больше возможностей, чем на родине. Особо следует сказать о молодом поколении, потомках переселенцев. Часть из них вызывает раздражение у словенского общества из-за своей криминализации, закрытости, провокационного поведения, подчеркивания

---

¹⁷ О том, что словенский язык постепенно вытесняет сербохорватский во всех сферах общения у второго и третьего поколения мигрантов, пишет А. Халилович в своем исследовании (см. [42. S. 68–69]). В другом исследовании был получен похожий результат: собственную коммуникативную компетенцию в словенском языке мигранты в первом поколении оценили как «очень хорошую» в 58,9 % случаев, их потомки – в 95,5 % случаев (см. [10. S. 123]).

своих национальных особенностей. Другая часть молодежи практически ничем не отличается от своих словенских сверстников, успешно вписалась в общество, владеет словенским языком в совершенстве. По всей видимости, здесь играют роль социальные условия жизни переселенцев и их потомков, желание родителей адаптироваться, успешная социализация в целом.

Опыт Словении в миграционной политике, вероятно, будет интересен и в России, поскольку в нашей стране происходят активные миграционные процессы, которые вызывают самые разные мнения в обществе. Кроме того, актуальным остается положение русскоязычных граждан в бывших республиках СССР, часть из которых не имеет равных прав с титульным населением отдельных республик, что, отчасти, сходно с положением так называемых *izbrisanih* в словенском государстве.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Переведенцев В.И.* Методы изучения миграции населения М., 1975.
2. *Юрин А.В.* Миграционные процессы в странах ЕС и пути их регулирования. Автореф. дисс. ... канд. эконом. наук. М., 2010.
3. *Genorio R.* Slovenci v Argentini. Geografske razsežnosti priseljevanja in razvoj njihovih naselbin v Buenos Airesu in Cordobi. Doktorska disertacija. Ljubljana, 1993.
4. *Žigon Z.* Funkcionalni bilingvizem in Slovenci v Argentini in Urugvaju // Dve domovini. Razprave o izseljenstvu. Two Homelands. Migration studies. Ljubljana, 1993. № 7.
5. Varstvo manjšin. Uvodna pojasnila in dokumenti. Ljubljana, 2002.
6. *Majdič V.* Proti lektorskim preterivanjem // Jezik in slovstvo. 1988. № 7/8.
7. *Požgaj Hadži V., Balažič Bulc T.* Kam je izginila srbohrvaščina? Status jezika nekoč in danes // Večkulturnost v slovenskem jeziku, literature in kulturi. 27.6–15.7.2005. Zbornik predavanj. Ljubljana, 2005.
8. *Malačič J.* Zaposlovanje tujcev in imigracije v Slovenijo // Migranti v Sloveniji – med integracijo in aliencijo. Koper, 2010.
9. *Medica K.* Sodobni integracijski procesi in kontroverznosti krožnih migracij // Migranti v Sloveniji – med integracijo in aliencijo. Koper, 2010.
10. *Medvešek M., Bešter R.* Migrantski otroci v slovenskem šolstvu // Migranti v Sloveniji – med integracijo in aliencijo. Koper, 2010.
11. *Toporišič J.* Družbenost slovenskega jezika. Sociolinvistična razpravljanja. Ljubljana, 1991.
12. *Pogorelec B.* Uvodno poročilo // Slovenščina v javnosti. Posvetovanje o slovenskem jeziku. Portorož 14. in 15. Maja 1979. Ljubljana, 1983.
13. *Stabej M.* Kdo si, ki govoriš slovensko? // Slovenščina in njeni uporabniki v luči evropske integracije. Koper, 2005.
14. *Pogorelec B., Gnamuš O.* Jezik v vzgoji in izobraževanju // Slovenščina v javnosti. Posvetovanje o slovenskem jeziku. Portorož 14. in 15. Maja 1979. Ljubljana, 1983.
15. *Slamič I.* Izobraževanje odraslih delavcev za petnajstletnike iz Bosne // Slovenščina v javnosti. Posvetovanje o slovenskem jeziku. Portorož 14. in 15. Maja 1979. Ljubljana, 1983.
16. *Sedmak M.* Jezikovne izbire članov etnično mešanih družin // Slovenščina v javnosti. Posvetovanje o slovenskem jeziku. Portorož 14. in 15. Maja 1979. Ljubljana, 1983.
17. Slovensko-hrvaški obmejni proctor. Življenje ob meji. Predstavitev rezultatov terenske raziskave. Ljubljana, 1999.
18. http://www.stat.si/popis2002/si/rezultati/rezultati_red.asp?ter=SLO&st=9
19. [http://www.stat.si/popis2002/si/rezultati/rezultati_red.asp?ter=SLO&st=http://www.stat.si/popis2002/si/rezultati/rezultati_red.asp?ter=SLO&st=http://www.stat.si/popis2002/si/rezultati/rezultati_red.asp?ter=SLO&st=7](http://www.stat.si/popis2002/si/rezultati/rezultati_red.asp?ter=SLO&st=http://www.stat.si/popis2002/si/rezultati/rezultati_red.asp?ter=SLO&st=http://www.stat.si/popis2002/si/rezultati/rezultati_red.asp?ter=SLO&st=http://www.stat.si/popis2002/si/rezultati/rezultati_red.asp?ter=SLO&st=7)
20. *Medvešek M.* Demografske in sociokulturne značilnosti državljanov tretjih držav v Sloveniji // Državljanji tretjih držav ali tretjerazredni državljanji? Ljubljana, 2010.
21. http://www.stat.si/novica_prikazi.aspx?id=4345
22. *Pajnik M.* Socialno državljanstvo, migracije in trg dela // Migranti v Sloveniji – med integracijo in aliencijo. Koper, 2010.
23. *Baltič A.* Integracija bošnjaške skupnosti v Sloveniji // Migranti v Sloveniji – med integracijo in aliencijo. Koper, 2010.
24. http://www.stat.si/novica_prikazi.aspx?id=4866
25. http://www.stat.si/novica_prikazi.aspx?id=4877
26. <http://www.cosmopolitan.si/forum/viewtopic.php?t=7572>
27. <http://med.over.net/forum5/read.php?12,7310238>
28. <http://katarina.blog.si/ol.net/2010/04/07/janez-in-bosanec/>

29. http://www.ringaraja.net/forum/prina%C5%A1anje_ju%C5%BEajakarskih_besed_in_kletvic_iz_vrtca/m_377260/tm.htm
30. <http://www.alter.si/tabla/showflat.php/Cat/0/Number/1178150/page/7/fpart/all/vc/1>
31. <http://forum.jesenice.com/topic.php?id=139&page>
32. <http://med.over.net/forum5/read.php?151,7901768>
33. *Požgaj Hadži V., Balažič Bulc T., Miheljčak V.* Srbohrvaščina v Sloveniji. Nekoč in danes // Med politiko in stvarnostjo. Jezikovna situacija v novonastalih državah bivše Jugoslavije. Ljubljana, 2009.
34. <http://med.over.net/forum5/read.php?92,6739487>
35. <http://med.over.net/forum5/read.php?151,3334588>
36. Стратегии межкультурного взаимодействия мигрантов и населения России. Сб. научных статей. М., 2009.
37. <http://krajina.ba/73165/hasib-zulfic-zivot-bosanca-u-sloveniji>
38. <http://www.blogger.ba/komentari/153354/2435446>
39. <http://forum.krstarica.com/showthread.php/399535-Zivot-u-Sloveniji>
40. http://www.b92.net/mobilni/biz/komentari.php?nav_id=562249
41. <http://dnevnik.com.mk/default.asp?ItemID=138C292A55B4434390DF9015BEE2D45E>
42. *Halilović A.* Jezikovni repertoar priseljencev z območja Bosne in Hercegovine: primer priseljeniškin družin iz Ajdovščine in okolice. Diplomsko delo. <http://www.ung.si/~library/diplome/SLOVENISTIKA/21Halilovic.pdf>

© 2013 г. *Е.С. УЗЕНЁВА*

БОЛГАРЫ-МУСУЛЬМАНЕ СРЕДНИХ РОДОП В XXI ВЕКЕ: ВЗГЛЯД ЭТНОЛИНГВИСТА

Опираясь на собранные в экспедициях полевые материалы, автор статьи исследует культурный диалект болгар-мусульман с. Виево области Смоляна, их поиск идентичности в глобализирующемся мире. Анализируются тексты традиционной духовной культуры славянского населения Болгарии, исповедующего ислам, с ориентацией на выявление элементов ориентальной и европейской культур, их взаимного сосуществования, пересечения, сожителства и конфликтов.

Basing on the materials collected in the field-trips, the author investigates the cultural dialect of the Muslim Bulgarians in the village of Vievo in the region of Smolyan, their quest for own identity in the globalising world. Furthermore, the texts of the traditional spiritual culture of Bulgaria's Slavic Muslim population are analysed with the purpose of specifying the elements of Oriental and European culture, their interaction and infiltration, coexistence and conflicts.

Ключевые слова: диалект, традиционная культура, болгары-мусульмане, ориентальный, европейский, идентичность, текст, праздник, мифология.

Материалом для настоящей статьи послужили данные, собранные автором в августе 2012 г. в экспедиции в области Смоляна в районе Средних Родоп на юге Болгарии. Центром исследования стало село Виево, где проживают болгары-мусульмане. Работы проводились в рамках проекта «Восток и Запад в традиционной духовной культуре славян-мусульман на Балканах».

Тема мусульманского населения балканского региона в свете глобальных политических, социальных и культурных изменений является весьма востребованной в настоящее время, но еще недостаточно освещенной в российской и европейской научной литературе, хотя в Болгарии существует ряд серьезных монографических работ по истории исламизации Родоп, которые представлены, в частности, на интернет-портале «Родопски старини» [1]. Также в последние годы возрос интерес лингвистов к изучению языковых ситуаций в мире, в том числе интерес к языковым ситуациям, связанным с активными миграционными процессами. Задачей нашего проекта является комплексное ареальное изучение традиционной народной духовной культуры и соответствующей терминологии балканских славян-мусульман с целью выявления элементов ориентальной и европейской культур, их взаимного сосуществования, пересечения и конфликтов.

Узенёва Елена Семеновна – канд. филол. наук, ученый секретарь Института славяноведения РАН.

Авторская работа выполнена при финансовой поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре» проект «Восток и Запад в традиционной духовной культуре славян-мусульман на Балканах» (рук. канд. филол. наук Е.С. Узенёва).

Во время полевых работ было записано большое число текстов традиционной духовной культуры¹ славянского населения Болгарии, исповедующего ислам, которые стали основой для дальнейшего анализа и исследования. При этнолингвистическом обследовании болгар-мусульман Средних Родоп полнее выявлен материал по семейной обрядности (рождение, свадьба, смерть) и народной мифологии. Календарная обрядность, в отличие от христианской традиции, представлена более скудно. Были записаны многочисленные былички – нарративы о «достоверных» случаях встречи жителей села с мифологическими персонажами типа *перие*, духа-хозяина дома (*буганец*) и пр.

Для целей нашего исследования был сформирован также отдельный список вопросов, ориентированный на работу с мусульманской аудиторией, куда были включены темы о появлении новых и сохранении старых праздников в среде магометан, об их взаимовлиянии, об отношении молодежи к традиции и религии, о влиянии глобализации на современную жизнь, об изменении системы ценностей и моральных устоев, о брачных интенциях девушек и юношей и др.

Особое внимание в работе было уделено изучению феноменов «своего» и «чужого» в языке и культуре славян-мусульман, в нашем случае болгар-магометан, которые много веков проживают в Болгарии компактно в Западных и Восточных Родопах, в селах как в соседстве с болгарскими христианами, так и с этническими турками. Родным языком для них является болгарский. Для этого населения с точки зрения языка «своими» являются несомненно болгары, но с точки зрения религии – «свои» безусловно турки, которые тоже мусульмане. Язык, однако, является более сильным этноопределяющим признаком в сравнении с религией. Важное значение приобретает и тот факт, как общность болгар-мусульман воспринимается соседними общностями: с одной стороны, они – «свои», а с другой – «другие»/«чужие». Христиане их не принимают полностью, поскольку *помаки* исповедуют ислам, а турки – поскольку они шииты, а не сунниты и говорят на другом языке. Схожая ситуация существует и в мусульманской общности в Боснии, где «материнский» язык – сербохорватский (боснийский), но в отличие от сербов, которые являются православными христианами, и от католиков хорватов боснийцы имеют иное вероисповедание – ислам².

В современной Болгарии наметились два основных течения в среде болгар-мусульман: одна часть *българеят*, т.е. стремятся к интеграции с основной частью населения Болгарии, к модернизации своего патриархального сообщества, к приобщению к современным ценностям и культурным завоеваниям (Средние Родопы). Другая часть *турчeят*, т.е. тяготеет к исламизации, к укреплению патриархальных ценностей, к единению с другими мусульманскими обществами (Западные и Восточные Родопы). Среди последних активную работу ведут арабские миссионеры, вводится традиционная одежда для женщин, осуществляется финансирование различных видов деятельности и строительство новых мечетей, людям предлагают сменить имена и пр. Все очевиднее становится и участие Турции в жизни местного населения.

Одновременно с этим идут постоянные поиски собственной идентичности в среде болгар-мусульман. Возрождаются уже известные и возникают новые теории происхождения помаков. Наиболее популярная из них в наше время, принадлежащая Ефрему Моллову, написавшему книгу «История помака», – это версия о том, что род исламизированных болгар идет от непринявших христианство пяти жрецов царя Бориса, крестившего Болгарию в VII в., и его сына Владимира Расате, ослепленного и отказавшегося принять новую религию и поселившегося вместе с жрецами и другими подобными людьми в Родопах. Автор предоставил

¹ Сведения собирались по вопроснику А.А. Плотниковой [2].

² В 2011 и 2012 гг. совместно с А.А. Плотниковой нами было проведено две экспедиции в несколько сел Центральной Боснии в области Сараева и Високо.

общественности «древнюю рукопись», которой более 400 лет, где говорится о данных событиях. По мнению Е. Моллова, название *помак* происходит от числительного пятеро (болг. *петима*) – пятеро Борисовых жрецов. Эта идея находит все больше приверженцев в Болгарии и популярна в Турции, где ее автор выступал на конференции осенью 2012 г.

Отметим, что для названия болгарского населения, исповедующего ислам, существует ряд терминов. Наиболее известный – это *помаки*³, согласно народной этимологии интерпретируемый как *помъчени/помачени* ‘замученные, пострадавшие’. Данное наименование было воспринято в Греции и Турции, хотя оно имеет болгарское происхождение.

Болгарский этимологический словарь предлагает и другие версии, например Ст. Младенова, как сокращенное от *по-мохамедов-ак*, а также возникшее в результате сближения с глаголом *помагам* (*помагач* < *помак*), но не поддерживает их [3. С. 508]. Турецкий ученый Мемишоглу, однако, склоняется именно к этой версии, считая, что так (*помагачи*) болгары называли турок-куман, помогавших османским туркам в завоевании Родоп (см. [4. С. 13]). Болгарский лингвист Георги Митринов рассматривает также и наименование *ахряне*, широко известное именно среди родопских болгар. Происхождение этого термина также неясно. Греческие исследователи связывают его с обозначением древнегреческого племени *агряне*, но эта версия легко может быть опровергнута. Согласно мнению турецкого исследователя Айдынлы, в период между XIII и XIV вв. некоторые независимые византийские феодалы называли турок-куман *арен* ‘мужчина’, чтобы подчеркнуть их мужественность; другие возводят термин к араб.-тур. или перс. *ахрян* ‘позднее захваченная и присоединенная территория’; третьи считают, что название происходит от так называемых *ахи* – приверженцев мистических идейных течений ислама, которые способствовали созданию Османской империи [4. С. 14–15]. Данные Болгарского этимологического словаря свидетельствуют о связи термина *ахряне* с средневековым названием восточнородопской области Ахрид, греч. *Αχρίδος* [5. С. 21].

В современной болгарской научной литературе для обозначения помаков используются различные названия: *българомохамедани*, *българи мюсюлмани*, *българи мохамедани*, *български мюсюлмани*. Последний термин нам представляется не совсем корректным, поскольку в данную группу могут быть включены и другие этносы, входящие в состав Болгарии и исповедующие ислам, в частности турки и цыгане. Мы будем придерживаться двух основных названий: помаки и болгары-мусульмане (магометане).

Село Виево, где проходили наши исследования, расположено севернее г. Смоляна, в 18 км от с. Момчиловци. В настоящее время там проживают только болгары-мусульмане, общее число человек – около 500. Село упоминается как Виево в газете «Исторически бележник» в 1669 г. [6. С. 27]. Народные предания хранят память о существовании неподалеку от нынешнего старого христианского села Илинденя, в центре которого располагалась часовня св. Николая и церковь св. Ильи, уничтоженные турками во время нашествия.

По опубликованным историческим источникам, в 1669 г. произошло первое насильственное обращение в ислам местного населения. Согласно легенде, события состоялись во время пасхальной литургии в церкви, куда ворвались турецкие поработители, убившие всех, кто отказался принять «правую» веру. Лишь пять семей приняли ислам, они позднее и основали нынешнее село, так как старое было полностью сожжено за исключением домов мусульман. Большею же части населения удалось тогда бежать в горы, им пришлось долго скитаться, прежде чем они смогли вернуться на старое место.

³ В среде самих болгар-мусульман это название считается обидным и не принимается.

После завершения первой волны исламизации Родоп возвратившиеся на старые места христиане и новообращенные мусульмане стали жить вместе, отмечая общие праздники и помогая друг другу в работе. Но трагическая гибель девушки во время сельского праздника была расценена стариками как «знак» божественной воли о разделении христиан и мусульман. Помаки ушли из Илинденя на северо-запад по течению малой реки (теперь она носит название Виевска река) и соединились с пятью семьями из Виева. С тех пор в Виеве селились только болгары-мусульмане [6. С. 29–38].

Население окрестностей с. Виево, в частности соседнего села Кутел, в XX в. было для своего времени очень активным и просвещенным и создало организацию болгар, исповедующих ислам, «Дружба Родина», боровшуюся за разрешение отправлять религиозные службы на родном, болгарском, языке, за предоставление женщинам различных прав, в том числе права учиться (тогда им разрешалось читать/учить только Коран), за отмену строгой одежды и множества запретов в поведении, где основным нормообразующим концептом было понятие стыда, и пр. Людей, поддерживающих и пропагандирующих подобные идеи, называли *кавурин*, *гяурин* (из тур. ‘неверный’, так презрительно обращались турки в прошлом к поработанным болгарам [5. С. 309]) или *култураджия* букв. ‘деятель культуры’, что звучит обидно. В настоящее время в селе Виево есть молитвенный дом, но нет мечети, что является сознательным выбором селян, не желающих демонстрировать свои религиозные пристрастия.

Основателем общества «Дружба Родина» стал Стоил Кумецов, прадед нашей основной информантки из с. Виево, работающей в мэрии, Дианы Терзиевой⁴, родом из с. Кутел. Его книга о судьбе семьи и создании организации сейчас находится в софийском издательстве и ждет выхода в свет [7]. Стоил Кумецов сформировал театр в селе Кутел, дед Дианы стал мусульманским священником (имамом) и одним из первых вел службы на болгарском языке. Сама Диана получила высшее образование по специальности болгарская филология в Пловдивском университете и ведет активную общественно ангажированную жизнь, пытаясь улучшить быт своих односельчан и разрушить старые, отжившие стереотипы в сознании местного населения. Именно эта высокообразованная женщина очень бережно относится к культурной традиции села. Во многом благодаря ее усилиям в селе создан небольшой этнографический музей, во время праздников проводятся реконструкции старых обычаев и обрядов, пишется книга об истории и культуре с. Виево.

Напомним, что в Родопах совместно проживают представители различных конфессий. Сожительство двух религий всегда было мирным, информанты гордятся своей толерантностью. Большая часть населения, исповедующего ислам, помнит о своих христианских корнях. В погребальной обрядности мусульман сохранились некоторые христианские реликты: покойника охраняют ночью, чтобы его не перепрыгнула кошка; жгут свечу при умершем или оставляют в течение трех дней зажженной лампу в доме. Те же апотропейные действия совершали и в Юрьев день, желая защитить дом от «магии». В Юрьев день также старались взять из церкви немного ладана и съесть кусочек, чтобы предохранить себя от порчи.

Первое угощение после рождения ребенка у помаков во время обряда посещения новорожденного женщинами носит название *молитва*. Для него готовили лепешки из кукурузной муки (*смидал*), которые затем крошили в большом противне, обжаривали в масле и посыпали сахаром и грецкими орехами (у христиан соседнего села Момчиловци блюдо носит то же название и готовится по сходному рецепту).

⁴ Пользуясь случаем, выражаю искреннюю благодарность Диане Терзиевой за помощь в проведении экспедиции и в последующем сборе материала анкеты.

На сороковой день после родов женщина совершает обряд «очищения» (*кър-кладисва*), провожая Богородицу (*Мехрем Анайка*)⁵, помогавшую в родах: печет лепешку, отделяет от нее четыре куска, капают на каждое грудное молоко и кладет крест-накрест по четырем углам дома вместе с сахаром; оставшаяся лепешка, смоченная приготовленным щербетом, раздается соседям. Если ребенок родился слабым и много плакал, до сорокового дня ему меняли имя. Когда ребенок сильно болел, рано утром его несли в лес, где находили дерево с открытыми корнями, которые уже осветило солнце, трижды протаскивали ребенка сквозь корни, рисовали крест на лбу и зарывали одежду, в которую он был одет, под этим деревом.

Появление в среде мусульман «новых» обычаев, связанных с христианством (посещение церкви, возжигание свеч, «тайное» крещение детей, ношение креста), нельзя считать влиянием соседних христианских сел. Скорее это возвращение к своему прошлому, генетическая память, восходящая к глубоким корням.

Традиционная культура болгар-мусульман с. Виево содержит ряд языческих компонентов: это и обряды Юрьева дня, Иванова дня (*Еньовден*), обычай установления ритуального родства (кумления) между девушками (*посестримство*), защита новорожденных детей от «сглаза» путем привязывания им к ручке красной нити и синей бусины и др. У помаков девичьи гадания о замужестве совершались в канун Рождества (*Бъдни вечер*), так же как и у христиан. Сохранилось и название недели с Рождества до Крещения, связанное с разгулом злых сил в этот период, *Буганска седмица* (*буганец*, ср. *поганец* ‘злой дух, караконджул, дух-покровитель дома’)⁶.

В сфере народной мифологии интерес для нас представляет персонаж *перие* – молодая красивая женщина, одетая в белые или черные одежды, летящая по воздуху и приносящая вред увидевшему ее человеку в виде нервных болезней или смерти. По своим характеристикам и функциям она близка балканской *самовиле*, *самодиве*, *юде*. Термин *перие* распространен в родопских селах, населенных турками и помаками. Восходит к др.-иран. *pairika* > н.-перс. *pari* > тур. *peri* и означает ‘ведьма, колдунья’, ‘метеор’ [9. С. 115]. По мнению ряда авторов, этот демонический персонаж у болгар-мусульман функционально смешивается с персонажами типа *вамтир* ‘ходячий покойник’ и *сайбия* ‘дух-покровитель локуса’ [10. С. 44.] и имеет ряд отличительных особенностей [11. С. 123–128].

В частности, информанты из с. Виево рассказывали о том, что *перие* можно узнать по слишком тонким ногам и передвижению по воздуху. С ней нельзя разговаривать, в противном случае болезнь будет очень тяжелой. Если человек танцевал с ними ритуальный танец *хоро* (*играт хоро перии*), он должен хранить это в тайне, иначе его постигнет смерть. Запрещалось справлять малую нужду у воды и в местах, где могут обитать *перие*, поскольку можешь внезапно разболеться (*можеш да урадисаш*). Чтобы защитить себя, нужно было трижды произнести *Бисмиллях*.

Водный демон, известный мусульманам Виева, носит заимствованное из арабского (через турецкий) название *жин*, срв. *джин* ‘злой лесной дух’ [5. С. 364]. Он мог обитать в различных водоемах, у источников воды. Запрещалось брать воду рано утром, до восхода солнца, поскольку человек мог разбудить спящего у воды демона, а тот, рассердившись, обязательно причинит ему вред.

Отдельные архаические элементы обрядности связаны с определенными днями календаря, в частности с Юрьевым днем (6.05), который у болгар-мусульман сохранил славянское название *Гергив день*⁷, *Празник на овчаря*, *Празник на селото* и считается одним из самых почитаемых праздников в году после *Байряма*.

⁵ Культ Богородицы широко распространен в Родопях. Подробнее см. статью И.А. Седаковой [8].

⁶ Подробно терминология демонологических персонажей в Родопях проанализирована и частично картографирована в монографии Евгении Троевой-Григоровой, см. карту № 6 [9. С. 244].

⁷ В других мусульманских селах он часто носит имя *Адрелез*.

Юрьев день здесь сохраняет семантику начала не только весеннего цикла, но и нового года: с ним связаны общие ритуалы первого умывания специально приготовленной накануне водой/росой, сбор трав, превентивные меры против магии, змей и др. В народе верили – что будешь делать в этот день, будешь делать целый год: если считаешь деньги, будешь их считать (иметь в изобилии) весь год.

Вечером накануне Юрьева дня хозяйка собирала распустившиеся ветки деревьев и дикую герань (*здравец*) и оставляла «переночевать» в сосуде с водой. Наутро умывала росой лицо и волосы «для здоровья и красоты», собирала крапиву и втыкала ее в притолоку входной двери «от злых сил и магий», подметала дом, складывала мусор из дома и хлева на лопату, зажигала ладан и окуривала дом и домочадцев «от злых сил, сглаза и укусов змей». Чтобы не встречать летом змей, не прикасались с ножницам и иголкам. В этот день мусульмане обязательно приносили травы (42 веточки) в хлев животным, искали специальные травы для денег (*парово биле*), чтобы иметь их в изобилии в этом году, и для любви (*гальовно биле*), чтобы жениться/выйти замуж. Засушенные травы хранили до следующего года.

Дети должны были поваляться, покувыркаться в росе, вымыть ею глаза, лицо и волосы, после чего отправлялись «брызгать» водой специально приготовленными накануне букетами из цветов и дикой герани дома своих родственников и соседей, за что получали от них вознаграждение в виде денег и лакомств. Уходя, дети оставляли в домах часть цветов и герани. Эти детские обходы домов напоминают новогодние посещения домов у болгар-христиан, когда дети бьют кизиловыми прутиками всех домочадцев «для здоровья», за что также получают награду⁸.

В Юрьев день, единственный день в году, закашивали молоко с помощью росы, а не закваски. До рассвета ходили на святые источники (*аязмо*), приносили оттуда воду, поили домашних и готовили на ней пищу, обязательно «цельную» (клубни картофеля, фасоль, чечевицу), чтобы «все было полным и ровным».

Иванов день (24.06), связанный с летним равноденствием и сбором целебных трав, в с. Виево отмечен ритуальными девичьими гаданиями, которые совершались в этот день и у болгар-христиан. Накануне незамужние девушки собирали букеты из цветов, украшали их узнаваемыми деталями (мартеницей, цветными нитями, кольцами, монетами) и оставляли переночевать в медном котелке под открытым небом под кустом дикой розы. На следующий день они собирались в центре села и доставали букеты, предсказывая будущую судьбу его обладательнице. По очереди каждая «нарекала»:

Кутро велико честито, на висок сарай да седи, жълти алтъни да брои (та, что удачлива, высоко сидеть будет, желтые монеты считать будет) – хозяйка букета станет важным, богатым человеком.

Кутро велико честито, с кандар парите да тегли (та, что удачлива, деньги весами будет мерить) – станет женой торговца.

Кутро велико честито, хергеле коне да кара (та, что удачлива, на тощих конях будет ездить) – выйдет замуж за бедняка.

Кутро велико честито, до Касум да са ожениш (та, что удачлива, сыграет свадьбу на праздник *Касъм*) – он отмечается 8.11 и совпадает с христианским праздником Архангела Михаила, *Архангелов ден*.

Пожелания не были четко определены, могли создаваться в процессе гадания. Каждая из присутствующих забирала свой букет домой и хранила его на стене до следующего года. Праздник завершался общими посиделками, где девушки шили, вязали и пели песни, а в конце расчесывали волосы гребнем, который ма-

⁸ По воспоминаниям пожилых информантов, в детстве они ходили на Новый год с кизиловыми прутиками (сурвачки) до домов, ударяя домочадцев «для здоровья», за что их одаривали монетами и бубликами. Но рассказ об этих событиях шел в ряду других мероприятий, проходивших в рамках школьной программы. Например, в День славянской письменности, 24 мая, дети приходили в школу с небольшими факелами.

кали в воду от букетов, и заплетали друг другу по 60 мелких косичек, вплетая в их концы разноцветные мониста в качестве украшения. Это ритуальное заплетание волос по мусульманскому обычаю носит славянское название *прениз*.

Изучая собранные нами материалы по традиционной культуре болгар-мусульман с. Виево и его окрестностей, мы пришли к выводу о том, что в ней присутствует ряд сходных явлений с культурой соседнего христианского населения, что объясняется их общим происхождением. Эти элементы можно отнести к архаическим компонентам народной культуры, которые могли модифицироваться под влиянием местной религиозной и региональной традиции. Нередко культура болгар-мусульман содержит «забытые» христианами знания из области народной медицины и сохраняет старые диалектные лексемы, связанный с обрядами (например, *кутене* ‘продуцирующий обряд качания на коленях младенца невестой при входе в дом мужа на свадьбе, связанный с пожеланиями иметь потомство’, ср. рус. *кут*).

Элементы «мусульманской» культуры касаются, главным образом, религиозных отправлений и взглядов (обряды погребального цикла, *сюнет* ‘обрезание’ в родильной обрядности, религиозные праздники типа *Байряма*) и включены в общую канву праздничной обрядности, характерной для болгар-христиан.

Ограниченный объем статьи не позволяет нам в полном объеме представить все аспекты культуры болгар-мусульман Средних Родоп, даже в рамках отдельно взятого села. В дальнейшем мы предполагаем продолжить изучение историко-культурного и языкового наследия не только болгар, но и шире – славян-мусульман Балкан, живущих нередко в инокультурном и ином конфессиональном окружении на протяжении столетий с целью выявления общего и особенного в языке и культуре в сравнении с соседями (славянами-христианами, албанцами-мусульманами и христианами и др.), обнаружения следов взаимного влияния и интерференции в текстах традиционной культуры, ее архаических и заимствованных пластов, определения механизмов оценки «своего» и «чужого» в языке и культуре, механизмов переключения кодов при переходе с языка одной культуры на другой, анализа «наполненности» различных культурных кодов в языке и культуре славян-мусульман.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. <http://www.rodopskistarini.com>
2. *Плотникова А.А.* Материалы для этнолингвистического изучения балканославянского ареала. 2-е изд. М., 2009.
3. Български етимологичен речник. София, 1999. Т. 5.
4. *Митринов Г.* Южнородопските български говори в Ксантийско и Гюмюрджинско. София, 2011.
5. Български етимологичен речник. София, 1971. Т. 1.
6. *Каранетков П.* Славейно. София, 1991.
7. *Кумецов Ст.* Моят живот и патила в с. Кутела. София, 2013 (в печати).
8. *Седакова И.А.* Культ Богородицы в славянских родинах // Родины, дети, повитухи в традиционной народной культуре. М., 2001.
9. *Троева-Григорова Е.* Демоните на Родопите. София, 2003.
10. *Dikova U.* Die Bezeichnungen der Dämonen im Bulgarischen. München, 1997. Bd. 115. Specimina philologiae slavicae.
11. *Бергельс А.* Пери // Культура и искусство народов Средней Азии в древности и средневековье. М., 1979.

© 2013 г. М.Л. КУЛЕШОВА

СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ ПЕЙОРАТИВНОСТИ В СЛОВЕНСКОМ И СЕРБСКОМ ЯЗЫКАХ (НА МАТЕРИАЛЕ НАЗВАНИЙ ЛИЦ)

В статье рассматриваются способы выражения пейоративности в словенском и сербском языках. Основное различие рассматриваемых языков проявляется в образовании пейоративов от адъективных и глагольных основ. В словенском языке словообразовательные модели данного типа характеризуются большей продуктивностью и возможностью образования пейоративов как от нейтральных, так от и эмоционально окрашенных основ. В сербском языке присутствует тенденция выражения пейоративности и в основе, и в форманте.

The article considers the ways of expressing pejoration in the Slovene and Serbian languages. The author lists every type of pejoration and pays special attention to the suffixation. The main difference between these two languages here manifests itself in formation of pejoratives from adjective and verbal stems. In the Slovene language, word-formation patterns of this kind are more productive and enable to form pejoratives from both neutral and emotionally coloured stems. The Serbian language tends to express pejoration both in the stem and in the formant.

Ключевые слова: словообразование, пейоративность, словенский язык, сербский язык.

Пейоративность как языковое явление рассматривается, как правило, в рамках теории экспрессивности в качестве одного из видов оценки, находящей отражение в эмоционально окрашенных языковых единицах. Специальные исследования, посвященные пейоративности, немногочисленны, и общая теория отрицательной оценки остается неразработанной, что создает определенные сложности в первую очередь для определения и установления границ данного понятия. В настоящей статье под пейоративными языковыми единицами (далее – пейоративы) понимаются единицы, служащие для выражения отрицательной эмоциональной оценки. От рационально-оценочных единиц, используемых для обозначения каких-либо негативных качеств или явлений, их отличает наличие эмотивной коннотации, которую мы, вслед за В.И. Шаховским, рассматриваем как «эмоциональную окраску логико-предметного ядра» [1. С. 82]. Еще одной существенной проблемой, связанной с изучением пейоративов, является амбивалентность экспрессивной лексики. Одна и та же лексема в различных контекстах может служить для выражения презрения, одобрения, насмешки и т.п. Негативная оценочность сама по себе отличается наличием различных степеней и оттенков, различение которых для целей данной статьи нерелевантно.

Экспрессивность в современном словенском и сербском языках уже становилась предметом исследования. Наиболее освещенной является словообразова-

тельная сторона вопроса (см., например, [2–4]). На материале сербского языка достаточно подробно описана экспрессивная лексика (работы С. Ристич, в первую очередь [5]). Ни в одной из известных нам работ негативная оценочность и способы ее выражения отдельно не анализировались, однако попытки рассмотрения данного вопроса предпринимались в рамках исследований другого рода [6].

В данной статье будут проанализированы и сопоставлены основные способы выражения пейоративности, их своеобразие и продуктивность в словенском и сербском языках на примере названий лиц. По словам С. Ристич, в сербском языке именно существительные, наряду с глаголами, являются важнейшим средством выражения экспрессивности [5. С. 72]. Данное утверждение, безусловно, актуально и для словенского языка.

Наиболее продуктивным средством выражения пейоративности является **суффиксация**. Уничижительные наименования лиц могут образовываться от субстантивных, глагольных и адъективных основ, имеющих нейтральный или экспрессивный характер. При образовании пейоративов от нейтральных основ формант обычно служит для выражения как отрицательной оценки, так и эмоциональной окраски. Данное утверждение верно в отношении большинства субстантивных и глагольных основ, например: словен. *govorun* ‘болтун’ (*govoriti* + **-un**, суффикс подчеркивает интенсивность действия) или серб. *seljaci* ‘деревенщина’ (*seljak* + **-ina**, суффикс выражает презрение). Что касается адъективных основ, то они, как правило, уже содержат определенную рациональную оценку, и при образовании пейоратива формант отражает эмоциональное отношение субъекта номинации к ее объекту: словен. *ljubosumnež* ‘ревнивец’ (*ljubosumen* + **-ež**); серб. *glupak* ‘глупец’ (*glup* + **-ak**). Мы полагаем, что и в таких случаях суффикс является главным средством выражения пейоративности (его эмоционального компонента).

Негативная оценочность может выражаться с помощью:

1) особого пейоративного форманта, например: **-un** (*besedun* ‘трепло’), **-оња** (*главоња* ‘большоголовый человек’);

2) нейтрального или уменьшительно-ласкательного суффикса в пейоративном употреблении, например: **-ec** (*prodanec* ‘продажный человек’, **-ић** (*кнежић* ‘князек’);

3) основы и суффикса (формант лишь усиливает пейоративность), например: *priskutnež* (словен. ‘противный, неприятный человек’ – образовано от прилагательного с отрицательной эмоциональной окраской *priskuten* ‘неприятный, противный’ и экспрессивного суффикса **-ež**; *мазало* (серб. ‘мазила’ – от глагола *мазати* ‘малевать’ и эмоционально окрашенного суффикса **-ло**).

Представим суффиксы, служащие для выражения пейоративности в обоих языках, в виде таблицы (примеры дериватов взяты из [7; 8]). В первой части сопоставляются аналоги в обоих языках, во второй перечисляются специфичные для каждого языка форманты в порядке убывания продуктивности. Под **пейоративным формантом** здесь понимается эмоционально окрашенный суффикс, использующийся для образования *nomina personalia* и реализующий при этом исключительно (либо преимущественно) негативную оценочность. Например, суффикс **-ло** в сербском языке употребляется главным образом в значении «предмет, инструмент», не относящемся к сфере персональности, однако при использовании данного форманта для образования номинаций лица дериват приобретает эмоциональную окраску. Словенский суффикс **-ež** может служить средством выражения как отрицательной, так и положительной оценки, однако количество образованных с его помощью пейоративов значительно превышает число мелиоративов.

Стоит отметить, что продуктивные суффиксы данного типа в обоих языках немногочисленны. В словенском наибольшей регулярностью и продуктивностью отличается модель образования аффективных, в том числе пейоративных, наименований лица от адъективных основ с помощью форманта **-ež**. В SSKJ [7]

Таблица 1. Пейоративные форманты в словенском и сербском языках

1а) Суффиксы, общие для словенского и сербского языков			
Словенский язык			Сербский язык
-lo	глагольная основа: <i>sepetalo</i> ‘тот, кто громко топает’, <i>dremalo</i> ‘соня’		-ло глагольная основа: <i>кричало</i> ‘крикун’, <i>замерало</i> ‘критикан’
-un	глагольная/адъективная основа: <i>pisun</i> ‘писака’, <i>plahun</i> ‘бояка’		-ун адъективная основа: <i>богатун</i> ‘богатея’
-uh	глагольная/адъективная основа: <i>smrčuh</i> ‘храпун’, <i>bleduh</i> ‘бледный человек (презр.)’		-ух глагольная основа: <i>домеух</i> ‘приезжий (презр.)’
-ulja (ж.р.)	глагольная/адъективная основа: <i>klepetulja</i> ‘болтуня’, <i>črnulja</i> ‘негритянка (презр.)’		-уља (ж.р.) адъективная основа: <i>празнуља</i> ‘пустоголовая женщина’, <i>мртвуља</i> ‘дохлячка’
-uša (ж.р.)	адъективная основа: <i>debeluša</i> ‘толстуха’		-уша (ж.р.) субстантивная, глагольная, адъективная основа: <i>спонзуруша</i> ‘содержанка’, <i>потркуша</i> ‘непоседа’, <i>дебелуша</i> ‘толстуха’
-ura (ж.р.)	субстантивная основа: <i>ženščura</i> ‘баба’		-(ч)ура (общ. род) субстантивная основа: <i>тијанчура</i> ‘пьянчуга’, <i>девојчура</i> ‘девка’
-an	субстантивная/адъективная основа: <i>nosan</i> ‘носатый человек’, <i>dolgan</i> ‘долговязый человек’		-ан субстантивная/адъективная основа: <i>слуган</i> ‘прислужник’, <i>глупан</i> ‘дурак’
-ijan	адъективная основа: <i>hudobijan</i> ‘злодей’, <i>grobijan</i> ‘грубиян’		-ијан адъективная основа: <i>грубијан</i> ‘грубиян’
1б) Суффиксы, различающиеся в двух языках			
Словенский язык			
-ež	адъективная основа: <i>izbirčnež</i> ‘привереда’, <i>vsakdanjež</i> ‘серый, заурядный человек’, реже субстантивная основа: <i>ustež</i> ‘хвостун’		
-e	субстантивная или глагольная основа: <i>fante</i> ‘мальчишка (презр.)’, <i>počasne</i> ‘«тормоз», медлительный человек’		
-in	адъективная/глагольная основа: <i>kosmatin</i> ‘небритый человек’, <i>potepin</i> ‘бродяга’		
-avs	глагольная/адъективная основа: <i>bahavs</i> ‘хвостун’, <i>črnavs</i> ‘негр’		
-avt	субстантивная/глагольная основа: <i>jezikavt</i> ‘острый на язык’, <i>jokavt</i> ‘плакса’		
-uha (ж.р.)	адъективная основа: <i>staruha</i> ‘старуха’, <i>debeluha</i> ‘толстуха’		
-ovič	субстантивная основа: <i>spretnjakovič</i> ‘ловкач’		
-avz	субстантивная основа: <i>kmetavz</i> ‘деревенщина’		
-on	субстантивная основа: <i>beračon</i> ‘попрошайка’		
-icelj	субстантивная основа: <i>možicelj</i> ‘мужичонка’		
-ela (ж.р.)	адъективная основа: <i>počasnela</i> ‘медлительная женщина’		
-arija	собирательное значение, субстантивная основа: <i>študentarija</i> ‘студенты (презбр.)’		
-ača (ж.р.)	субстантивная основа: <i>deklača</i> ‘девка’		
-elj	субстантивная основа: <i>slovencelj</i> ‘словенец (презр.)’		
-uzelj	субстантивная основа: <i>hipuzelj</i> ‘хиппарь’		
Сербский язык			
-(ч)ина	субстантивная основа: <i>глумчина</i> ‘актёршишка’, <i>солдачина</i> ‘вояка’		

1б) Суффиксы, различающиеся в двух языках	
Словенский язык	
-етина	субстантивная основа: <i>сестретина</i> ‘сеструха’, <i>момчетина</i> ‘парень (презр.)’
-оња	субстантивная, реже адъективная основа: <i>ћелоња</i> ‘плешивый’, <i>млакоња</i> ‘мямяля’
-урина	субстантивная основа: <i>газдурина</i> ‘хозяин (пренебр.)’, <i>девојчурина</i> ‘девка’
-лица (общ.род)	глагольная основа: <i>ћуталица</i> ‘молчун/молчунья’, <i>причалица</i> ‘болтун/болтушка’
-ешина	субстантивная основа: <i>матерешина</i> ‘мамка’, <i>сестрешина</i> ‘сеструха’
-ија	собирательное значение, субстантивная основа: <i>циганија</i> ‘цыганщина’, <i>чобанија</i> ‘пастухи (презр.)’
-адија	собирательное значение, субстантивная или адъективная основа: <i>момчадија</i> ‘парни (пренебр.)’, <i>балавадија</i> ‘сопляки’
-екања (м.р.)	субстантивная основа: <i>србекања</i> ‘серб (презр.)’, <i>попекања</i> ‘поп’
-ов	адъективная или субстантивная (местоименная) основа: <i>лудов</i> ‘болван’ <i>нитков</i> ‘негодяй’
-ара (ж.р.)	субстантивная/глагольная основа: <i>девојкара</i> ‘девка’, <i>смуцара</i> ‘бродяжка’
-иште (ср.р.)	субстантивная основа: <i>људиште</i> , <i>човечиште</i> ‘человечишко’
-ескара/ -ускара (м.р.)	субстантивная основа: <i>људескара</i> ‘человечишко’, <i>попушкара</i> ‘поп’
-урлија	субстантивная основа: <i>дечурлија</i> ‘ребятня (презр.)’ ¹

¹ Следует упомянуть также единичные примеры пейоративов с суффиксами **-урија**, **-урлија** (собирательное значение), образованные от эмоционально окрашенных основ: *Швабурија* ‘швабы’, *гадурлија* ‘гады’, *балавурдија* ‘сопляки’.

насчитывается более 300 пейоративов, образованных по данной модели. О ее продуктивности свидетельствует также возможность образования окказиональных, пока не вошедших в узус номинаций лица: *tolerantnež* ‘толерантный человек (пренебр.)’, *depresivnež* ‘нытик’ (примеры из сети Интернет). К продуктивным формантам также относятся **-uh**, **-un**, непродуктивные в сербском языке; потенциально продуктивным является суффикс **-uzelj** (наряду с приведенным в таблице *hipuzelj* ‘хиппарь’, встречаются также окказионализмы *kmetuzelj* ‘деревенщина’, *črnuzelj* ‘негр’). Остальные словообразовательные модели характеризуются непродуктивностью в современном языке, а также ограниченностью списка относящихся к ним дериватов. Ряд моделей (например с **-ela**, **-arija**) в современном литературном языке имеет единичные примеры образования пейоративов от нейтральных основ.

Сербский язык отличает большее разнообразие продуктивных словообразовательных моделей с негативно окрашенными суффиксами. Среди них модель образования пейоративов от глаголов и прилагательных с помощью форманта **-ло**. В словенском языке продуктивность аналогичного суффикса гораздо ниже. В сербском языке развились модели модификации значения существительных лица с помощью аугментативных суффиксов: **-(ч)ина**, **-етина**, **-урина**. Увеличительные суффиксы в сфере *nomina personalia* традиционно используются для передачи пейоративной коннотации, хотя они могут передавать и менее характерную положительную оценочность, поощрение, похвалу, например: *јуначина* ‘герой’, *поштењачина* ‘честный, порядочный человек’ [4. С. 101]. Подобные моде-

Таблица 2. Нейтральные форманты в пейоративном употреблении

Суффиксы, общие для словенского и сербского языков			
Словенский язык		Сербский язык	
-ač	глагольная, реже субстантивная основа: <i>kričač</i> ‘крикун’, <i>glavač</i> ‘большоголовый человек’	-ач	глагольная основа: <i>викач</i> ‘крикун’, <i>правдач</i> ‘склочник’
-ar	глагольная или субстантивная основа: <i>očitar</i> ‘критикан’, <i>rodoljubar</i> ‘ура-патриот’	-ар	субстантивная основа: <i>сплеткар</i> ‘интриган’, <i>женскар</i> ‘бабник’
-ak /-jak	адекативная основа: <i>modrak</i> ‘умник’, <i>mlečnjak</i> ‘молокосос’	-ак /-јак	адекативная основа: <i>глувак</i> ‘глухой (презр.)’, <i>дволичњак</i> ‘лицемер’
-ec	глагольная/адекативная основа: <i>prodanec</i> ‘продажный человек’, <i>mladikavec</i> ‘сопляк’	-ац/-вац	адекативная основа: <i>злѣвац</i> ‘косягазый человек’, реже глагольная основа: <i>ласкавац</i> ‘подхалим’
-aš	субстантивная основа: <i>slogaš</i> ‘тот, кто уступает, идет на компромиссы’, <i>italijanaš</i> ‘любитель всего связанного с Италией’	-аш	субстантивная или адекативная основа: <i>митингаш</i> ‘бунтовщик’, <i>богаташ</i> ‘богачей’
-ko	адекативная основа: <i>debelko</i> ‘толстяк’	-ко	адекативная или глагольная основа (образование от страдательного причастия): <i>мриавко</i> ‘тощий человек’, <i>надувенко</i> ‘заяц’
Суффиксы, различающиеся в двух языках			
Словенский язык			
-(č)ek	субстантивная основа: <i>Slovenček</i> ‘словенчик’, <i>čevljarček</i> (<i>пренебр.</i>) ‘сапожник’		
-če	субстантивная основа: <i>Ciganče</i> ‘цыганчик’		
Сербский язык			
-овић	субстантивная или местоименная основа: <i>песниковић</i> ‘поэтишка’, <i>никоговућ</i> ‘ничтожный человек, ничтожество’		
-ица (м.р.)	субстантивная основа: <i>служица</i> ‘прислужник’, <i>усташица</i> (<i>презр.</i>) ‘ушаст’		
-(ч)ић	субстантивная основа: <i>кнежић</i> ‘князек’, <i>писарчић</i> ‘писака’		
-че	субстантивная основа: Черногорче (<i>пренебр.</i>) ‘черногорец’, келнерче ‘официант’		
-(е)ија	глагольная или субстантивная основа: <i>хвалција</i> ‘хвастун’, <i>силеија</i> ‘насилник’		

ли в словенском языке практически отсутствуют (нам удалось обнаружить лишь одно наименование лица с аугментативным суффиксом **-аča**: *deklača* ‘девка’). В сербском достаточно продуктивна модель: основа существительного или прилагательного + суффикс **-оња**, позволяющая образовать пейоративы со значением «лицо, обладающее характерной чертой, свойством» (в частности выделяющейся частью тела: *главоња* ‘большоголовый человек’, *брадоња* ‘бородач’). Для современного сербского языка также актуальны модели образования пейоративных наименований лиц с собирательным значением **-адија** и **-ија**, в то время как в словенском продуктивные модели подобного типа отсутствуют.

Как для словенского, так и для сербского языка нехарактерно пейоративное употребление локативных суффиксов в названиях лиц, свойственное иным славянским языкам. В сербском языке модель с суффиксом **-иште** непродуктивна, в словенском удалось обнаружить лишь пример *babišče* ‘баба’, в котором формант служит только для усиления пейоративности.

Как видно из верхней части Таблицы 2, и в словенском, и в сербском языке представлены схожие модели с суффиксами *nomina personalia* в пейоративном употреблении. Сопоставление Таблиц 1 и 2 показывает, что, например, суффикс **-in** в словенском языке имеет пейоративный характер, в то время как его аналог **-ин** в сербском является нейтральным формантом и широко используется для обозначения лиц по национальному, религиозному признаку (*Србин*, *муслиманин*) и т.п.; формант **-ача** в сербском языке служит для образования названий лиц по роду деятельности (*нарикача* ‘плакальщица’), в словенском же языке это аугментативно-пейоративный суффикс, использование которого в области номинаций лиц ограничено. Суффикс **-ац/-вац (-ac/-vec)** при образовании пейоративов в обоих языках чаще является нейтральным (ср. в сербском наличие эмоционально окрашенной основы: *лажавац* ‘крикун, спорщик’, или сложение основ в словен.: *petolizec* ‘подхалим’).

В обоих языках уменьшительно-ласкательные суффиксы (словен. **-(č)ek, -ko, -če**; серб. **-(ч)ић, -ица, -ко, -че**) способны приобретать негативную эмоциональную окраску. Интересно, что деминутивный суффикс **-ица** в словенском языке также может использоваться в уменьшительно-уничжительном значении, но примеры такого рода не относятся к сфере персональности (*knjižica* ‘книжонка’, *službica* ‘работка’ и т.п.).

Из материала, приведенного в таблицах, видно, что в словенском языке явление словообразовательной модификации, проявляющееся в образовании пейоративов от нейтральных *nomina personalia*, реализуется либо с помощью вышеупомянутых деминутивных суффиксов, либо с помощью отдельных малопродуктивных формантов: **-e** (*fante* ‘мальчишка (*презр.*)’), **-ar** (*strokovnjakar* ‘горе-специалист’), **-ak** (*pametnjak* ‘умник’) и т.д. Какая-либо устойчивая и высокопродуктивная модель (подобная аугментативам в сербском) в данном случае отсутствует. Отметим, что широкое распространение производного с каким-либо редким формантом не всегда приводит к повышению его продуктивности: так, в последние годы благодаря словенской прессе вошло в обиход презрительное наименование *Slovenčelj* (см., например, заголовок статьи «Je bil Martin Krpan Slovenec ali Slovenčelj?» («Был ли Мартин Крпан² словенцем или “словенчиком”?»)). Однако данный факт, судя по данным сети Интернет, не повлек за собой образование новой словообразовательной модели.

Примеры выражения пейоративности и с помощью основы, и с помощью форманта показывают, что любой из перечисленных выше суффиксов способен как выражать, так и усиливать негативную коннотацию. Представляется, что для сербского языка более характерен именно второй аспект – усиление суффиксом отрицательной оценки (количество примеров отглагольных и адъективных дериватов от основ, обладающих экспрессивностью, значительно превышает число производных от нейтральных основ (*мазало* ‘мазила’, *тандркало* ‘крикун, трепло’, *шкрипало* ‘музыкант (*презр.*)’ и др.)). В отличие от сербского, для словенского свойственно использование в рамках моделей словообразовательной мутации как нейтральных, так и эмоционально окрашенных основ. В качестве иллюстрации рассмотрим пейоративы, с помощью которых выражается презрительное, неодобрительное отношение к писателю. В сербском языке это будут производные от глагольных экспрессивов: *чркало*, *шкрабало*, *пискарало* (во всех трех случаях используется пейоративный суффикс **-ло**). В словенском же встречаются как образования от нейтральной основы глагола *pisati*: *pisač*, *pisar*, *pisun*, так и производные от эмоционально окрашенных основ: *črkar*, *praskač*.

В отличие от суффиксов, словенские и сербские **префиксы** крайне редко служат выразителями пейоративности. В сербском языке единственным примером такого рода является продуктивная модель с приставкой **надри-** (‘псевдо-, как

² Мартин Крпан – главный герой одноименной повести Франа Левстича.

бы'): *надриучењак* 'псевдоученый', *надрифилософ* 'псевдофилософ' и т.п. В словенском же удалось обнаружить лишь заимствованный аналог данного префикса **kvazi-**, не являющийся продуктивным.

Среди других словообразовательных способов выражения отрицательной оценки вторым по продуктивности в обоих языках является **сложение**. Механизм образования композитов в словенском и сербском построен по одинаковым принципам: с использованием как свободных (*zoboder* 'зубодер', *мамипара* 'вымогатель'), так и связанных (*klečeplazec* 'подхалим', *крвотуџа* 'кровопийца') словосочетаний. Отрицательная оценка, как правило, содержится уже в самом выражении или идиоме, а экспрессивность может усиливаться с помощью пейоративного характера одной из производящих основ: *skoporitnež* (*rit* – 'зад') 'скупердяй', *мрчикънга* (*мрчити* – 'марать') 'бумагомаратель' и т.д.

Еще одним важным способом выражения пейоративности является **метафоризация**. Особенно активно используются названия животных. Не углубляясь в особенности коннотаций, связанных с названиями животных, отметим, что, например, слово *бик* в сербском языке ассоциативно не связано с какими-либо отрицательными качествами, в то время как в словенском *bik* может употребляться в значении 'глупый, ограниченный, упрямый человек'. Переносное значение слова *konj* в словенском языке связано с внешними характеристиками ('большой, неуклюжий человек'), в сербском же – с недостатком ума. Некоторые названия животных могут употребляться и в качестве пейоратива, и в качестве деминутива, например, *žaba* в словенском языке может означать как человека невысокого роста, так и маленького ребенка, обычно девочку (*žaba, žabka*).

Пейоративами являются также апеллятивы, возникшие в результате переноса на человека качеств неодушевленных предметов, в первую очередь предметов твердых, метафорически отсылающих к тупости, непробиваемости, глупости (*brus* 'брусок', *drvo* 'полено', *каменица* 'камешек, каменный сосуд', *клада* 'колода') или предметов ненужных, никчемных, мусора, которые наиболее ярко выражают презрение (*smet, отпадак* 'мусор'). Из других групп такой лексики назовем: *машина* 'машина, станок'; *lutka* 'кукла' (сама сема неодушевленности при номинации лица служит для выражения пейоративности); названия болезней – *zgaga* 'изжога', *гринта* 'парша'; названия мифических существ – *роџаст* 'чудовище', *вампир* 'вампир' (которые уже в прямом значении содержат негативную оценку и благодаря метафорическому переносу приобретают эмоционально-оценочный компонент), наименования лиц по месту жительства, характеризующиеся негативной коннотацией: *Gorenjec* – 'жадный', *Балканац* – 'примитивный, недалекий'.

Близким к метафоризации приемом является использование **прецедентных имен** с пейоративной коннотацией. Многие из них относятся к числу интернациональных, например *Иуда* (серб. *Јуда*, словен. *Judež*), *Гадкий утенок* (серб. *Ружно паче* и словен. *Grdi raček*), другие характеризуются национально-культурной спецификой: *jara gospoda* (герои одноименного произведения Янко Керсника, обогатившиеся провинциалы, копирующие привычки и образ жизни столичных жителей), *Вук Бранковић* (сербский правитель, предатель князя Лазаря на Косовом поле). Пейоративная коннотация отличает также отдельные фразеологизмы, использующиеся для номинации лиц, среди которых при сопоставлении также обнаруживаются как эквиваленты (*mala/sitna riba* и *ситна риба* 'мелкая сошка', *књишки мольцац* и *књижни молј* 'книжный червь'), так и специфические для отдельных языков единицы, например, *mila jera* 'нюня, размазня' и *шака јада* 'хляк'.

Метонимия является значительно менее продуктивным способом образования пейоративных наименований лиц, к ним относится: словен. *gobec*, серб. *њушка* 'морда' (перенос части на целое), словен. *suhota* 'худоба', серб. *брука* 'срам, стыд' (перенос качества на его носителя). Это связано с тем, что метонимический

перенос в данных языках, как правило, заменяется словообразовательной мутацией: при актуализации смежного по отношению к объекту номинации понятия пейоратив образовывается суффиксальным способом, например, *trebuhar* ‘толстопузый человек’, *zuban* ‘большезубый человек’.

Отдельного разговора заслуживают пейоративы-заимствования. В словенском литературном языке в связи с тенденцией пуризма число заимствований весьма ограничено, чего нельзя сказать о его многочисленных диалектах. Язык-источник заимствований определяется расположением говора, например, для приморской диалектной группы характерны пейоративы из итальянского языка (*štupido* ‘дурак’), для прекмурской группы – из венгерского (*dusgazda* ‘богатей’). Сербский язык, в особенности штокавский говор, отличает наличие значительного количества экспрессивов (в том числе и пейоративных наименований лиц) турецкого происхождения: *мурдар* ‘неряха, грязнуля’, *баксуз* ‘неудачник’, *пезевенк* ‘негодяй, развратник’. Турцизмы (за исключением ряда бытовых лексем, укоренившихся в литературном языке), как правило, обладают национальным колоритом, который способствует усилению их экспрессивности.

Как для словенского, так и для сербского языка характерна **ономатопея**, под которой в данном случае подразумевается присвоение лицу звукоподражательно-го, странно звучащего имени, вызывающего негативное восприятие. Такого рода номинации нередко обнаруживают сходства в обоих языках, как, например, пейоративы со звуками [f] и [u]: *firfulja* ‘фифа’, *frkolin* ‘сопляк’; *фуфа*, *фафалица* – оба со значением ‘шалава’. Также одним из средств передачи (в том числе) негативной оценки является редупликация слогов: словен. *bebec* ‘идиот’, *фафа* ‘девушка с большими губами’.

Возможны также отдельные контекстуально обусловленные способы выражения пейоративности, например игра слов, или **каламбур**. Данный прием пользуется большой популярностью в СМИ, в том числе в Интернете. Например, под снимком, изображающим двух футболистов на поле, один из которых оказывает помощь другому, стоит подпись «*Živinozdravnik*» (букв. ‘ветеринар’). Комический эффект строится на полисемичности слова *živina* – 1. ‘скот’ (в прямом и переносном смысле) и 2. ‘важный человек, большая шишка’. Таким образом выражается саркастически-язвительное отношение как к субъекту номинации, так и к объекту, называемому *živina*. Другой пример из сербского Интернета: подпись к фотографии агрессивно настроенных полицейских, поваливших человека на землю: «Савесни *киропрактичари* не бирају ни време ни место за помоћ» («Добросовестные костоправы не выбирают ни времени, ни места для своей помощи»).

В обоих языках распространена **энантисемия**, понимаемая здесь как приобретение словом смысла, противоположного его основному значению, например, в словенском: «*Seveda bi tehnična vlada takoj dobila [...] podobne “strokovnjake”, ki jih imajo Levaki na zalogi na tone*» («У временного правительства, конечно же, сразу бы появились такие “специалисты”, каких у левых в запасе миллионы»), в сербском: «*“Siromasi” iz federalne odnosno Skupštine RS-a zgrnu 127.000 odnosno 160.000 maraka*» («“Бедняки” из Федерального парламента Республики Сербской накопят 127, вернее, 160 тыс. марок»).

Пейоративы-окказионализмы также образуются с помощью **контаминации**, например, словен. *kmetozaver* ‘отсталый человек, неандерталец’ – соединение основ *kmet* ‘крестьянин’ и *dinozaver* ‘динозавр’. Приведем также пример из сербского Интернета, в котором одна контаминация шуточного характера, другая – пейоративного: «*Ti nisi novosadista nego mozgoadista da si to uradio!*» («Если ты это сделал, то ты не “новосадист”, а *mozgoadist!*»). *Новосадиста* – немного ироничное наименование жителя г. Нови Сад, возникшее в результате слияния основ *Новосађанин* и *садиста*, последняя из которых в сочетании с основной *mozak* ‘мозг’ приобретает негативное значение.

Итак, самым продуктивным способом выражения пейоративности в лексико-семантической группе названий лиц в сербском и словенском языках является суффиксация. Для словенского языка наиболее характерно образование пейоративов от глагольных и адъективных основ. Отрицательная оценка реализуется с помощью ряда суффиксов, что создает весьма богатый (открытый для пополнения) фонд лексем с данной коннотацией. Самой продуктивной является словообразовательная модель с суффиксом *-ež*, способным как выражать, так и усиливать экспрессивность.

В сербском языке пейоративность чаще выражена и в основе, и в форманте. Кроме того, для него более свойственно образование дериватов от существительных с помощью аугментативных и деминутивных суффиксов в пейоративном употреблении. Другие способы – префиксация, сложение, метафоризация, метонимия, прецедентные имена, оноματοпея, каламбур, энантиосемия, контаминация в целом демонстрируют сходство в обоих языках. Специфика использования заимствованных пейоративов зависит от территории распространения языка и в большей степени проявляется на диалектном уровне, что может послужить материалом для дальнейших исследований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Шаховский В.И.* Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. М., 2009.
2. *Toporišič J.* Slovenska slovnica. Maribor, 2000.
3. *Babić S.* Tvorba riječi u hrvatskom književnom jeziku. Zagreb, 1986.
4. *Клајн И.* Творба речи у савременом српском језику. Београд; Нови Сад, 2003.
5. *Ристић С.* Експресивна лексика у српском језику. Београд, 2004.
6. *Będkowska-Kopczyk A.* Jezikovna podoba negativnih čustev v slovenskem jeziku: kognitivni pristop. Ljubljana, 2004.
7. Slovar slovenskega knjižnega jezika (SSKJ). Spletna izdaja. Ljubljana, 2000.
8. Речник српскохрватскога књижевног језика. Нови Сад; Загреб, 1967.

© 2013 г. Н.Б. КОРИНА

БЕЛОРУССКО-СЛОВАЦКИЕ ЯЗЫКОВЫЕ СВЯЗИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

В статье дается краткий обзор истории белорусско-словацких языковых связей, начиная с отдельных схождений, зафиксированных в исследованиях славистов XIX – начала XX в., и заканчивая современными целенаправленными сопоставительными исследованиями на разных уровнях, в том числе в рамках международных научных проектов.

The article presents a brief overview of the history of Byelorussian-Slovak language contacts, from certain parallels registered in the works of Slavists of the nineteenth – early twentieth centuries to contemporary specific comparative research of different levels, including international research projects.

Ключевые слова: белорусский язык, словацкий язык, белорусско-словацкие связи, славистика.

Первые попытки включить языковые факты белорусских и словацких диалектов в сравнительный анализ славянских языков были предприняты еще в начале XIX в. (см. труды П.И. Шафарика, Л. Штура, М. Бобровского и др.). Одним из первых восточнославянских ученых, собиравшим и публиковавшим данные непосредственно о словацком языке, был П. Кеппен, этнограф и библиограф, друг А.Х. Востокова. В своем журнале «Библиографические листы» (1825–1826) он помещал сведения о словацком языке, тем более ценные, что автор опирался не только на известную ему научную литературу, но и на высказанные лично ему мнения авторитетных словацких и чешских ученых, таких как П.И. Шафарик, Я. Коллар, Ю. Палкович, Ф. Палацкий и др. Впервые в российской науке он начал рассматривать словацкий как самостоятельный язык, а словацкую литературу отделил от чешской. Однако белорусский язык в то время еще официально не признавался самостоятельным¹.

Впервые конкретные белорусско-словацкие языковые схождения встречаются в «Корнеслове» Ф.С. Шимкевича (1842 г.): *drichnat'* – *дрыхнуць* 'долго спать', *krosna* – *кросна (-ы)* 'ткацкий станок', *litka* – *лытка* 'голень, нижняя часть ноги',

Корина Наталья Борисовна – канд. филол. наук, доктор философии, доцент Университета им. Константина Философа в Нитре (Словакия).

¹ После вхождения в состав Речи Посполитой Великого княжества Литовского, в котором старобелорусский язык был государственным языком (в частности, на нем составлен главный свод законов – «Статут Великого княжества Литовского» 1588 г.), начался упадок белорусского языка. Белорусский язык был вытеснен польским из всех сфер общественной жизни. После трех разделов Речи Посполитой территория Белоруссии вошла в состав Российской империи, и царским указом 1840 г. было запрещено использование самого названия Белоруссия, которое сменило название Северо-Западный край. Результатом полонизации XVIII в. и русификации XIX в. стали утверждения о том, что белорусский язык – не самостоятельный язык, а диалект польского или русского языка. Этих взглядов придерживались многие известные ученые (А.А. Потенба, И.И. Срезневский, А. Рыпинский, С. Линде и др.). Только во 2-й половине XIX в. белорусский язык начал возрождаться на народно-диалектной основе (подробнее см. [1]).

slina – *слина* ‘слюна’, *slota* – *слота* ‘непогодь, слякоть’, *túl’at’ sa* – *туляцца* ‘слоняться, бродить’ и т. д. [2].

В 1843 г. в Москве был опубликован перевод «Славянского народоописания» П.И. Шафарика, где были подробно описаны основные черты крупнейших славянских языков и диалектов и приведены межъязыковые параллели. Определенное место отведено у Шафарика и белорусским этноязыковым реалиям и особенностям белорусского языка, которые ученый в русле существовавшей тогда традиции квалифицирует как белорусский диалект русского языка. Шафарик отмечает языковые факты, общие для белорусов и восточных словаков: 1) *c, dz* на месте *t’, d’*: *pojdzecze, budzecze*; 2) твердое *l*: *jablučko, mladość, podala*; 3) вставные *e, o, u, a*: *serce, żoły, barzo* и т.д. Очень прогрессивно по тем временам звучит утверждение П. Шафарика, что в XV и XVI вв., во времена Великого княжества Литовского, на Западной Руси писали и издавали книги на белорусском в своей основе языке или, по меньшей мере, развившемся на белорусской основе [3. С. 26].

Знаменательным для белорусов стал 1870 год, когда появился «Словарь бѣлорускаго нарѣчя» И.И. Носовича – первое научное собрание белорусской лексики, которое показало, что белорусский язык является самостоятельной и богатой языковой системой, а не «северо-западным наречием» русского языка. В словаре Носовича есть также белорусско-западнославянские (в том числе белорусско-словацкие) схождения: *стрыкаць* ‘корить, попрекать’ (сравн. *strkat’* ‘совать, тыкать’ – общее значение ‘тыкать носом во что-н. (желая указать на недостатки)’), *лонскі* ‘прошлогодний’ (сравн. *lonský* ‘прошлогодний’) и др. Начиная со второй половины XIX в. и особенно в конце XIX – начале XX в. развивается сравнительное славянское языкознание, а вместе с ним все чаще и все более основательно начинают исследоваться языковые факты белорусского и словацкого языков [4; 5; 6]. В 1886–1893 гг. была опубликована монография И. Первольфа «Славяне, их взаимные отношения и связи», в которой подчеркивалось значение «племенной славянской близости западнорусского наречия к языку чешскому, к наречиям чешско-словацким» [7. Т. I. С. 46], хотя ни белорусский, ни словацкий язык Первольф не признает самостоятельными языками.

В 1878 г. в Киеве появился фундаментальный труд Антона Будиловича «Первобытные славяне в их языке, быте и понятиях по данным лексикальным», в котором сопоставляются целые пласты лексики различных славянских языков (в основном это имена существительные космографической, географической, ботанической и подобной тематики). Среди межславянских параллелей присутствуют словацкие и белорусские схождения: *серын – srien* ‘иной, лежалый снег, наст’ [8. С. 16], *прысак – prsk, paprsk* ‘cinis, горячий пепел’ [8. С. 121], *слимак – slimák* ‘слизень, улитка’ [8. С. 147], *назур – pazur* ‘unguis, ноготь, коготь’ [8. С. 223–224], *воле – hrvol* ‘ingluvies, зоб’ [8. С. 250] и др., хотя, к сожалению, белорусские слова автор не отделяет от русских, поскольку сам белорусский язык традиционно рассматривается как северо-западный диалект русского языка.

В конце XIX в. появляются труды Е.Ф. Карского – крупнейшего белорусско-славяноведа рубежа веков. Изучая белорусский язык как самостоятельный, равноправный с другими славянскими языками, Карский проводил масштабные межславянские параллели на базе белорусского материала и обнаружил, что целый ряд редких, эксклюзивных языковых фактов белорусских диалектов имеет соответствия в несоседних родственных языках, в том числе в словацком и чешском. Ученый опирался на начавшие собираться, еще неполные диалектные материалы (работы А. Бернолака, Й. Юнгманна, Й. Ранка, Л. Штура, Ф. Бартоша), поэтому он не всегда указывал на параллелизм отмеченных им явлений белорусского языка с западнославянскими языками, хотя с современной точки зрения эти параллели очевидны. Они наблюдаются на разных структурных уровнях. В области фонетики это 1) протетический *j* в начале слова, начинающегося гласным, в позиции после слова, заканчивающегося гласным: *усі цвецікі ялыя, на юлку,*

нідзелю ю пасцелі ліжала, два юланы моладые – сравн. моравск. *ju studénky stala* и др. [9. Вып. 1. С. 304]; 2) твердый согласный в возвратном постфиксе *-ca* (*pracíj-sa, даласа, napij-sa* – сравн. *prosil sa, dal sa*); 3) дифтонги *ie* и *uo* (*viedač, хліба, нуож* – сравн. *viera, chlieb, nõž*); 4) восстановление мягкости губных согласных в позиции перед гласным *i* в разных морфемах (*вістругаць, прывік, кабіла, снапі, грыбі* – сравн. мягкое произношение губного перед *u* в аналогичных словацких морфемах: *vysoký, kobyła, huby, kopy*) и др. В области морфологии выделяются 1) окончание Лос. pl. *-ox (-ěx)* существительных с древней основой на *-o (-jo)*: *канěх, лясох, людзěх, лугох* – сравн. *kotoch, dároch, stanoch* [9. Вып. 2. С. 156]; 2) глагольная форма 1 л. ед. ч. бел. *купую* (от *купляць*; литературная норма *купаю*), где в основе присутствует *j*, ср. словац. форма 1 л. ед. ч. *kurijet* и 3 л. мн. ч. *kurijú*; 3) форма Instr. sg. возвратного местоимения *себою* (сравн. словац. *sebou*) и существительного женского рода (*з*) *рекою* (словац. *riekou*) и др. Отдельные сходжения наблюдаются на уровне лексики и словообразования.

Стараниями Евфимия Карского белорусоведение получило научный статус, и межславянские связи на базе белорусского языка начали изучаться более последовательно и широко². В XX в. белорусско-словацким языковым связям посвящен ряд трудов, среди которых труды белорусских лингвистов (П.А. Бузук, Я. Станкевич, Л.Н. Цветков, И.В. Волк-Леванович, М.Г. Булахов, В.В. Мартынов, Г.А. Цыхун, А.Е. Супрун, И.И. Лучиц-Федорец, А.Е. Михневич, Н.Б. Киселёва³ и др.); словацких лингвистов (С. Цамбел, Я. Станислав, А.В. Исаченко, Л. Новак, Ш. Ондраш, А. Габовштяк, Р. Крайчович, Я. Доруля, В. Бланар, Ю. Дудашова-Кришшакова, П. Женюх, Ю. Ванько и др.); славистов других стран – В. Важны, Ф. Копечны, Я. Белич (Чехия); З. Штибер, Л. Оссовский, И. Савицкая, Х. Поповская-Таборская, Х. Далевская-Грень, И. Грек-Пабисова, В. Будишевская (Польша); И. Леков (Болгария); С.Б. Бернштейн, Ф.П. Филин, О.Н. Трубачев, В.Н. Топоров, Н.И. Толстой, Г.А. Клепикова, Т.И. Вендина и др.⁴ (Россия); И.И. Дзедзелевский, П.Е. Гриценко, В.Т. Коломиец, А.М. Рот (Украина); П. Векслер (Израиль), Ю.В. Шевелёв (Канада) и др.⁵ Однако в большинстве случаев речь идет об отдельных совпадениях и параллелях, исследование которых не имело системного характера. Пожалуй, наиболее регулярно белорусский и словацкий материал (наряду с другими диалектами) привлекается в рамках масштабных межславянских исследований Института славяноведения РАН (этнолингвистические исследования под руководством Н.И. и С.М. Толстых, работа над Общеславянским лингвистическим атласом под руководством Т.И. Вендиной, изучение славянских диалектов в Отделе славянского языкознания).

Интерес к белорусскому языку в Словакии возрос после того, как в Прешове и Банской Быстрице (позднее также в Нитре) начали работу приглашенные лекторы белорусского языка. Были организованы две международные конференции: «Словацко-белорусские языковые, литературные и культурные связи» (Прешов, 2000) и «Поиск общих ценностей в словацко-белорусских связях» (Банска Быстрица, 2003), не последнее место в программе которых занимала проблематика белорусско-словацких языковых отношений. По материалам конференций изданы сборники научных трудов [14; 15]. К сожалению, ставки белорусских лекторов в Банской Быстрице и Прешове позже были упразднены (в 2005 и 2010 гг. соот-

² К сожалению, в фундаментальном исследовании А.В. Флоровского «Чехи и восточные славяне» (1 том – 1935 г., 2 том – 1947 г., оба изданы Славянским институтом в Праге) с масштабным рассмотрением восточнославянско-чешско-словацких связей и анализом всех существующих исследований родственной тематики белорусский и словацкий языки традиционно рассматриваются как диалекты русского и чешского языков соответственно [10. С. 6–15].

³ См., в частности, статьи Н.Б. Киселёвой [11; 12].

⁴ См. также специальные сборники «Исследования по славянской диалектологии», «Исследования по словацкому языку».

⁵ Подробную библиографию трудов перечисленных авторов, касающихся белорусско-словацких языковых связей, см. в [13. С. 132–145].

ветственно), и в настоящее время словацко-белорусская проблематика в Словакии рассматривается спорадически, преимущественно в области литературных и культурных связей. В Белоруссии же, наоборот, сначала с появлением словацкого лектора, а затем и с открытием отделения словацкой филологии на филологическом факультете Белорусского государственного университета была создана база для более регулярного обращения к данной проблематике.

Однако вернемся к лингвистической стороне вопроса. Поскольку современные славянские языки во многом продолжают диалектные отношения, унаследованные из праславянской эпохи [16. С. 64], можно предполагать, что многие современные белорусско-словацкие схождения на разных языковых уровнях могут иметь древнюю основу.

Данное предположение подтверждается работами российских и словацких исследователей. Словацкая языковая территория разделяется на три макроареала (западно-, средне- и восточнословацкий), из которых наиболее отличается от остальных среднесловацкий, послуживший основой современного словацкого литературного языка. Как отмечает С.Б. Бернштейн, после распада (до IX в.) единой словацко-словенской изоглоссной зоны среднесловацкие диалекты «вклинились» с юга между западно- и восточнословацкими. В генетическом отношении они ближе к южнославянским языкам, чем к западным [17. С. 71]. Поэтому сегодня мы наблюдаем многочисленные языковые схождения в западно- и восточнословацких диалектах, которые не имеют параллелей в среднесловацких диалектах, зато регулярно обнаруживают параллели в восточнославянских языках, в том числе в белорусском:

1) ‘колыбель’: зап.-слвц., вост.-слвц. *koliska*, бел. *калыска*, укр. *колыска* – ср.-слвц. *belčov*;

2) ‘строение для хранения сельскохозяйственного инвентаря’: зап.-слвц., вост.-слвц. *stodola*, бел. *стадола*, *стадоля* ‘хлев; сарай; гумно’ (сев.-зап.), укр. *стодола* ‘гумно’ – ср.-слвц. *humno*⁶, *pajta* и др. (ср. польск. *stodola* ‘гумно’);

4) ‘отжимать; выжимать (белье)’: зап.-слвц., вост.-слвц. *žmykať*, бел. *жмакаць*, *жмаць*, укр. *жмикати* – ср.-слвц. *krúcať*, *vykrúcať*;

5) ‘толстый’: зап.-слвц., вост.-слвц. *tlstí* (*tlustí*, *tusti*), бел. *моўсты*, укр. *товстий*, рус. *толстый* – ср.-слвц. *hrubý*. (Ср. бел. диал. *грубы*, польск. *gruby* ‘толстый’).

Лексические параллели между белорусским языком и двумя словацкими диалектными макроареалами – западным и восточным – при отсутствии параллелей со среднесловацким макроареалом были использованы словацкими лингвистами в качестве дополнительного аргумента в пользу генетического единства западнословацкого и восточнословацкого макроареалов и их большей древности по сравнению со среднесловацким, например: бел. *залець* – зап.- и вост.-слвц. *zámet* ‘метель’, ср.-слвц. *závej*; бел. *жалудак* – зап.- и вост.-слвц. *žalúdok* ‘пуп (птичий желудок)’, ср.-слвц. *bachor*; бел. *гара* – зап.-слвц. *hora* ‘чердак’, ср.-слвц. *rožd*; бел. *цясло*, *цясяк* – зап.-слвц. *tešla* ‘вид топора’, ср.-слвц. *sekera* и др. [18. С. 90–103].

Фундаментальные исследования среднесловацких диалектов лингвистами разных стран выявили в них ряд особенностей, которые имеют параллели в восточнославянском языковом материале (см. работы А. Габовштыка [18; 19; 20], Р. Крайчовича [21], И. Лекова [22], Г.А. Цыхуна [23; 24; 25], Т.И. Вендиной [26] и др.).

Тесная связь словацкого языка с восточнославянскими диалектами, в частности с белорусскими, подтверждается этимологическими исследованиями [27; 28; 29], а также классификацией славянских языков по структуре слога, предложен-

⁶ Эта общеславянская лексема размещается островками по всем диалектным макроареалам Словакии, однако именно в среднесловацком макроареале она занимает наибольшую сплошную территорию.

ной Х. Далевской-Грень: согласно ей, белорусский язык, единственный из всех восточнославянских, принадлежит к той же группе языков консонантного типа, что и словацкий и чешский, в то время как русский и украинский по структуре слога объединяются с лужицкими языками и приближаются к польскому [30. S. 156].

Часть западнославянского ареала, в основном словацкие говоры, связывает с восточнославянским ареалом слово *шерсть* ‘волосяной покров животных, шерсть’, известное во всех словацких диалектах (*srst*, *srsc*, *sršč*, *seršč*), частично в польских (*szersć*, *syś*, *szercz*) и в чешских диалектах (*srst*, *serst*) – ср.: бел. *шэрсць*, *серсь* и т.п., укр. *серсть*, *шарсть*, *шарсьць*, рус. *шерсть*, *серсть*. В остальных славянских языках употребляются другие лексемы: чеш. *ch(o)lupy*, луж. *kosmy*, словен., серб. и хорв. *dlaka*, макед. *влакно*, *козина*, болг. *козина*.

Специфически объединяют западно- и восточнославянские языковые ареалы также наименования аиста (Ciconia): словац. *bocian*, луж. *bacoń*, польск. *bocian*, бел. *бацян*, *буцян*, укр. *ботян*, *ботюн*, *боцок* и т.д. В остальных славянских языках: чеш. *čáp*, рус. *аист*, макед. *štrk*, болг. *штрка*, словен. *štoklja*, серб. и хорв. *roda* (это не противоречит предположению о заимствовании из польского в восточнославянских языках [31. С. 7–8]).

А. Габовштык подчеркивает, что на древние словацко-восточнославянские соответствия указывают не только особенности лексического фонда восточнославянских диалектов, которые географически размещены ближе всего к восточнославянскому ареалу, но и слова из средне- и западнословацкой диалектных зон, а также общесловацкие слова [18. S. 167]. Кроме лексики, белорусский и словацкий язык имеют ряд сходжений в фонетике, морфологии и словообразовании, что подробно рассматривалось в разных работах [13; 32]. Данные схождения интересны прежде всего тем, что они наблюдаются на дистантных территориях, не имеющих непосредственных контактов.

Особо следует отметить, что параллелизм языковых явлений на дистантных территориях, как отмечает П.Е. Гриценко, «[...] может сигнализировать:

- 1) о древних контактах между двумя этносами или этническими группами;
- 2) о межзональных связях в ареале влияния диалектного языка-перцепиента (“воспринимающего”) уже независимо от контактов двух языков;
- 3) о независимой параллельной инновации или
- 4) независимом сохранении общего архаического фонда» [33. С. 104–105].

Учитывая, что дистантные связи могут иметь разное происхождение, для их интерпретации необходимо привлекать не только лингвистические данные, но и сведения об истории заселения исследуемых территорий, миграциях, региональных особенностях материальной и духовной культуры, а также интенсивности экономических, политических и культурных связей между ними. Поэтому современное состояние изученности белорусско-словацких языковых связей шагнуло далеко за рамки лингвистики. Особенно ценными оказались результаты этнолингвистического и этнокультурного исследования Полесья и археологические изыскания, подтвердившие не только древность этой славянской культурной зоны, но и ее несомненную общность со славянскими территориями, не имеющими с ней непосредственных контактов. Этот момент мы считаем особенно важным для изучения дистантных славянских зон, поскольку традиционно исследовались в основном языковые связи на соседних территориях (в том числе исторически соседствовавших) – словацко-польские, русско-польские и т.д. [34; 35], и лишь со второй половины XX в. начали проводиться комплексные межславянские исследования, о которых говорилось выше.

Историю изучения белорусско-словацких языковых связей можно представить как процесс постепенного накопления и последующей систематизации отдельных языковых фактов с их включением в более широкие межславянские параллели и обобщения.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ

1. Плотнікаў Б.А., Антанюк Л.А. Беларуская мова. Лінгвістычны кампендыум. Мінск, 2003.
2. Шимкевич Ф.С. Корнеслов русского языка, сравненного со всеми главнейшими славянскими наречиями и с двадцатью четырьмя иностранными языками. СПб., 1842. Ч. 1–2.
3. Шафарик П.Й. Славянское народописание / Пер. с чешск. И. Бодянского. М., 1843.
4. Ржигса В.Ф. Сравнительные этимологические таблицы славянских языков. СПб., 1877. Вып. 1.
5. Флоринский Т. Лекции по славянскому языкознанию. Киев, 1897. Ч. 2.
6. Isačenko A.V. Versuch einer Typologie der slavischen Sprachen // *Linguistica Slovaca*. 1939–1940. № I–II.
7. Первольф И.И. Славяне, их взаимные отношения и связи. Варшава, 1886–1893. Т. I–III.
8. Будилович А. Первобытные славяне в их языке, быте и понятиях по данным лексикальным: Исследование в области лингвистической палеонтологии славян: Посвящается Адольфу Ивановичу Добрянскому на Угорской Руси. Киев, 1878–1879. Ч. 1.
9. Карский Е.Ф. Белорусы: Язык белорусского народа / АН БССР. Ин-т языкознания. Вып. 1: Исторический очерк звуков белорусского языка. М., 1955. Вып. 2: Исторический очерк словообразования и словоизменения в белорусском языке. Вып. 3: Очерки синтаксиса белорусского языка. М., 1956.
10. Флоровский А.В. Чехи и восточные славяне. В 2-х т. Прага, 1935. Т. 1; 1947. Т. 2.
11. Кісялёва Н.Б. З гісторыі беларуска-славацкіх моўных сувязей // *Slavica Slovaca*. 1997. R. 32.
12. Кісялёва Н.Б. Сळाвацка-беларускія сувязі: агульнае і прыватнае // *O spoločných hodnotách v slovensko-bieloruských vzťahoch. Zborník materiálov z medzinárodnej vedeckej konferencie*. Banská Bystrica, 2004.
13. Киселева Н.Б. Ареальные взаимосвязи славянских языков центральной зоны. Banská Bystrica, 2002.
14. Slovensko-bieloruské jazykové, literárne a kultúrne vzťahy. Zborník príspevkov z medzinárodného vedeckého seminára 20. – 21. septembra 2000. Prešov, 2003.
15. O spoločných hodnotách v slovensko-bieloruských vzťahoch. Zborník materiálov z medzinárodnej konferencie. Banská Bystrica, 2003.
16. Куркина Л.В. Праславянские диалектные истоки южнославянской языковой группы // *Вопросы языкознания*. 1985. № 4.
17. Бернштейн С.Б. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М., 1961.
18. Habovštiak A. Zo slovensko-slovanských lexikálnych vzťahov (so zreteľom na lingvistickú geografiu). Bratislava, 1993.
19. Habovštiak A. Názvy netopiera v slovanských jazykoch // *Prilozi*. V. 1–2. Skopje, 1974.
20. Habovštiak A. Zo slovanskej lexiky (s osobitným zreteľom na slovinčinu a juhoslovanské jazyky) // *Zborník razprav iz slovanskega jezikoslovja*. Ljubljana, 1989.
21. Krajčovič R. Slovenčina a slovanské jazyky. I. Praslovanská genéza slovenčiny. Bratislava, 1974.
22. Леков И. Единство и национально своеобразие на славянските езици в техния основен речников фонд. София, 1955.
23. Цыхун Г.А. Арэальная тыпалогія славянскіх моў: Прынцыпы і напрамкі даследавання / АН БССР. Бел. камітэт славістаў. Мінск, 1988.
24. Цыхун Г.А. Арэальная структура праславіяншчыны // *Prasłowiańszczyzna i jej rozpad: Materiały konferencji*. Warszawa, 1998.
25. Цыхун Г.А. Арэальныя аспекты фарміравання славянскіх літаратурных моў. Мінск, 1994.
26. Вендина Т.И. Русские диалекты в общеславянском контексте (лексика). М., 2009.
27. Ondruš S. Praslovanské dedičstvo v slovnej zásobe slovenčiny // *Jazykovedné štúdie*. 14. Bratislava, 1977.
28. Ondruš S. Praslovanský základ slovenčiny v slovnej zásobe // *Studia Academica Slovaca*. Bratislava, 1976. Č. 5.
29. Ossowski L. *Studia slawistyczne* / PAN. Komitet słowianoznawstwa. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1992.
30. Dalewska-Greń D. *Języki słowiańskie*. Warszawa, 1997.
31. Абрагімовіч М., Волкава Я., Казлоўская-Дода Я., Лучыц-Федарэц І., Малько Р., Осіпчык А., Цыхун Г. Міжславянскія ізалексы ў беларускіх этымалагічных слоўніках // XII Міжнародны з'езд славістаў: Доклады. Мінск, 1998.
32. Киселева Н.Б. Значение изоглосс разных языковых уровней для славянской ареальной лингвистики. Banská Bystrica, 2003.
33. Гриценко П.Е. Ареальное варьирование лексики. Київ, 1990.
34. Sokolová M., Vojteková M., Miroslawska W., Kysel'ová M. Slovenčina a poľština: synchronne porovnanie s svičieniami. Prešov, 2012.
35. Русско-польские языковые, литературные и культурные контакты / Отв. ред. С. Гжибовский, В.А. Хорев, М. Волос. М., 2011.

© 2013 г. М.А. АНДРЮНИНА

«ПОСОЛЬСТВО» ИНОГО МИРА НА ЗЕМЛЕ – СИМВОЛИКА КЛАДБИЩА В НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЕ

Статья написана на польском и восточнославянском материале, посвящена исследованию символики кладбища в традиционной культуре. В статье освещены основные мифологические представления, касающиеся кладбища; рассмотрены правила и сроки его посещения, привлечена терминология, обслуживающая данную сферу народной культуры, описаны поверья об умерших и загробной жизни.

The article is written on the Polish and East-Slavic materials and devoted to the problem of cemetery symbolism in traditional cultures. It highlights basic mythical concepts concerning cemetery, discusses the rules and terms of visits, describes the terminology used in this sphere of traditional culture, retells beliefs about the dead and life beyond the grave.

Ключевые слова: этнолингвистика, традиционная культура, похоронный обряд, поминки, иной мир, душа, кладбище.

В сложной и многообразной символике кладбища, осмысляемом в народной культуре как святое и одновременно «нечистое» место, где обитают души умерших и хранится память обо всех ушедших поколениях, может быть также выделена идея о том, что это особое пространство, в котором уже не действуют правила этого мира, а вступают в силу законы инобытия. С.М. Толстая однажды сказала в частной беседе, что кладбище оказывается целым миром, населенным особыми «жителями», имеющим свои правила, ограничения и границы, требующие правильного ритуального преодоления, что делает кладбище чем-то вроде «посольства того света» на земле. Таким образом, изучение совокупности верований, обычаев и запретов, касающихся кладбища, дает возможность понять, каким образом, по мнению носителей традиционной культуры, организован «тот свет».

Представление о кладбище как о селении мертвых широко отражено в номинации кладбища, например: рус. *погост* – первоначально 'постоялый двор' [1. С. 503]; рус. диал. *буй, буйво* – из др.-швед. *bi* «жилище» [2. С. 234]. Для обозначения «бытия» умерших на кладбище часто используются глаголы *жить, селиться*: «Вот мы в деревне живем, мы живые – в деревне, а как помрем – снесут на кладбище, там наше обиталище будет до Судного дня. Там значит деревня мертвых. Живые в деревне живут, а мертвые на кладбище» (рус. владим.) [3. С. 113–114]; в Минской области о первой покойнице говорят: «Она первая заняла место, а потом другие стали селиться» (Старые Дороги, стародорож., мин.) [4]. Образ кладбища в некоторых жанрах (загадках, причитаниях и пр.) приобретает черты потустороннего пространства – оно повторяет земной мир живых, но «перевернуто» по отношению к нему, лишено ряда значимых признаков: «И півнэ не спиваюць / И собаки не брэсцуть / А людэ живуць»

(загадка о кладбище) (Щедрогор, ратнов., волын.) [5]; «А цяпер ты забралася ў тэ сяло, / Дзе сонейка не грэе, / Дзе ветрык не вее» (похоронное причитание) (бел.) [6. С. 260].

«Жизнь» на кладбище сохраняет многие черты обычного уклада жизни поселка: его обитатели ходят по праздникам в церковь, справляют свадьбы, собираются в компании, ходят в гости, общаются со своими живыми родственниками, приходящими их навестить, сторожат пределы своих владений. На восточно- и западнославянской территории фиксируется множество мифологических рассказов о ночных церковных службах, на которые собираются все умершие. «На́мска па́ска – ё́то ме́рцо́в па́ска, ко́то́ры помёршы. Гово́рылі, шо на́до сісты в о́кошку – вонь іду́ты у цёрков но́чы, ти ж са́мі ме́ртвэ́цы. И як ты бу́дэш стэра́гты, так ты побачи́ш йих» (Нобель, заречнен., ровен.) [7. С. 152]; «Это называется каплица. На кладбище у нас стояла. Там в углу висела иконка и завешена полотенцем. Это ну чтоб вот так собирались это мёртвые, собирались, беседовали в этой каплице. Это считалось для того, что души собираются» [8. С. 121]. У западных славян такие представления относились к *задушкам* (поминкам накануне 2 XI): в эту ночь живым повсеместно запрещалось входить ночью в костел или даже находиться поблизости, чтобы не помешать душам, пришедшим на церковную службу, которую служит умерший ксендз. Нарушителя запрета мертвые могут разорвать на части, либо «забрать с собой» – спровоцировать его смерть в ближайшее время (пол.) [9. S. 149]. Запреты для живых смотреть на сборища умерших фиксировались и на восточнославянской территории: в Полесье записана быличка о том, что женщина случайно увидела ночью свет в церкви и пошла посмотреть. «[...] А там смерцякі і ма́церь е́ё. Ма́церь ей махну́ла: уцека́й да скинь оде́жу. Вуна́ шу́бу скинула і ду́шы ме́ртвыя е́ё не побачили. Ра́но прыйшла́, а шу́ба е́ё ў клочкі раста́скана» [10. С. 260].

Известны поверья о том, что после посещения церкви на *задушки*, последняя вернувшаяся душа остается у ворот сторожить кладбище (пол.) [1. С. 505]; однако чаще таким сторожем становилась душа последнего умершего в селе (рус. смол., владим.; полес., бел., пол.): «Кто умер последним – он у ворот сидит всегда ждет, кто следующий помрет, тогда он уйдет к своей могиле, а тот сидеть будет» (рус. владимир.) [3. С. 114]; «Кали умирает паследний, да следущего, пака не умреть, сторожем ходить кладбища душа его и ахраняеть пакой етих усопших» (Теханичи, костюкович., могилев.) [4]; «Памёрла мая мама, и вот як выду я на усадьбу возле кладбишша, там елоцки, и вот я как выду – мая мама стаить с киёчкам и стаить» (Новые Фаличи, стародорож., мин.) [4].

Все «живущие» на кладбище души собираются в воротах в день похорон, чтобы встретить и принять в свое сообщество нового покойника: «Як даехали да кладбишча – цуп, етат конь, цуп! Ёстаў і ўсё. И так ён паднимаўся дуже тяжко, што ажна взад присядаў [...] Старыя люди ўсё кажуть, ета ж, гаворюць, яго ради-тели ўсе памёршие, што на том съвете ляжать, ўстречають пакойнаго, ўсе насядають и так тяжка» (Журбин, костюкович., могилев.) [4]; «Даже конь не вязёт, го(вор)ить, покойники встретили и все сели» (рус. смол.) [8. С. 70].

Души умерших вместе с живыми участвуют в погребении, поэтому те, кто участвует в похоронах, могут навещать могилы своих родных только после окончания обряда. «Все ани сбираны здесь, где пахаваюць, в этом месте, и нам не надабна никуда хóдить, пака не закрыюць, пака не засыплюць [...] Души ихняя стаяць. Значиць, я всё равно пашла на пустое место» (Прусы, стародорож., мин.) [4]. Иногда похороны называют *свадьбой мертвецов*: «Свацьба палучаецца. Вот пришли, и давай убирать сваи магилки, и пакойника прынесли. Этаго делать нельзя, патаму что ани чепаюцца и гаваряць: “У нас сённяя свацьба, а вы, ну, мешаєте нам”. Ну, это мертвеца прынесли, у них свацьба уже» (Пастовичи, стародорож., мин.) [4]. В праздники возле ворот мертвые дожидаются своих потомков, приходящих на кладбище их помянуть: «Усе пакойники стоять на входе и глядеть, кто

первый к каму пришол. Тады уже харашо пакойнику, заботыцца о нём» (Журбин, костюкович., могилев.) [4].

Фиксируются также представления о том, что захороненных вопреки традиции на кладбище «заложных» покойников¹ не принимают на «том свете», а на погосте они причиняют беспокойство всем остальным умершим. «Харонят ў кучу, на могілках, а надо отдельно: некрэщчоных детей и вешальникоў. Никого не примajúть (на небе [...])» (Золотуха, калинкович., гомел.) [5]; «Вешальныка за тогò нэ ховајуць (на кладбище), шо вон нэ дае мёртвым спокóю, б́удэ ходыт да б́удэ бушоват там (т.е. на том свете)» (Журба, овруч., житомир.) [5]; «Пóзно жэншчына чэраз клáдбишче шла и слышыт – на лўляце, на вярэваце, як на рэли калышуть: «Лўлячка, лўлячка, лўлячка, калышы нас вёльми. А мы дэтачки нехрышчаны, то нас не приминајуць хрышчаны [...])» (Присно, ветков., гомел.) [5]. В Обонежском крае считали, что «нечистые» покойники на общем кладбище держатся обособленно, «живут своими компаниями» и не могут никогда встретиться с умершими естественной смертью [12. С. 166]. В Польше верили, что похороненных на кладбище нечестных землемеров святая земля не принимает – они вынуждены скитаться по свету, пока не найдут то место, где при жизни неверно установили границы и только там укладываются на покой [13. S. 367].

Таким образом, обитатели кладбища разделяются на две группы: праведных умерших (души предков, почитаемые родители) и «заложных», т.е. «нечистых» покойников, чьи души считаются опасными для людей. На кладбище бродит и пугает прохожих душа похороненного там утопленника: «Одын утопйўса [...] А онó там брóдить, брахостыть² на тых клáдбишчах [...]. Гдэ там могýла егó [...] Так на егò, на мóглицах брахóстело. Прáмо от вода брòхае. Прáмо як вин брахостёл в ётым óзере, так сáмо и там. Прáмо: брах, брах, брах [...]»; «[...] зашла на могілки и, кáжэ, почула ризáнне³ коней. Брахостять, як сто конэй, ўодóю бэжáть, врóди на могілках, и вишчáть. Як заржўть, то кáжуть, то, кáжэ, в ушáх заложы́ло» (Нобель, заречнян., ровен.) [5]. Души некрещеных младенцев плачут и кричат, просят окрестить их: «На клáдбишчэ б́удэ совá кричэты, то это некрэщчанэ дытя йма прóсьыть [...]» (Олтуш, малорит., брест.) [5]; «У нас у Бегуни горá Звóница. Там капліца стояла и там клáли нехрещоные дэти, кричáт они у ноцй, як коты. Дать им любóе имя – так кричáть перестаять» (Тхорин, овруч., житомир.) [5]. В Полесье говорили, что на могилах можно встретить русалок [5]; в Ровенской области записано редкое поверье об обитании на кладбище огненного змея: «Видáли стары́ люди. Летйть, крылей нимá, к вдóвам, к колдунáм прилетáли. Кóло колдунá на клáдбище хоронйлись под крестóm» (Боровое, рокитн., ровен.) [5]; на Украине верили, что вампиры в белых одеждах страшно завывают над могилами [1. С. 506]. У восточных славян часто встречаются представления о том, что «злые» души могут нападать на прохожих возле кладбища, являясь в виде столба дыма, пара, воздуха или белой фигуры и вызвать у человека болезнь или смерть [1. С. 506]. Души колдунов бродят по кладбищу и возле него в виде светящегося пара, кричат и пугают людей (Теханичи, костюкович., могилев.) [4]. В Польше верили, что демоны напускают с могил на человека злые чары в виде ветра (пол.) [1. С. 506], а на могиле самоубийцы сидит дьявол в облике петуха (пол. Поморье) [13. S. 354].

Присутствием душ умерших на кладбищах объясняется большое количество запретов и правил поведения. Собираясь на кладбище, следовало чисто и аккуратно одеваться: «[...] вот када мы шли, женшчыны еги гаварят, вот яна гаварит: “Я не передела спадницу”. А я гаварю: “А чаго?” – “А таго,

¹ К «нечистым», а по терминологии Д.К. Зеленина, «заложным» покойникам преимущественно относили самоубийц и погибших раньше срока людей, убитых, утопленников; некрещеных детей, «знающих» и пр. [11].

² *Брахостыть* – шумит, издает звуки, напоминающие плеск воды.

³ *Ризáнне* – ржание.

что, – гаварит, – пакойники смотрюць, ў якой адёже ідём, так нада на кладбишче чысто адевацца”» (Белая Дуброва, костюкович., могилев.) [4]. При проходе через ворота следовало поздороваться с мертвыми, таким образом обезопасив себя от возможного вреда со стороны потустороннего мира: «Як идеш на кладбишче, каб тебе нічаго не зрабілася, як падойдеш на клады⁴, скланяй голаву, перакрестися і скажы: “Добры дзень, змарныя душачкі, не ўморныя, ўсім пакарныя, от мяне паклон прыміце, а мне здаровыя наделіце”. І тры разы перагавары, перакрастися, і ніколі табе от кладоў нічаго не зробіцца» (Бараново, стародорож., мин.) [4]. После похорон у восточных славян прынята было ухадзіць с кладбища, пяцясь задом [14. С. 350]; не оглядываясь (рус.) [15. С. 6] и не останавліваясь, «чтобы не догнал покойник» (рус. помор.) [16. С. 5]. Идя на кладбище, лучше всего никого не встречать, а если встретил – не здороваться: «Идеш на кладбище – не здоровайся со встречными, а то здоровье свое отдашь» (рус. владимир.) [17. С. 10]; уходя, кланялись могиле и говорили: «Прощайте!», потому что «сам покойником скоро будеш, если “до свиданья” скажеш» [17. С. 10]; шли домой не оглядываясь, «а то покойник за тобой уйдёт, являться станёт» [17. С. 10].

В неурочное время (не в поминальные дни, после 12 часов дня, вечером, ночью и пр.) запрещалось ходить на кладбище, иначе обитающие там души могут напугать или выгнать нарушителя. Души умерших являются в виде вихря и выгоняют с кладбища посетителей (рус. смол.) [8. С. 88]: «[...] Поднялся ветер, даже хрясты, думается, выворачиваются, настолько поднялось всё. Не в указанное время нельзя ходить, особенно в 12 часов – сдаётся всё» (рус. псков.) [18. С. 227]; «[...] тада пакойники йім чудяцца, што ў белам, ўот адна, разгавор быў, пришла, а там ў белам стаіць, ну хто памёр, пакойник» (Белая Дуброва, костюкович., могилев.) [4]. Проходя мимо кладбища, нельзя смотреть в его сторону, останавлівацца, прыслушывацца (бел.) [4]; или наоборот, нужно было подать голос, «штобы родзіцелі пачулі і не пужалі» (полес.) [10. С. 259].

Могилы «заложных» покойников воспринимались как страшные и вредоносные для прохожих места (польско-белорусское пограничье) [19. С. 64], в Белоруссии мимо них боялись проходить: «Може душа и выходить, такой вот страхом каким-нибудь, где пахароненные, и кажут, перейдеш, ну да дванадцати ходить етый страх. В дванадцать прапел певень – уже тада иди куды хочеш. Тебе уже страх етый не спужае» (Бараново, стародорож., мин.) [4]. Вблизи таких мест соблюдали особые правила поведения: если по пути к могилам родственников попадалось захоронение самоубийцы, на него обязательно следовало бросить палочку: «самоубийцу за забóром ложыли. Як іду на кладбище, обязательно на его могилу кину палочку [...]» (Махновичи, мозыр., гомел.) [5]; «Вишэльніка пуд штахэтымы (т.е. под оградой хоронили), по той бик кладбишча и кидалы палки вси на ёго (на его могилу)» (Чудель, сарнен., ровен.) [5]. Проходя мимо могил самоубийц, нужно было кинуть в их сторону какой-нибудь предмет из кармана, чтобы откупиться от нечистой силы, способной преследовать путника: «ну када праходишь лесом и крик (слышишь), ну там сава кричить [...]. Ну и тады, што у кармане есть кидали. Мима кладбища, где самаубийцы, каторые дабравольно ушли из жизни [...] ну, у каждага же што-то есть, што лежит у кармане: ти семечки, ти арех, кинул и пашол» (Теханичи, костюкович., могилев.) [4]; «Аткупицца, ат етай, як ана называлась, ти дьявальская ета душа, ти як што [...]». Ну что-нибудь, што было у кармане у челавека (бросить), може канфетка якая, якая капейка може, ешче што-нибудь [...] (Если не бросить, проклятая душа прицепится к прохожему). Ну вот я помню разговор быў, может, што, я бягу – за мной бягить,

⁴ Клады – кладбище.

я бягу – за мной кто-то бягить, кто-то, душа якая-то бягить» (Белая Дуброва, костюкович., могилев.) [4].

Широко распространено убеждение, что все, находящееся на кладбище, принадлежит душам умерших: запрещено собирать там грибы и ягоды, рвать цветы и ломать ветки деревьев, приносить домой какие-либо предметы и остатки поминальной еды. В Силезии считали, что к человеку, сорвавшему на кладбище цветок, ночью придет покойник [1. С. 504]; в Бескидах верили, что у сорвавшего цветы с могил по всему телу появятся лишай и чирьи [1. С. 504]. «Всё, что на могилках растёт, – для них, для покойников [...] Если ты ягоду срываешь – у них вроде как украл. Они являться тебе будут, ругать [...]» (рус. владим.) [20. С. 27]; «[...] Если с кладбища еду какую унесёшь и съешь, болей будешь долго, а то и помрёшь. Только на кладбище ели» (рус. владим.) [20. С. 27]; «Ничего с кладбища нельзя брать, ни цветов, ни пищу какую, ни веток. Вон у нас одна взяла да веников нарвала для бани. А потом, гляди, она вся перегнулася. Я говорю: вот ничего нельзя брать. Здесь мёртвая земля, можно заболеть» (рус. ульянов.) [21. С. 26]. Иногда верили, что все, находящееся на кладбище, покойники обязаны охранять, поэтому, наоборот, старались не оставлять пищу и вещи, чтобы не причинять душам беспокойства (в.-полес.) [10. С. 249].

За пределы кладбищенской ограды старались не выносить даже мусор (старые венки, цветы, элементы оформления могил; веник для обметания могил) (рус. владимир.). Все это складывали в специально отведенном месте: «Оно в ограде – за ограду нельзя. Если мусор за ограду вынесешь – вот где брошишь, там вот казаться будет. Ну, пойдёшь, а там покажется – нехорошее место, ну покойник покажется» (рус. владимир.) [20. С. 28]. Сжигать такой мусор следовало в пределах ограды на Страстной неделе: «Где кладбищенский веник горел – кажется, идёшь, а тебе кажется, что стоит кто-то, или кажется, что окликнули тебя» [20. С. 29]; «Его надо посветлу жечь, а уж как темно, нельзя. Покойников беспокоит, и они являться будут, если не по времени жгут» [20. С. 28].

Особые предписания касались л и ц, которым можно или нельзя было посещать кладбище и участвовать в похоронах. У восточных славян распространён запрет близким родственникам умершего копать для него могилу (полес., рус. заонеж., владимир.) [22. С. 126–127; 5; 12. С. 163; 3. С. 112]; проживающие в Белоруссии и на Буковине поляки не позволяли нести гроб из церкви до кладбища родственникам покойного [23. S. 279; 24. S. 86]; во Владимирской области верили, что никто из семьи покойного в день похорон не должен первым переступить границу кладбища «а то еще покойники будут» [3. С. 112]. В Белоруссии и Полесье матерям было запрещено участвовать в похоронах своего первого ребенка и сильно плакать по нему, чтобы в будущем еще иметь детей [1. С. 504; 22. С. 169–170; 5].

Посещение кладбища могло быть приурочено к календарным праздникам, поминкам либо носило окказиональный характер. Ц е л и п о с е щ е н и я кладбища отражены в поминальной терминологии и отражают идею общения живых с умершими, ср.: *разговляться носить родителям, отвёдывают родителям, поминают родителей, ходить христосываться с родителями, идуть христосывать родителей* (полес.) [5]; *иду на кладбище христосоваюсь с родителями* (Терасполь, слущ., мин.) [4]; *просить прощения у покойников, беседовать, поклониться родителям, окликать родителей* (рус.) [25. С. 257, 333, 343, 347]; *навещать родителей* (рус.), *христосоваться с умершими* (рус. заонеж.) [12. С. 200–201]; *поздравить родителей с праздником* (рус. смол.) [8. С. 131].

Количество и состав праздников поминальной направленности различается по регионам⁵, однако, пик массовых посещений кладбищ и проведения там поми-

⁵ В Полесье на кладбище ходили в Красную субботу (суббота на Страстной неделе), на Вербное воскресенье, на Радуницу (воскресенье после Пасхи), на Навский Великдень (четверг пасхальной недели), Красную горку (вторник Фоминой недели), Троицу, Духов день (понедельник после Троицы), в день памяти мучеников Маккавеев (1/14 VIII), на *деды* и пр. [5; 7]. В Смоленской области – на

нальных обрядов обычно приурочен к весенне-летнему периоду. Согласно мифологическим представлениям, встретить на кладбище умерших родственников можно было именно в это время, когда вместе с пробуждением природы от зимнего сна, прилетом птиц и бурной вегетацией растений души возвращались из загробного мира в земной. «Ну, вот это Радуница. У нас исстари говорили, что у год раз у древности виделись живые с мёртвыми! И тяжёлая разлука была, очень тяжёлая. Ну, конечно, – увидевши... То Господь запрятал, чтоб мёртвые видуть живых, – не положено, – а живые мёртвых... Первая – Радуница. Надо обязательно на кладбище. Как бы ни было, но на Радуницу надо было на кладбище сходить!» (рус. смол.) [26. С. 192]. В Полесье об этом времени говорили: *святыя вылазіюць* (Жаховичи, мозыр., гомел.) [5], *пэрэсуіўацца ўыходылы пукойнікі* (Ласицк, пин., брест.) [5], «Навский великдень – побуждают покойника» (Синин, пин., брест.) [7. С. 153]; «Это ж там вроде покойники выходят, трэтьего мая [...]. Ну я пошла, мое бацьки тут похороненные, пошла к свомим, к им, поговорила там з ими [...].» (Терасполь, слущ., мин.) [4]; запрет на любую работу в поминальный день мотивировали тем, что «дзеды з земли павылазяць» (Великий Бор, хойниц., гомел.) [5]. На кладбище шли поговорить с умершими родственниками (бел., рус. смол.) [8. С. 119]; старые люди просили ранее умерших забрать их с собой (рус. смол.) [8. С. 116], в Белоруссии верили, что тому, кто раньше всех придет на кладбище на Радуницу, родители расскажут, как найти клад [6. С. 106].

В весенние поминальные дни на кладбище ходили всем селом: чистили могилы, вешали на кресты новые фартуки и полотенца, на Вербное воскресенье в могилы втыкали освященные ветки вербы, на Пасху оставляли или закапывали крашеные яйца, на Троицу украшали могилы ветвями березы и оставляли на них яйца, окрашенные березовой листвой [5]. Могилы застилали скатертями, иногда специально предназначенными для этой цели; на них раскладывали принесенную с собой еду – «накрывали стол»; вся семья садилась вокруг, все ели и поминали мертвых. «Обідають на мógилках люды ўси ўмисці (всем селом) [...]» (Олбин, козелец., чернигов.) [5]; «На Прóводы пóсле Пáски тьбждэнь, у понэдíлок берэм яйчко сьвашчóное, емо́ и пьем там (на кладбище). Засьвітýмо сьвiчкy, простэ́лэм настýльныка на мoгiлу, помóлимса Бóгу. Раскладáемо квас бурáчный, пiрогá печэм, еiчко вáрымо. И хóдымо по крестáх. Онно́ (только) на Прóводы (ходят на кладбище)» (Чудель, сарнен., ровен.) [7. С. 198]; «[...] Идуть стрóить мoгiлы, варóное яйцэ занесé. А це ужé на Проводы́ несúть гарiлку, винó, пóлну мoгiлу настанóвлять. Покрыва́ють настóльником, рушникóм, чым хто. И однé дрýгога клiчуть, да пьють, да едять [...]» (Тхорин, овруч., житомир.) [7. С. 198–199]; «На крест вешали вышитые вот такие палатенца етые и ўсегда слали на магілу ска-терть, лажили яйцо красное [...]. После абеда люди шли на кладбишче, уси са-бярyцца, пасядзят, пагаманят, тагды брали яки-нибудь черапок, воск палажили, дeлали кадило такое и кругом кладбишча хадили три разы и пели бажественныя песни [...] садились у сваей магілачки, абедали з радителями, памiнали йих и им аставляли [...] и гарилку аставляли, и яйцо, пiражок тый кидали чи хрушчак [...]» (Прусино, костюкович., могилев.) [4].

Весенние поминки посвящались также «заложным» покойникам. На их могилы ходили в Духовскую субботу, на Семик, на Троицу, на Навьи проводы. «Ва ўтóрник пóсли Пáски бывáють Навии прóвады. Ента усé хóдють на пагóст, радiтiлей памiна́ють. На агнi пагара́ўшы, на вадé патапа́ўшы, ётих заусигдá памiна́ють. Удáвленника — тóка пад Дўхау день» (Доброводье, сев., брян.) [5]; «Тóлько на Трóицу мóжно поминать ўдáвленника, втóпленика» (Челхов, климов., брян.) [5]; «(В духовскую субботу) ходили (на кладбище) – хто залiвся, хто задавiвся.

родительские субботы, на Радуницу, в Духовую субботу и Дмитровскую (вторая суббота ноября), на Спаса (6/19 VIII), иногда – на Рождество (7 II) [8]. В Польше днем посещения кладбищ часто оказывались Задушки (1,2 XI).

А сейчас ко всем идут. А раньше только хто...» (рус. смол.) [8. С. 119]. Поминая на Русальной неделе утопленников и удушенных, родственники разбивали на их могилах крашенные яйца, обращаясь к русалке с просьбой: «Не загуби души, не дай удавиться [...]» [27. С. 243].

Оставленная на кладбище поминальная еда и предметы понимались как жертва душам умерших, которые в народном сознании часто принимали вид мелких животных и птиц. На кладбище также относили предназначавшиеся душам остатки еды после домашних поминальных обедов (рус., бел., полес.); там выливали воду, в которой мыли посуду после поминок (укр.) [28. С. 181]. «Прыдуць на моголки и пасыплюць зярно. – На шчо зярно, ано ж не вырасте? А яны кажуць: А ёто душа яго вылазе, престаўицца варабьём и бúde клеваць зёрнышки» (Грабовка, гомел., гомел.) [5]; «[...] хай птычка зйэст, вона божа, бо Бог с крыламі да и птычка с крыльцамы» (Олбин., козелец., чернигов.) [5]; «На Радоўницу (после того как поели около могилки, остатки пищи возле могилы же и крошили): “Пташечки, летайце, ягадки клевайце, а мне будзе вёсело ляжаць”» (Махновичи, мозыр., гомел.) [5]; «Кутью обязательно на кладбище [...] На могилочке положить. Птушечкам так – пускай поминают» (рус. смол.) [8. С. 117]; «Людэ у нас на моголках даўць обид такі. И люди подобрáлы кусочкоў тих (оставшихся от обеда), и жэньчина выкинула пуд плит, ка, хай зайчыки едят» (Радеж, малорит., брест.) [5].

Практически повсеместно фиксировался обычай раздавать на кладбище еду нищим: «Коло гробиў сэдáли, а кругом ходили батюшки и на скамэчках (сидели), скатэр тую расстилали на гробках, потом ставили яичко, качалас яичком, так як хръстом (т.е. яйцом проводили крестообразно по могиле), цю пасху (принесенную с собой) давали попу и нищим, яичко давали нищим, которо качали. Ставйали всем обчий объед на могилах. Все поминают покойних, и ему (покойнику) дают то само яичко» (Вышевичи, радомышл., житомир.) [5]. В Польше в XIX–XX вв. фиксировался обычай раскладывания провизии на могилах для душ умерших, который позднее перешел в практику кормления нищих возле костела (Вармия, Мазуры) [9. С. 160]. В польских селах Добжицкого края было в обычае раздавать нищим столько кусков хлеба, сколько умерших родственников нужно было помянуть [29. С. 205]; в районе Жешова в поминальный день нищим раздавали на кладбище горох (пол.) [28. С. 525]. У проживающих на территории Буковины поляков также бытовал обычай подачи милостыни на кладбище в Задушный день: «No a dawajom duzo, dawajom tej jalmużny. Bulki jakieś slodyczy» («Ну, даем много, много даем милостыни. Булки, какие-нибудь сладости») [24. С. 87].

Помимо календарных праздников, на кладбище ходили в моменты неохотности, в поиске совета и помощи от душ умерших. Перед свадьбой девушки-сироты ходили попросить прощения у родителей или «позвать их на свадьбу» (рус.) [1. С. 505; 25. С. 345–346]. В Заонежье кладбище посещали перед разлукой с родными местами, перед всеми крупными событиями жизни, в горе и в радости, так как считали, что умершие должны быть в курсе всех событий [12. С. 206–207]. В этом же регионе больные ходили на могилы колдунов, чтобы заручиться их поддержкой при снятии порчи и заклятия (рус. заонеж.) [12. С. 208]. Отчаявшись получить помощь в другом месте, шли на могилы предков: «Ну, Валя наша рассказывала. Конь у яе уцек. Малако нада сабирать... Мо троих лавали таго каня. Пришла, кажэ, у кладоў, пастаяла, гаварит: “Бра́тко, ты маладый, памажи, ўстань, мне коня злавиль. Ну, так и ты ж, бацько, што ты ляжиш? И той, каже, конь стаў и стаиць, я падашла, забрала, павяла» (Прусы, стародорож., мин.) [4].

Народное сознание наделяло взятые с кладбища землю и предметы целеительной силой: «Вот с кладбища приносят земля в узялок, только это верующий человек должен взять, и она может и от хвори лечить, и там есть каке-то слова на то, чтоб мужик твой не пил. Вот да, брали, брали. А особенно какой покойник только вот умер, и с той могилки берут» (рус., ульянов.) [21. С. 26].

С другой стороны, осмысляясь как вредоносное, опасное пространство смерти и злых духов, кладбище становилось особым магическим пространством, где проводились обряды вредоносной магии. С помощью взятых с кладбища предметов и земли наводили порчу [1. С. 252]; чтобы отправить на тот свет врагов и злоумышленников, в могилу бросали или закапывали землю, по которой прошел человек (его след) (полес.) [30. С. 272]; в гроб подкладывали пепел и уголь с пожарища, желая смерти поджигателя (пол.) [13. S. 185]; фотографию недруга: «А вот ёсь харонють, карточку паложуть, есьли на тебе зло, ў гроб, пака та картачка не сгниє, буде мучицца» (Новые Самотевичи, костюкович., могилев.) [4].

Весь многообразный комплекс правил поведения на кладбище и связанных с ним поверий и запретов основан на представлении о данном локусе как об особой части потустороннего пространства, доступного для живых. Это делает кладбище местом общения между тем и этим светом, где, соблюдая определенные правила, живые могут вступить в контакт с умершими предками и получить от них необходимую помощь и содействие. Со своей стороны, живые должны помнить о своих умерших родственниках, вовремя посещать их могилы, оставлять для них дары и еду. «Нечистые» покойники также не могут оставаться без подношений, хотя это внимание мотивируется уже другими причинами – необходимостью обезопасить себя от потенциально мстительных и зловредных душ. Таким образом, весь обширный комплекс правил посещения кладбищ, запретов и мифологических представлений о данном локусе подчеркивает идею сосуществования и пересечения миров живых и умерших, а также непрекращающегося общения между ними, приносящего, при соблюдении установленных правил, пользу обеим сторонам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под общей ред. Н.И. Толстого. М., 1999. Т. 2. Д – К (Крошки).
2. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка / Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. Изд. 2, стереотипное. М., 1986–1987. Т. 1.
3. *Добровольская В.Е.* Суеверные представления, связанные с переходом в мир мертвых. На материале регионов Русского Севера и Центральной России // Сб. материалов научн. конф. М., 2005. Вып. 8.
4. Полевые материалы Андруниной М.А.
5. Полесский архив сектора этнолингвистики и фольклора Института славяноведения РАН. Москва.
6. Пахаванні, памінкі, галашэнні. Мінск, 1986.
7. *Толстая С.М.* Полесский народный календарь. М., 2005.
8. Смоленский музыкально-этнографический сборник / Отв. ред. О.А. Пашина, М.А. Енговатова. М., 2003. Т. 2. Похоронный обряд. Плачи и поминальные стихи.
9. *Komentarze do Polskiego Atlasu Etnograficznego / Pod red. naukową J. Bohdanowicza.* Wrocław, 1999. Т. 5. Zwyczajе, obrzędy i wierzenia pogrzebowe.
10. *Седакова О.А.* Материалы к описанию полесского погребального обряда // Полесский этнолингвистический сборник: Материалы и исследования. М., 1983.
11. *Зеленин Д.К.* Избранные труды. Статьи по духовной культуре 1901–1913. М., 1994.
12. *Логинов К.К.* Семейные обряды и верования русских Заонежья. Петрозаводск, 1993.
13. *Fischer A.* Zwyczajе pogrzebowe ludu polskiego. Lwów, 1921.
14. *Зеленин Д.К.* Восточнославянская этнография. М., 1991.
15. Похоронно-поминальные обычаи и обряды / Науч. ред. Соколова З.П., Кремлева И.А., М., 1993.
16. *Логинов К. К.* Похоронный обряд и кладбище поморского села Гридино // Живая старина, М., 2003. № 2.
17. *Добровольская В.Е., Кулешов А.Г.* Кладбище в традиционной культуре Гороховецкого района // Живая старина. М., 2003. № 2.
18. Представления восточных славян о нечистой силе и контактах с ней. Материалы полевой и архивной коллекции Л.М. Ивлевой / Сост., подгот. текстов и справ. аппарат В.Д. Кен. СПб., 2004.
19. *Straczk J.* Cmentarz i stół. Pogranicze prawosławno-katolickie w Polsce i na Białorusi. Wrocław, 2006.
20. *Добровольская В.Е.* «От мертвых с погосту гостинца не носят...» // Живая старина. М., 2010. № 1.

21. *Карвалейру А.М., Матлин М.Г.* Современные кладбища Ульяновской области // Живая старина. М., 2010. № 1.
22. *Конобродська В.* Поліський поховальний і поминальні обряди // Етнолінгвістичні студії. Житомир, 2007. Т. 1.
23. *Adamowski J., Doda J., Mickiewicz H.* Śmierć i pogrzeb w relacjach Polaków mieszkających na Białorusi // Etnolingwistyka. Problemy języka i kultury. Lublin, 1998. Т. 9/10.
24. *Stefaniuk M.* Śmierć i pogrzeb u Polaków zamieszkujących rumuńską Bukowinę // Twórczość Ludowa. Lublin, 2005. R. XX. № 1–4 (60).
25. Сказания русского народа, собранные И.П. Сахаровым. Народное чернокнижие, игры, загадки, присловья и притчи, народный дневник, праздники и обычаи. М., 1990.
26. Смоленский музыкально-этнографический сборник / Отв. ред. О.А. Пашина. М., 2003. Т. 1. Календарные обряды и песни.
27. *Тереженко А.* Быт русского народа. СПб., 1848. Ч. 1–7.
28. Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под общей ред. Н.И. Толстого. М., 1995. Т. 1. А – Г.
29. *Karwicka T.* Kultura ludowa Ziemi Dobrzyńskiej. Warszawa; Poznań; Toruń, 1979.
30. Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под общей ред. Н.И. Толстого. М., 2004. Т. 3. К (Круг) – П (Перепелка).

© 2013 г. *М.В. ЛЕСКИНЕН*

СЛАВЯНСКОЕ ЕДИНСТВО: ОТ ЛИНГВО-КУЛЬТУРНОЙ КЛАССИФИКАЦИИ К ПОЛИТИЧЕСКОЙ МИФОЛОГИЗАЦИИ

В центре внимания – новая монография профессора Института славистики Польской академии наук Л. Мороз-Грзеляк, которая посвящена истории складывания и эволюции комплекса понятий и представлений, связанных с идеей славянского братства и славянской взаимности в сознании польской и южнославянской элиты в конце XVIII – начале XX в. Содержание и выводы книги рассматриваются в контексте современного исследовательского интереса к истории и значениям концептов, описывающих этнонациональную идентичность.

The article deals with the new monograph of the professor of the Institute of Slavic Studies of the Polish Academy of Sciences Lilla Moroz-Grzelak, which is dedicated to the history of emergence and evolution of a complex of notions and concepts related to the idea of Slavic affinity and Slavic reciprocity in the mentality of Polish and South-Slavic elites in the late eighteenth – early twentieth centuries. The content and main conclusions of the book are treated in the context of contemporary scholarly interest towards the history and meanings of the concepts describing ethno-national identity.

Ключевые слова: славяноведение, славянская идея, концепт «братья-славяне», славянская взаимность.

Отчетливой тенденцией 1990-х годов – первого десятилетия XXI в. в гуманитарных и социальных дисциплинах стран Восточноевропейского региона можно считать обращение к концепциям и идеологемам, еще недавно казавшимся хорошо изученными с содержательной точки зрения. Это вызвано, с одной стороны, общим стремлением реинтерпретировать и объяснить по-новому, в антропологическом ключе, процессы, связанные с механизмом формирования коллективных представлений и индивидуальных позиций, определяющих особенности этнонационального менталитета, идеологии и культуры народа и государства. С другой стороны, новое прочтение обусловлено задачей пересмотра прежних дисциплинарных тезаурусов в ходе выстраивания современных национальных доктрин, идей и политических мифологий государств и регионов Центральной и Восточной Европы. Особое внимание уделяется таким терминам и концептам, как национальный/националистический, nationalism/национализм, ethnicity/этническая идентичность, расиализм/расизм, колониализм/постколониализм, империализм/

Лескинен Мария Войтовна – д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН.

культурный империализм и др., которые, будучи заимствованы из иного социально-научного дискурса, обретают сегодня в российской историографии значения и смыслы, отличные от своего первоначального содержания, вступая в конфликт не только с прежним политизированным знанием, но и с отечественной «памятью понятий» (термин Н.Е. Копосова). Если о применении терминов «национализм» и «этничность» (либо принимаемых в качестве категорий метаязыка научного описания, либо используемых как концептуальный инструмент для анализа исторических текстов) отчасти удалось «договориться» – в частности, в исследованиях в области так называемой империологии или антропологии науки можно говорить о некоем консенсусе, то другие категории – как, например, «пост-колониализм» – с трудом поддаются «адаптации» или «усвоению» в российских социо-гуманитарных дисциплинах [1]. И сам по себе процесс лингво-культурного «перевода» («трансфера») категорий и концептов подвергается сегодня рефлексии – главным образом на историческом материале [2], с акцентом на исторической семантике [3]. Ученному, вовлеченному в современную проблематику, так или иначе взаимодействующую с политико-социологическими запросами и идеологической актуальностью, сложнее кардинально изменить парадигму, опирающуюся на сложившуюся систему концептуализации. Ученые, в отличие от политиков и идеологов, стремятся к научной корректности и пытаются строго разграничивать оценочные понятия (такие, например, как национализм в языке советской науки или расизм – от концепций нации, национализма и расизма в их западноевропейском понимании, без маркирования смыслов [4–5]).

В русле данной тенденции следует, на мой взгляд, рассматривать и всплеск научного интереса к проблеме возникновения и содержания комплекса соположенных терминов – «славянская идея», «славянская взаимность», «славянское братство», «славянофильство», «панславизм» и др. Об этом свидетельствуют, в частности, многочисленные в последние годы монографии и сборники на эту тему на разных славянских языках [6–9], а также полемика, развернувшаяся по поводу последней из указанных монографий на страницах журнала НЛО [10–11]. Актуальность вопроса о теории и практике славянской взаимности вызвана, помимо научно обоснованного интереса к истории категорий этнонационального характера (в XX в. не раз менявших акценты в угоду политическим режимам или под влиянием идеологических запретов и клише), – общего для современных европейских национальных историографий, задачей создания нового этнонационального дискурса. Однако сегодняшние попытки по-новому взглянуть на сущность и эволюцию представлений о сообществах разного уровня – и славянского в том числе, зачастую исходят из стремления сменить знак, игнорируя не только прежние оценки (заклучения), но и исторический опыт анализа (имеющего богатую историографическую традицию, – как дореволюционную славистическую, так и послевоенную историко-академическую), о советской и постсоветской библиографии вопроса см в: [8. С. 5–30; 12–13]. Эта проблематика была приоритетным направлением и в Институте славяноведения РАН.

Монографическое исследование польского профессора, доктора наук Лиллы Мороз-Гжемяк из Института славистики Польской академии наук «“Братья славяне”. Образы общности и реальность» посвящено истории формирования взглядов на славянскую солидарность в сознании элиты славянских народов с начала XVIII до 20-х годов XX в. [14]. Автор избрала для анализа художественную литературу и научную, политическую и полемическую публицистику представителей пяти славянских народов: поляков, хорватов, сербов, болгар и македонцев, которые конструировали, применяли и исторически аргументировали концепцию «славянского братства». Последовательная реконструкция указанных пяти историко-национальных вариантов данной идеологии определила и структуру монографии, состоящую из введения, пяти глав, шестой, именуемой «Эпилогом»

(«Изменение мифа о славянской общности»), краткого заключения и библиографического раздела.

Введение представляет собой теоретико-историческое обоснование задач и позиций автора. Мороз-Гжеляк полагает, что идея славянского единства является важной для славянства мифологемой, в которой отражались и менялись со временем взгляды на общность и разнообразие, сходства и различия, притяжение и отталкивание народов, стремившихся отвоювать свою независимость. В сущности, концепт «славянское братство» стал своеобразной идеологической основой формирования регионально-племенной и этнонациональной идентичности. В кратком обзоре современных научных подходов Л. Мороз-Гжеляк подчеркивает, что ныне факт «объективного» существования единой славянской этнокультурной общности ставится под сомнение; он рассматривается как идеологема или мифологема, пережившая свое время, но оставшаяся удобной риторической формулой для различных национально-политических доктрин. Бесспорным аргументом, по мнению Мороз-Гжеляк, в пользу выделения славян как отдельной группы народов (этносов) может считаться язык, который выступает единственно бесспорным критерием этничности [14. С. 7]. Автор специально останавливается на том, что «в действительности» в основе теории славянского родства лежит не лингвистическая, а «воображаемая» общность, т.е. идея, сконструированная на основе легендарно-мифологической традиции и романтических представлений о взаимосвязи кровного (антропологического), языкового и исторического единства. Автор опирается на взгляды теоретиков национализма и этничности, исходя из того, что концепция славянства формируется по тем же законам и в тех же формулах, что и национальная идеология в период Просвещения и романтизма. Отличие лишь в том, что большинство славянских народов, не создав или утратив собственную государственность, обращалось к изучению обозримого и легендарного прошлого, усматривая в нем объединяющие приметы не малой этнически однородной общности под властью своего правителя, а связующие узы между славянскими племенами. Они повышали их исторический статус, давая им моральное и политическое право отстаивать свою самобытность перед лицом угрозы поглощения германской цивилизацией и мусульманским миром. Вторичной в этом случае оказывается конфессиональная принадлежность [14. С. 10–11].

Определяющую роль в процессе аргументации славянской общности – и с этим трудно не согласиться, – сыграли идеи немецкого философа И.Г. Гердера, обосновавшего главные отличительные признаки и «дух» германских и славянских «стихий» как основных исторических конкурентов на европейском пространстве. Создатели и проповедники теории славянской взаимности, начиная с конца XVIII в., в той или иной степени воспроизводили концепции Гердера. Тезис об этнической солидарности, основанной на общности языка и происхождения, не оспаривался и гегелевской идеей о духе и призваниях разных народов. В условиях отсутствия государственной независимости эту миссию должна была принять на себя славянская общность (племя выступает здесь как нация-народ). Перенос важного для национальной идентичности ощущения солидарности на наднациональный – общеславянский – уровень в определенном смысле поднимал исторический и политический статус народов, нивелируя тем самым их реальные отличия в конфессиональной принадлежности, языке, культурных ориентирах и цивилизационном развитии [14. С. 13].

Во введении Л. Мороз-Гжеляк объясняет ограничение анализа славянской взаимности только одним западнославянским и четырьмя южнославянскими народами польской традицией изучения данного круга проблем [14. С. 16–20]. В центре ее внимания находятся те идеи славянской взаимности, которые вызывают меньше всего сомнений и максимально удалены от воздействия панславизма в чистом виде (как его понимает автор), а именно: мотивы солидарности южных славян, сформировавшие концепцию югославизма. Кроме того, польские интел-

лектуалы, начиная с эпохи Возрождения, в поисках славянской общности апеллировали в первую очередь к балканским славянам. Главным в книге становится вопрос о понимании границ и иерархической структуры элементов этнорегиональной, этнонациональной и общеславянской идентичностей. В монографии не затрагивается словенский нарратив: автор вслед за ученым Т. Витухом полагает, что Словения не может быть отнесена к Балканскому региону. Л. Мороз-Гжеляк не объясняет, однако, отсутствие в ее исследовании даже кратких экскурсов о возникновении идей славянской взаимности у чехов, словаков и в российской общественной и научной мысли. Доминирующим оказывается только один аспект концепции, который автор пытается очень жестко отделить от идей политической солидарности и объединения славян под главенством одного народа, хотя фиксирует политические проекты, пользующиеся мифологемой славянского братства в своих целях, – в особенности в связи с этнонациональными вариантами югославизма. Подобное стремление, с одной стороны, объяснимо: в последнее время широкое распространение и в науке, и в публицистике получила тенденция отождествления политических и этнокультурных проектов славянского объединения – панславизма и славянской солидарности (например, Кошелев ставит в упрек авторам книги «“Славянская взаимность”. Модель и топика» то, что якобы они «обозначить исследуемое явление “славянофильством” [...] явно опасаются»; «панславизм стараются всеу не упоминать» – [10]). Не имеет смысла цитировать ответную аргументацию авторов рецензенту [11], следует лишь еще раз заметить, что «смешение» Кошелевым разных понятий задает спорный – прежде всего в исторической ретроспективе – ракурс реконструкций. Однако отождествление панславизма (в более «мягкой» формулировке именуемого «славянофильством») и славянской солидарности («взаимности») вызвано вовсе не ошибочной трактовкой идеологем, генезис которых происходил в разные исторические эпохи, а обусловлено вполне четко сформулированным взглядом на них с функциональной и модернистской позиций, и с точки зрения современного политически ангажированного прочтения. Впрочем, надо отдать должное Гжеляк: она не позволяет себе обобщений и полемики в таком духе, однако вопрос о дефинициях – именно в связи с указанными тенденциями в трактовках, – нуждается в более детальном прояснении.

Для российских читателей и исследователей-славистов, на мой взгляд, наибольший интерес представляет первая глава исследования, посвященная польским нарративам о славянской общности периода XVI–XX вв.

Особенностью польской трактовки можно считать сложное и противоречивое соединение тенденций, возникших как результат решения вопроса о «чистом» славянском типе и об историческом предназначении поляков – как в славянском мире, так и в цивилизационном противостоянии России. В основе этих убеждений лежала как этноцентрически ориентированная сарматская идеология, так и католический мессианизм. Усилия польских хронистов, поэтов и публицистов, направленные на историко-мифологическую реконструкцию славянских корней польской шляхты в период формирования историософского и религиозного обоснования идеологии сарматизма, хорошо изучены. На этапе формирования этноцентризма и ксенофобии (позже, в эпоху романтизма, и нового типа мессианизма) именно поляки-католики объявлялись «лучшими» славянами, отделяя себя от славянских православных народов. Только в период борьбы с турецкой угрозой в 60–80-е годы XVII в. идеи общехристианской общности немцев, поляков и южных славян выходят на первый план, вскоре вновь сменившись противопоставлением славян-поляков как западным соседям, так и восточным славянам, актуализируя конфессиональные и цивилизационные различия. С конца XVIII в. наиболее острым вопросом этнополитического и национального развития стало обретение славянскими народами (теперь уже и поляками) государственной независимости. Концепция братства народов в эпоху Просвещения и на рубеже веков

воплощалась иначе – она была тесно связана с лозунгами Великой французской революции о свободе народов [14. С. 34], и именно Франция виделась главным оплотом освобождения славян от иноэтнического и русского ига (позже эти чаяния стали связываться с Наполеоном). Однако в пророссийских кругах польского общества идеи о славянском единстве всех славян без исключения продолжали функционировать. Народ в этих нарративах понимался как племенная общность, не как нация. Объединяющим началом вновь выступала германская угроза; в соответствии со взглядами И.Г. Гердера, германская и славянская племенные «стихии» рассматривались как противоположные друг другу и потому обреченные на исторический конфликт. В разделении польского общества на сторонников и противников славянской идеи весьма значительную роль сыграло обсуждение причин падения Речи Посполитой. Популярность концепции объединения поляков и русских на почве славянского происхождения приходится на период Царства Польского, однако надеждам поляков на благотворность русско-польского союза под скипетром славянского короля-императора Александра не суждено было сбыться. При этом славянская общность виделась по-прежнему в языке и в противопоставлении германскому миру.

Девятнадцатый век поставил в центр славистических дискуссий прежде всего вопрос об историко-племенной обусловленности политических форм, общественных институтов и национальных характеров этническим происхождением. После Ноябрьского восстания 1830–1831 гг. резко усилились антирусские настроения, выразившиеся в обнаружении и обосновании внутриславянских отличий, в первую очередь польского и русского народов. В период расцвета романтизма в литературе и исторической мысли в России и Польше явно отмечается рост интереса к их славянскому прошлому и польско-русским отношениям. И позже тема славянского единства рассматривалась в двух аспектах – гердеровском противопоставлении славян германцам и мицкевическом сравнении двух славянских типов – русских и поляков.

Проблема славянского родства в период обострения польско-русских отношений вписана в эволюцию идей панславизма – объединения всех славянских народов под властью России, концепции, которая поляками отождествлялась с панрусизмом [14. С. 55]. Но сама идея культурного объединения, изучения общих черт культуры славянских народов вначале не была столь политизирована. Вопрос заключался в том, кто возьмет на себя функции лидера, объединителя славянства – поляки, воодушевленные идеями религиозного мессианизма и цивилизационной избранности [14. С. 55–57], или русские. Католицизм, славянскость и европейскость – вот три фактора, подтверждающие особое место поляков среди других народов. В некоторых, близких к церковным, кругах, актуализировалась ранняя идея католического прозелитизма в отношении православных славян. Католическое вероисповедание трактовалось как цивилизованное христианство; цивилизовать означало перекрестить в католическую веру. Именно в этот период появляются (и в России, и в Польше) концепции двух славянских типов культуры – польского и русского.

Другой характерной тенденцией второй трети XIX в. стало обвинение России в политическом предательстве славянской идеи через союзнические связи с германскими державами – угнетателями поляков и других славян. Тогда же возникли полемические заявления о том, что русские не являются славянами ни по происхождению, ни по духу. Л. Мороз-Гжеляк полагает, что подавление Январского восстания 1863–1864 гг. и последовавшая за ним антипольская кампания (а затем и политика) в России поставили точку в исканиях разных форм славянского братства и взаимности в польской общественной мысли. Отсутствие поляков среди участников Славянского съезда в Москве в 1867 г. и объявление их по сути предателями идеи славянского единства стало в этом смысле знаковым. В параграфе под названием «Иуда славянства» Л. Мороз-Гжеляк обращается к русскому

взгляду на идеи славянского единства, связанные с так называемым «польским вопросом». Однако она ограничивается главным образом официальным – в то время славянофильским, и, по мнению автора, еще и антикатолическим – дискурсом. В польской публицистике и научных сочинениях, как утверждает автор монографии, начиная с 1870-х годов явно выражено стремление избегать даже самого словосочетания «славянское братство» и «братья-славяне». Иногда, впрочем, оно использовалось – но, по утверждению автора, только в размышлениях об общей судьбе южнославянских и западнославянских народов, лишенных независимости или славян-католиков. Характеризуя судьбу идеи в начале XX в., Мороз-Гжеляк описывает особенности восприятия межславянского взаимодействия: оспаривалась политическая идея славянского единства, которая осуждалась как выражение племенной мегаломании, что не отменяло, впрочем, интенсивного сравнительного изучения родственных славянских языков и культур; особое внимание уделяет Мороз-Гжеляк критическим работам И. Бодуэна де Куртене. Автор заключает, что на польском примере бытования концепции славянского братства ясно видно, что она была лишь плодом «воображения», идеологическим концептом, иногда – идеалом, который находился в постоянном конфликте с исторической и политической действительностью, в особенности в период панславистских националистических русских проектов и реализации имперских амбиций России в Европе.

Однако вполне реалистическими на этом фоне выглядят концепции славянского единства, ограниченные стремлением к общности и солидарности южнославянских народов. В следующих четырех главах исследовательница последовательно рассматривает ракурсы идеи славянского единства в кругах элиты народов, объединившихся в XX в. в государство Югославию. Если эволюция представлений об общеславянской племенной общности в польской мысли была переплетена с развитием польско-русских отношений и этнокультурного противостояния, то отклики на славянскую идею в хорватской культуре осуществлялись в поле концепции иллиризма. На ранней стадии поиски этнического родства были тесно связаны с борьбой с турецкой угрозой, а потому носили надэтнический – конфессиональный характер, подчеркивая «славянское единство католической славянской общности» перед лицом мусульманского врага. Иллирийская идея стала опорой в период борьбы хорватов за свой язык и этничность в составе Австрии – в противодействии политике как германизации, так и мадьяризации Хорватии. Ее вдохновители напрямую связывали планы борьбы за национальную независимость хорватов с необходимостью изучения славянского прошлого, языков и культуры европейских славян – и в первую очередь южных славян Балканского полуострова.

Особенно часто обсуждался вопрос о близких связях хорватов, словенцев и сербов, игнорировавший на время различие в конфессиональной принадлежности и акцентировавший «чуждость» западных народов – прежде всего австрийцев, венгров и итальянцев [14. С. 102]. Мороз-Гжеляк обращает внимание, что образцом, по которому выстраивался иллирийский (позже – югославянский) дискурс, стал польский пример; обоснование польской этнонациональной самостоятельности и племенной и этнической древности народа у Мицкевича сыграло значительную роль в развитии хорватской национальной идеологии. С другой стороны, симпатии в отношении России (особенно в период ее активной помощи южным славянам под властью Турции) также трудно было бы отрицать, но они сильно менялись и эволюционировали на протяжении второй половины XIX в.

Значимыми в процессе развития иллирийской идеи стали споры о термине «славянин». Он оказался в центре внимания в середине столетия, когда в хорватской публицистике появились работы, рассматривавшие не только происхождение этнонима, но и конкретных исторических героев и персонажей славянского происхождения. Лингвистические штудии этого времени были нацелены на ре-

конструкцию общего для трех югославянских народов иллирийского языка и его отдельных наречий. При этом их отличия хорватами явно игнорировались, хотя этноисторические особенности сербов, хорватов и словенцев не отрицались. Создание первого словаря иллирийского языка рассматривалось его авторами как важный этап развития не только югославянской общности, но и всеславянского единства в целом.

Однако уже в 1860-х годах ситуация стала меняться. Возникающие политические партии националистического толка, разрабатывая планы борьбы с австрийской германизацией, стремились к обособлению интересов различных этносов. Идеи славянской (иллирийской) общности теряли популярность под натиском этнонациональных лозунгов, хотя конфессиональные различия в этом контексте все же оставались на втором плане. В это время проявились антисербские тенденции, в которых сербам отказывали в общем политическом будущем с хорватами, так как их исторические судьбы и цивилизационная принадлежность рассматривались как в корне различные.

В главе, посвященной сербскому пониманию славянского единства, Мороз-Гжеляк указывает специфический характер данной мифологемы: для сербов славянская идентичность, принадлежность к славянскому миру не подчеркивалась столь часто, как в польской или хорватской культуре – потому что не вызывала никаких сомнений. Таким же образом сербов рассматривали в это время и поляки. Центральная для этнонациональной сербской мысли концепция внутрисербской солидарности перед лицом главной – мусульманско-турецкой угрозы – в течение веков была консолидирующей, она базировалась на принадлежности к православному церкви и на патриотической идее погибшей сербской государственности. В связи с тем, что сербы были разъединены и в политическом отношении – став подданными Османской и Австрийской империй, гораздо более актуальной, нежели всеславянская, стала идея об объединении сербов, оказавшихся в разных цивилизационных ареалах. Мечта о возрождении былой государственности в конце XVIII в. связывалась с идеей объединения южных славян – сербов, хорватов, болгар, а идеологическим центром формирования историко-политических концепций стали сербские деятели Габсбургской империи. Однако, отмечает Мороз-Гжеляк, в их активных реконструкциях прошлого нечасто использовался концепт «славянское братство» [14. С. 139], поскольку этнонимы «серб» и «славянин» функционировали как синонимы. Для Досифея Обрадовича главным критерием объединения сербов стал язык, а не кровь и религия.

Автор монографии подробно рассматривает формирование и эволюцию идей югославизма в сербской версии, почти полностью игнорируя столь хорошо изученную в российской и сербской науке XX в. линию отношений сербов с русской культурой и государством. Традиции сербской государственности и попытки обретения и расширения автономии давали сербским идеологам основание полагать сербов лидерами борьбы южнославянских народов за освобождение. Это обусловило национальное понимание идеологии иллиризма на его начальном этапе и осторожность и даже некоторую дистанцированность в отношении к нему сербов в период его расцвета. Мороз-Гжеляк объясняет это конфессиональными и социальными различиями хорватских и сербских сторонников иллиризма. Отсюда объединение славян, в сущности, сводилось к идее ассимиляции всех южнославянских народов под лидерством сербов; большая роль при этом приписывалась России как главному союзнику и помощнику Сербии. Гораздо более актуальными стали идеи славянского братства в 1870-е годы после Славянского съезда в Москве. Не все сербы воспринимали этот лозунг буквально, некоторые полагали его риторическим, а саму русскую инициативу объединения связывали не столько с этноисторическими поисками единства, сколько с российско-немецким противостоянием. Однако события второй половины столетия показали, что для реализации планов освобождения южных славян Российская империя, несмотря на

собственные интересы на Балканах, скорее все же союзница сербов, в отличие от Австро-Венгрии.

Особенностью болгарской трактовки идеи славянского братства Мороз-Гжеляк считает признание ее безусловной значимости для складывания национальной идентичности – несмотря на то, что вопрос о славянском происхождении болгар стал актуальным только в конце XVIII в. Важную роль играло и православное вероисповедание, объединяющее болгар с другими – восточными и южными – славянами и стремление обозначить свои этноотличительные черты и дистанцироваться тем самым от турок и греков. Автор подчеркивает заслуги Юрия Венелина, научно аргументировавшего принадлежность болгар к славянскому и восточно-славянскому кругу культуры. В славянском единстве болгары видели прежде всего необходимость укрепления русско-болгарской солидарности, рассчитывая на помощь России. Однако не только про-, но и антироссийские тенденции имели место в период болгарского возрождения, – последние главным образом проявлялись после поражения России в Крымской войне. Свою роль в этом сыграла и антироссийская пропаганда со стороны поляков-эмигрантов из Франции. Они обрели поддержку в связи с борьбой за независимость болгарской церкви (вплоть до проекта унии с Римом), активизировавшейся в это время. Детали известного сюжета о попытках польских церковных деятелей стать посредниками в переговорах с Ватиканом, расширив в Болгарии влияние католицизма на основании идеи польско-болгарского этнического родства, видятся в этом контексте по-новому [14. С. 195–210]. Глубокое разочарование решениями Сан-Стефанского и Берлинского договоров означало не только утопичность надежд южных славян на Россию, но и стало начальной фазой их внутреннего размежевания и череды конфликтов друг с другом – вплоть до балканских войн.

Глава, посвященная эволюции идеи славянского единства у македонцев, представляется небесспорной – в связи с ее специальным выделением в контексте борьбы за югославянское единение. Македонская этничность начала формироваться поздно, вырастая из локальной региональной идентичности. Поэтому этноним «македонец» на первом этапе использовался для обозначения места происхождения рода, локальной группы. Ее представитель отождествлялся с носителем православного вероисповедания и славянской кровью и часто фигурировал в одном ряду с другими этнонимами – например, «болгарин-македонец» или «славянин-македонец». Однако в качестве и экзонима, и эндонима для их обозначения вплоть до 1878 г. преобладало наименование «болгары». Поэтому автору довольно сложно анализировать представления о «братьях-славянах» в публицистике и художественной литературе, которую принято именовать македонской. Они явно не играли ведущей роли, включаясь в сложный процесс самосознания македонской общности. Разумеется, славянское происхождение (в котором в одно время отказывали даже болгарам), не оспаривалось, но играло иную роль, нежели у других южных славян во второй половине XIX – начале XX в. Эта идея фиксировалась, но не развивалась, не став значимой идеологемой националистического дискурса по причине сложной судьбы болгаро-македонских отношений, неопределенности внешней идентификации и в идейно-политических спорах, ставших неизбежными по мере обретения славянскими народами собственной государственности.

В последней главе, в «Эпилоге» Мороз-Гжеляк прослеживает возрождение и реинтерпретацию идеи «славянского братства» в 1930-е годы, во время Второй мировой войны, когда внешняя угроза (и притом вновь антиславянская, германская) способствовала переосмыслению солидаристских концепций, жестко разделяя, однако, русские (советские) государственно-политические проекты панславизма и планы взаимопомощи и поддержки других народов общего происхождения. Описывает она и некоторые, хотя и не оформившиеся, тенденции

нового сближения славянских независимых государств после 1991 г. – уже не на политических, а на культурно-научных основаниях.

Мороз-Гжеляк подчеркивает, что именно историческая ситуация, в которой шло формирование славянских народов, способствовала политизации концепции, в условиях стремления к этногосударственной независимости сделав практически невозможной нейтрально-культурную трактовку идеологии. Однако полное игнорирование не только современных рассматриваемых идей и концепций в России, но даже российской историографии (как XIX в., так и XX в.) вызывает некоторое недоумение. Во-первых, трудно считать объективной картину, в которой главный претендент на славянское лидерство, старшинство среди братьев-славян, упоминается в первой главе (где представлен лишь официальной позицией властей в отношении к «польскому вопросу») и в главе о болгарской «версии» славянской солидарности. Во-вторых, идеи славянского единения православных народов и в XVIII, и в первой половине XIX в. очень трудно представить без русского влияния и в первую очередь без целого пласта научных изысканий в области славистики [18], без российских политических проектов и историософских концепций, наконец, без понимания процесса циркуляции данных представлений и идеологием внутри узкой прослойки славянской интеллектуальной элиты в целом. Она в определенном смысле формировала сообщество единомышленников вне государственных и этнических границ, особенно на раннем этапе осмысления этногенетических легенд – до середины XVIII в. (этот ранний период, впрочем, не входит в предметную область Мороз-Гжеляк; он проанализирован в: [15]).

С другой стороны, широкое распространение, которое получали эти идеи в народных кругах в 1860–1880-е годы в России и среди южных славян, было связано с иной, «народной» – упрощенной и формально, и содержательно трактовкой славянской взаимности (большую роль в популяризации идей в это время играли не научные труды, а визуальные нарративы, газетная и журнальная публицистика, популярная литература). Вопрос о степени восприятия массовым сознанием анализируемых концептов, репрезентируемых исключительно элитой, Мороз-Гжеляк не затрагивает (оговаривая это во введении), но именно этот аспект позволил бы установить спектр национальных интерпретаций в более полном виде. Ведь рассматривать циркуляцию, приятие или неприятие каких-либо идей и тем более мифов в национальной культуре можно вполне адекватно в XVIII – начале XIX в., но для исторического периода формирования наций начиная с середины девятнадцатого столетия и особенно на рубеже веков невниманье к массовым представлениям небезупречно с методологической точки зрения. В этом контексте хотелось бы упомянуть заключения Т. Гланца и П. Серию, авторов статей в сборнике, посвященном конструированию концепта «Славия» [6. Р. 11–29, 45–63], которые показали, как мифологема славянского братства вписывалась в общеевропейские интеллектуальные поиски идентичности(ей) – в области научных таксономий, в сфере геополитических стратегий стран и регионов Европы в XIX в., в воззрениях социальных низов.

Книга польской исследовательницы – добротное научное исследование, дающее представление о развитии и функционировании концептов «славянское единство» и «славянское братство» в период формирования национальной идентичности прежде всего у южнославянских народов. Она позволяет увидеть связи их деятелей с польскими сторонниками славянского объединения в региональном, а не в общеевропейском или панрусистском масштабе, определить направления польского влияния и своеобразие трактовок славянства в целом. Для российских историков-славистов она более интересна «внешним» ракурсом интерпретации, позволяющим взглянуть на идею славянской общности без России и русских.

Концепт славянского «братства», резюмирует Лилла Мороз-Гжеляк, представляет собой метафорическое воплощение поисков мифологической общности в прошлом. Однако содержание и, что важнее, методы использования идеологии

мы «братья-славяне» прошло определенную эволюцию. В разные исторические периоды и в различных этнонациональных кругах славянской элиты она могла наделяться несхожими смыслами и акцентами. Ее многозначность и многоаспектность стали залогом длительного существования вплоть до сегодняшнего дня – несмотря на очевидную победу понятий, описывающих национально-государственную, а не антропологически- (расово-) языковую общность. Но, как подчеркивает автор, – нынешняя актуализация термина в его ранних, архаических значениях, вызвана политико-идеологическими задачами, а вовсе не обращением к наследию интеллектуальной европейской элиты славянского происхождения, которое, в свою очередь, быстро пережило данное увлечение и уже в начале XX в. во многом переосмыслило и критично оценивало прежнюю «будительскую» утопию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бессмертная О.* Почему примордиальна российская культура? Один из аспектов «памяти понятий» // *Неприкосновенный запас*. 2012. № 5 (85).
2. *Ауст М., Вульпиус Р., Миллер А.* Предисловие. Роль трансферов в формировании образа и функционировании Российской империи (1700–1917) // *Imperium inter pares: Роль трансферов в истории Российской империи (1700–1917)*. М., 2010.
3. *Миллер А.И., Собижков Д.А., Ширле И.* «Понятия о России»: к исторической семантике имперского периода. Предисловие // *Понятия о России. К исторической семантике имперского периода*. В 2-х т. М., 2012. Т. 1.
4. *Тодоров Ц.* Раса и расизм // *Новое литературное обозрение*. 1998. № 34.
5. *Соколовский С.В.* Расизм, расиализм и социальные науки в России // *Расизм в языке социальных наук*. СПб., 2002.
6. *Inventing Slavia. Изобретение Славии*. Prague, 2005.
7. *Егорова К.Б., Т.Г. Масарик.* От «русского вопроса» к «русской акции» // *К истории идей на Западе. «Русская идея»*. СПб., 2010; *Суханек Л.* Славянский мир и Европа // *Государство, Россия и церковь в России и за рубежом*. 2009. № 4; *Europa – Slavia – Germania. W poszukiwaniu tożsamości*. Warszawa, Gorzów Wielkopolski, 2009; *Janion M.* *Niesamowita słowiańczyzna. Fantazmaty literatury*. Kraków, 2006; *Słowianie, Słowiańczyzna – pojęcia i rzeczywistość*. Warszawa, 2002.
8. *Рокина Г.В.* Теория и практика славянской взаимности в истории словацко-русских связей XIX в. Казань, 2005.
9. *Кацис Л.Ф., Одесский М.И.* «Славянская взаимность». Модель и топика. М., 2011.
10. *Кошелев В.А.* Рец. на книгу: *Кацис Л.Ф., Одесский М.И.* «Славянская взаимность». Модель и топика. М., 2011 // *НЛО*. 2012. № 1 (№ 113).
11. *Кацис Л., Одесский М.* Когда коллеги, распри позабыв... (Письмо в редакцию) // *НЛО*. 2012. № 3 (№ 115).
12. *Лантева Л.П.* История славяноведения в России в XIX веке. М., 2006; *Лантева Л.П.* История славяноведения в России в конце XIX – первой трети XX в. М., 2012.
13. *Славянский вопрос: веки истории*. М., 1997.
14. *Moroz-Grzelak L.* *Bracia Słowianie. Wizje wspólnoty a rzeczywistość*. Warszawa, 2011.
15. *Мыльников А.С.* Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы. Этногенетические легенды, догадки, протогипотезы XVI – начала XVIII века. СПб., 1996; *Мыльников А.С.* Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы. Представления об этнической номинации и этничности XVI – начала XVIII века. СПб., 1999.

© 2013 г. М.М. ФРОЛОВА

БОЛГАРСКИЕ КНИГИ В СОБРАНИИ А.Д. ЧЕРТКОВА: К 150-ЛЕТИЮ ЧЕРТКОВСКОЙ БИБЛИОТЕКИ

В статье сообщается о А.Д. Черткове и его знаменитой Чертковской библиотеке. Развитие интереса ученого к истории Болгарии привело к появлению в собираемой им библиотеке фонда книг периода болгарского возрождения. Каждая книга являет собой отдельную страницу в русско-болгарских культурных связях.

The article tells about Aleksandr Dmitrievich Chertkov and his famous Chertkov Library. Inspired by interest towards the history of Bulgaria, the scholar created a special unit dedicated to the Bulgarian «Awakening» in his collection. Each book exemplifies a page in the history of Russian-Bulgarian cultural ties.

Ключевые слова: А.Д. Чертков, Чертковская библиотека, Н.Н. Мурзакевич, В. Атрилов, Г. Бусилин.

В 2013 г. исполняется 150 лет со дня открытия Чертковской библиотеки (1863) – первой бесплатной публичной библиотеки в Москве, которую современники называли знаменитой, примечательной. В 1871 г. Г.А. Чертков, сын А.Д. Черткова, собирателя этой уникальной книжной и рукописной коллекции, известного в истории исторической науки благодаря научным достижениям в области нумизматики, библиографии, археологии, славистики, этрускологии, подарил библиотеку Москве, и она была размещена в здании Московского Публичного и Румянцевского музеев с особой вывеской «Московская Городская Чертковская публичная библиотека». В 1887 г. она была передана Императорскому Российскому историческому музею, открытому в 1883 г. К сожалению, здесь принцип неделимости ее коллекции оказался нарушенным, поскольку ценнейшие манускрипты и грамоты (244 ед.), книги кирилловской печати XVI–XVIII вв. (771 ед.) вошли в образованный в 1912 г. Отдел рукописей, в Отдел письменных источников (ОПИ ГИМ) отошел весь архивный материал: письма и дневники государственных и общественных деятелей, ученых, писателей, архив семьи Чертковых, Муравьевых, Чернышевых, отдельное собрание автографов государственных лиц и писателей [1. С. 3]. Книжный фонд, составляя библиотеку Исторического музея и продолжая именоваться Чертковской библиотекой, оставался по-прежнему самым знаменитым из всех книжных собраний, когда-либо поступивших в музей, подчеркивал И.Н. Розанов. Чертковская библиотека не потеряла своего значения, поскольку занимала центральное место в зале А, и читатели гораздо чаще обращались именно к ее книжным сокровищам [2. С. 13]. В 1938 г. по Постановлению Совнаркома РСФСР была организована Государственная публичная историческая библиотека, куда в числе других собраний частично поступила и Чертковская библиотека, заложившая основу богатых фондов ГПИБ по истории дореволюци-

---

Фролова Марина Михайловна – канд. ист. наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН.

онной России [3. С. 18–26]. Таким образом, в 2013 г. отмечается тройной юбилей: 150-летие Чертковской библиотеки, 130-летие Государственного исторического музея и 75-летие Государственной публичной исторической библиотеки России, по праву считающей себя преемницей Чертковской библиотеки.

Существует несколько каталогов Чертковской библиотеки. В 1838 г. был издан каталог «Всеобщая библиотека России или каталог книг для изучения нашего Отечества во всех отношениях и подробностях», который содержал «Первое прибавление», включавшее «Описание книг, вновь приобретенных». В 1845 г. вышло «Второе прибавление», подписанное цензором В. Флеровым 12 декабря 1844 г. Всего в каталогах насчитывалось 4701 название книг. Каталоги оказались столь востребованы библиофилами России, что к началу 1850-х у автора осталось только четыре экземпляра первого каталога и ни одного второго. Из письма к С.А. Соболевскому от 1851 г. мы узнаем, что Чертков намеревался издать «полный каталог всего, что он собрал, т.е. все, что помещено в первых двух каталогах и что приобретено с 1844 г.» [4]. Однако это не было осуществлено.

Но в Отделе редких книг ГПИБР (ОИК ГПИБР) сохранились уникальные экземпляры каталогов 1838 г. и 1845 г., в которых между печатными страницами были вплетены чистые белые листы. На них Чертков заносил названия новых книг, поступавших в его библиотеку после выхода в свет каталогов. Необыкновенную ценность имеют записи каталога 1845 г. (инвентарный номер 20050), поскольку новые поступления, внесенные на белые листы в каталоге 1838 г. (инвентарный номер 5068), вошли затем во «Второе прибавление». Правда, Чертков заполнял белые листы в указанном экземпляре «Второго прибавления» в течение всего нескольких лет по выходу в свет каталога (1845). Но общий прирост книг был существенным: по подсчету самого собирателя вместе с новыми книгами в книжном фонде имелось уже 8534 названия [5. С. 451].

Одной из задач П.И. Бартенева, библиотекаря Чертковской библиотеки, было составление нового каталога, который выходил отдельными частями в 1863 и 1864 гг. Сочинения о славянах и на славянских языках Бартев собрал в особом VI отделении каталога, которое так и не увидело свет. В настоящее время издания на болгарском языке из Чертковской библиотеки размещены по разным хранилищам Государственной публичной исторической библиотеки России. Подвижнический труд Н.М. Пашаевой по выявлению славянских книг периода национального возрождения этих народов из более чем трехмиллионного фонда ГПИБР вылился в публикацию трех выпусков каталога «Славянская книга эпохи национального возрождения (конец XVIII в. – 1878 г.) в фондах ГПИБ России». Сопоставление болгарского раздела этого каталога с данными экземпляра «Второго прибавления» из ОИК ГПИБР и архивным материалом фонда Черткова из ОПИ ГИМ позволяют приблизительно восстановить болгарскую коллекцию А.Д. Черткова.

Любовь к книге и вкус к библиофильству у Александра Дмитриевича Черткова (1789–1858) шли из семьи: в библиотеке А.Д. Черткова сохранились книги с владельческими надписями его деда генерал-поручика В.А. Черткова (1726–1793) и отца Д.В. Черткова (1758–1831), губернского воронежского предводителя дворянства. Следует подчеркнуть, что В.А. Чертков, закончив курс в Сухопутном шляхетском корпусе в 1750 г., остался там преподавать и в 1757 г. стал руководить, согласно исследованиям Д.Д. Шамрай [6. С. 192], созданной при корпусе типографией. Значима была роль Черткова и в издании первого еженедельного частного русского журнала «Праздное время, в пользу употребленное» (см. [7. С. 377–383]). Став генерал-губернатором Воронежского и Саратовского наместничеств (1782–1793), он деятельно покровительствовал распространению просвещения, в частности открыл в Воронеже народное училище, больницу, театр, что создало такую духовную и интеллектуальную атмосферу в городе, в которой

только и мог появиться научный кружок по изучению родного края, руководимый Е.А. Болховитиновым (впоследствии митрополит Киевский и Галицкий).

В библиотеку А.Д. Черткова влилось значительное количество печатных и рукописных книг на русском, польском, немецком и латинском языках (XVII–XVIII вв.), собираемых тремя поколениями острогожских полковников Тевяшовых, деда и прадедов по материнской линии. Самая ранняя владельческая надпись А.Д. Черткова датируется 1799 г., когда 10-летний мальчик написал на обороте верхней переплетной крышки книги И.Ф. Литхена «Лексикон российской и французской, в котором находятся почти все Российския слова по порядку Российского алфавита» (СПб., 1762): «№ 2 288. Изъ числа книгъ Библиотеки Александра Черткова. Сего 1799-го Года. Цѣна 280 ко[п]». Служба в лейб-гвардии Конном полку (1809–1822), участие в заграничных походах русской армии в 1813–1814 г. только укрепили его трепетное отношение к книге. В походных тетрадах 1813–1814 г. Чертков всегда отмечал наличие в городах и населенных пунктах Западной Европы библиотек и книжных магазинов. Книжное собрание Черткова особенно пополнилось в Париже, где в лавках букинистов на набережных он дешево купил прекрасные книги – «Физический словарь» Бриссона в трех томах, «Медали в царствование Людовика XV» и др. [8. С. 108].

Войны с Наполеоном и особенно заграничные походы разбудили в русском обществе небывалый интерес к истории России, процесс самообразования гвардейских офицеров подразумевал культивирование полезного чтения. В «духе времени» Чертков также углубился в исследования исторического прошлого своего отечества. Его библиотека стала наполняться книгами, рукописями, например, в коллекции появилась «Хронограф редакции 1512 г.», купленный в 1817 г. в Петербурге у Плавильщикова [1. С. 73. № 289].

В 1817 г. на страницах журнала «Сын отечества» Ф.П. Аделунг опубликовал грандиозное «Предложение об учреждении русского национального музея», в состав которого входила и библиотека. И она, по мнению автора, должна была заключать в себе «сколь возможно полное, систематическим порядком расположенное собрание всех книг, напечатанных на русском и иностранных языках о России» [9. С. 58–59]. Осуществление такой библиотеки Аделунг предназначал государству.

Но этот масштабный проект захватил Черткова. Несомненно, что именно идеи данного проекта отразились в предисловии к каталогу «Всеобщая библиотека России» (1838), в котором автор сообщал, что возымел «патриотическую мысль составить такую библиотеку, в которой бы находились все пособия для изучения нашего Отечества в самом широком смысле» [10. С. IV]. До А.Д. Черткова никто не приступал к осуществлению подобного предприятия – ни частные лица, ни государственные учреждения. Однако поколение Черткова, приняв участие в величайших событиях века, стало смотреть на себя «как на действующих лиц истории», оно обрело сознание «собственного величия» [11. С. 186, 192]. И А.Д. Чертков, гражданское самосознание которого было также активизировано, вполне в соответствии с «духом времени» взялся осуществить создание подобной библиотеки собственными силами.

Впрочем, план комплектации библиотеки книгами только для изучения России был скоро нарушен, поскольку стали приобретаться издания, посвященные славянским народам, и книги славянских авторов. Об интересе А.Д. Черткова к славянам вообще и к болгарскому народу в частности свидетельствуют его записки и комментарии к книгам и журнальным статьям, которые он вносил в тетради, сохранившиеся в Отделе письменных источников Государственного исторического музея, в фонде Черткова. В самой ранней из дошедших до нас тетрадей «Notes sur l'histoire de la Russie» («Записки по истории России»), начатой в мае 1816 г., несмотря на указанную тему в заглавии, имелось очень много выписок, посвященных непосредственно болгарам – их происхождению, языку, а также

поселению болгарских и сербских колонистов в Бессарабии. Например, к книге А.Г. Краснокутского «Дневные записки поездки в Константинополь Александра Григорьевича Краснокутского в 1808 году» (М., 1815) стоит отметка Черткова, что на странице 9 русский путешественник записал, что «язык болгар несколько сходен с русским» [12. Д. 310а. Ч. 1. Л. 48об.]. Советская исследовательница И.С. Достян, разрушая сложившееся в историографии мнение о том, что в России до появления известной книги Ю.И. Венелина мало знали о языке и национальных особенностях болгар, выявила в русской литературе и периодической печати первых десятилетий XIX в. значительное количество работ, в которых сообщалось о болгарском народе. Эти работы имелись и в библиотеке Черткова. Впрочем, упомянутой книги Краснокутского в списке проанализированных Достян материалов нет [13. С. 193–210].

Усугубление внимания именно к болгарским рукописям и книгам прослеживается по дальнейшим записям А.Д. Черткова, вышедшего в отставку в чине полковника в 1822 г., во время его заграничного путешествия по странам Западной Европы в 1823–1825 гг. В Вене он близко сошелся с П.И. Кеппенем, замечательным и всесторонним знатоком славянской филологии первой четверти XIX в., членом известного кружка канцлера Н.П. Румянцева. Кеппен был первым русским ученым, лично познакомившимся с П.-Й. Шафариком, Й. Добровским, С.-Б. Линде, В. Ганкой, Е. Копитаром. В августе 1822 г. Кеппен находился в Германштадте (г. Сибиу, Румыния), где плодотворно контактировал с Д. Мустаковым и другими болгарами, проживавшими в этом городе. Путевой дневник ученого зафиксировал его наблюдения над живым болгарским языком, что, как отмечает Г.К. Венедиктов, «представляет собой первый шаг в изучении этого языка русскими учеными вообще». К тому же Кеппен привлек внимание к болгарскому языку таких известных филологов, как В. Караджич и Е. Копитар [14. С. 214, 236]. Вероятно, беседы с Кеппенем не оставили равнодушным и А.Д. Черткова, который подключился к поискам славянских книг и рукописей в Италии, на Сицилии. При покупке старопечатных славянских книг Чертков руководствовался советами П.И. Кеппена [15. С. 377; 16], а также списком книг, который специально для русского полковника составил Е. Копитар, служивший в Венской придворной библиотеке [12. Д. 271]. Из этой поездки Чертков привез в Россию в числе книг очень редкую «Глаголическую книгу» 1635 г. (один экземпляр находился в Ватиканской библиотеке, второй – у М.К. Бобровского) [13. С. 585], первое печатное издание «Абагара» (Рим, 1651). В каталоге 1838 г. оно значилось как «Молитвы на болгарском наречии; собрал Филип Станиславов од велике Булгаріе Бискуп. Рим, 1651». В комментарии Чертков заметил: «Практически единственное сочинение на болгарском языке, напечатанное Пропагандою». И тут же карандашом пометил: «поместить в редкие книги» [10. С. 610].

В последующие годы болгарская тема все настойчивей входила в круг интересов А.Д. Черткова, чему способствовало его участие в русско-турецкой войне 1828–1829 гг., непосредственно в осаде Силистрии в 1828 г., а также выбор Москвы местом жительства. Здесь в 1833 г. он был избран в действительные члены, затем в вице-президенты (1836–1848) и председатели (1848–1857) Общества истории и древностей российских, которое становится одним из центров славистических исследований в России. Ю.И. Венелин высоко ценил познания Черткова в этой области исторической науки, считая, что тот не просто принадлежит к истории славянской филологии, но находится «в ее первой главе» [17], хотя в то время у Черткова не было еще соответствующих печатных работ.

В 1839 г. Чертков в Ватиканской библиотеке изучал Ватиканский список болгарского перевода (XIV в.) византийской хроники Константина Манассии (XII в.), знаменитый своими 69 миниатюрами. Чертков списал глоссы болгарского переводчика, которые по приезде в Москву скрупулезно сравнил с глоссами Синодального списка болгарского перевода Константина Манассии. Его иссле-

дования, о которых он четыре раза докладывал на заседаниях ОИДР в 1840 и 1841 гг., вылились в две монографии – «О переводе Манассиной летописи на словенский язык, по двум спискам: Ватиканскому и Патриаршей библиотеки, с очерком истории болгар» (1842) и «Описание войны великого князя Святослава Игоревича против болгар и греков в 967–971 гг.» (1843). Критика и современники отмечали, что эти работы Черткова явились первой удачной попыткой написания средневековой истории Болгарии [18. С. 25]. А в 1842 г. А.Д. Чертков был единодушно избран в число членов-корреспондентов Императорской Академии наук за высоко оцененные ученым миром достоинства книги «О переводе Манассиной летописи...».

Сочинения Черткова по истории Болгарии были хорошо известны в среде болгарской эмиграции, прежде всего в Одессе. Один из ее представителей, В. Априлов, видный деятель болгарского возрождения, в начале 1830-х годов установивший плодотворные отношения с Ю.И. Венелиным, продолжал поддерживать контакты с ОИДР и после смерти ученого, что выражалось, в частности, в интенсивном книгообмене. Чертков подарил одесскому купцу не только упоминавшиеся книги по истории Болгарии, но и свои нумизматические каталоги [12. Д. 305. Л. 301 и об.]. Он также живо откликнулся на просьбу Априлова послать через него в Болгарию, в Габровское училище, книги «О переводе Манассиной летописи...» и «Описание войны великого князя Святослава...» [12. Д. 305. Л. 263].

В свою очередь, Априлов также подарил Черткову все свои сочинения. На одном из них – «Денница новоболгарского образования» – В. Априлов написал: «Милостивому государю Александру Дмитриевичу Черткову в знак истинного почтения. 2 февраля 1842 г., Одесса. От сочинителя» [19. С. 10. № 4]. Следует сказать, что Чертков имел редкое даже среди библиофилов качество – прочитывать, составлять краткую аннотацию, а уж затем только отправлять новую книгу на полку. При этом Чертков считал необходимым «высказать собственное мнение» «при книгах, которые подавали» ему повод. Так, в каталоге 1845 г. после выходных данных «Денницы новоболгарского образования» помещена пространная аннотация Черткова: «Словене, живущие под игом Оттоманской Порты, кажется, несчастнее наших германских собратий. Если эти последние были в таком множестве онемечены и олатынены, то задунайские теперь еще часто принимают мухаммедановскую веру, делаются турками, волохами и греками, и, что всего хуже, стыдятся называть себя болгарами. Чтобы противодействовать этому несчастному направлению, происходящему от фанатизма турок, но более всего от невежества самих болгар, просвещеннейшие из них, в том числе многие из живущих в Одессе, завели на свой счет в Болгарии 12 училищ и напечатали нужные для них книги. Можно теперь надеяться, – продолжал ученый, – что болгары просветятся и вспомнят, что в IX, X и последующих столетиях они составляли великое южно-словенское царство, простиравшееся от Черного до Адриатического моря и от Карпат до Адрианополя [...] Не подвержено ни малейшего сомнения, что великое племя южных словен, именно болгары, занимает с незапамятных времен все обширное пространство от Дуная до Егейского моря и Мореи; а если где живут греки и турки, то это пришлецы, водворившиеся тут уже в исторические времена между туземцами славянами» [5. С. 118–119].

Априлов снабдил библиотеку Черткова ранней работой будущего российского вице-консула в Пловдиве Найдена Герова, учившегося тогда в Одессе в Ришельевском лицее, – «Начала на христианского учение или кратка священна история и кратак катехизис» (Одесса, 1843) [12. Д. 305. Л. 263].

Но большинство книг на новоболгарском языке для Чертковского собрания прислал из Одессы Н.Н. Мурзакевич (1806–1883), преподаватель Ришельевского лицея и частый гость в доме Черткова. Именно благодаря ему во «Втором прибавлении» 1845 г. указано уже шесть изданий на болгарском языке, названия которых сначала появились на белых листах каталога 1838 г., хранящегося в

ОИК ГПИБР. Это «Новый завет», переведенный с греческого Петром Сапуновым (Бухарест, 1828); «Новый завет», переведенный Неофитом Рыльским (Смирна, 1840). Причем о последнем Мурзакевич «хлопотал целых 2 года», разыскивая его. 26 октября 1842 г. Мурзакевич писал Черткову: «У меня имеется “Новый завет” болгарский, изданный в 1840 г. в Смирне. Константинопольский патриарх его не возлюбил и строго запретил употреблять в своей пастве. От этого же книга и редкая. В следующий раз буду иметь удовольствие препроводить один экземпляр для Вашего употребления» [12. Д. 305. Л. 220]. Болгарский историк З. Маркова высказала мнение, что запрет, наложенный Константинопольским патриархом на обладание и употребление «Нового Завета» в переводе Неофита Рыльского, являлся следствием борьбы церкви с влиянием протестантизма [20. С. 60]. Как известно, в Смирне (Измире) обособилось Британское библейское общество, и в 1819 г. в Стамбуле была создана цензура Константинопольской патриархии для предохранения богословской литературы от проникновения идей протестантизма. В 1840 г. Британское библейское общество обеспечило греческую типографию в Смирне славянским шрифтом для того, чтобы был напечатан на болгарском языке «Новый Завет».

Из той же типографии вышли в свет две брошюры, как указал А.Д. Чертков, «для простого народа»: «Коренья на пианството и каква полза принося на ония, що го пиат много» (Смирна, 1842) и «Приятельски совети на родителите, как требува да отхранват децата си» (Смирна, 1842). В настоящее время в Исторической библиотеке сохранилась только эта последняя книга из выше перечисленных. Значится в каталоге Н.М. Пашаевой и «Математическа география: преведена от русският на ново-българският езък», переводчик И.А. Богоров (Одесса, 1842). Разбору этой книги посвящена работа Н. Герова «Няколко думи за преводят на математическа география на Ивана А. Богоева написани от Найдена Герова» (Одесса, 1842). В Исторической библиотеке в наличии экземпляр, который был прислан Мурзакевичем О.М. Бодянскому в 1843 г. [19. С. 15. № 37]. В каталоге Чертковской библиотеки эта работа Герова не указана, но, скорее всего, она все же находилась в собрании Черткова, поскольку, как правило, в Москву Мурзакевич всегда посылал болгарские книги в нескольких экземплярах, прежде всего для А.Д. Черткова и О.М. Бодянского. В каталоге 1838 г. помещен «Месецослов или календарь вечный болгарский, издан от Х. Сичан-Николов. Издание Второ» (Букуреш, 1842). Чертков в аннотации кратко перечислил его содержание. «Месецослов» отсутствует в фондах Исторической библиотеки.

Вероятно, затерялся и экземпляр из Чертковской библиотеки «Български букварь» (М., 1844), изданный Г. Бусилиным (ум. 1845 г.) на иждивение московского купца А.Н. Хаджоглу из г. Русчука. Название книги и аннотацию к ней Чертков вписал в каталоге 1845 г. на белом листе между страницами 322 и 323. Он отметил, что книга «напечатана нашими гражданскими буквами, кроме молитв, которые набраны церковными (от с. 42 до 55)», и издана «болгаринном Бусилиным, обучавшимся в Московском университете». «Не продавался у нас в России, и все издание отправлено в Болгарию для тамошних школ». Из письма Бусилина кметам (настоятелям) Карловского училища узнаем, что он покупал в Москве книги и отправлял их в Болгарию для библиотек училищ, и среди них самой достопримечательной, по его мнению, была «Манассиева летопись с краткой историей Болгарии». Выделяя труд А.Д. Черткова, Бусилин призывал своих соотечественников глубоко изучать «историю своих праотцев, быть достойными их детьми», постараться «жить и радеть о своем просвещении, как и они» [21. С. 193–196].

Нет в наличии в фондах Исторической библиотеки подборки первого болгарского журнала «Любословие или повсемесечно списание», издававшегося в Смирне, в типографии Дамианова, К. Фотиновым (1790–1858), учителем и автором учебников. Из записей на белых листах (между с. 322–323 и 382–383)

каталога 1845 г. выявляется, что в библиотеку тремя посылками было доставлено семь номеров журнала (№ 1–6, 10–11) за первый год этого издания (апрель 1844 г. – март 1845 г.). А из письма Мурзакевича от 12 февраля 1845 г. следует, что он тогда же «послал в цензурный комитет болгарские смирнинские газеты за несколько месяцев» и по мере получения намеревался препровождать их Черткову [12. Д. 305. Л. 277]. Важно отметить, что в славянской книжной коллекции БАН имеются только выпуски второго года издания «Любословия» – 13–24 (1846 г.), в учебной славянской библиотеке О.М. Бодянского – выпуски 16–21 [22]. Надо полагать, что Чертков обладал практически полным комплектом этого журнала, так как он получал болгарские издания из Одессы параллельно с Бодянским. К первым двум выпускам за апрель и май 1844 г. Чертков написал следующий комментарий: «Это периодическое издание по 1 номеру в месяц выходит, как говорят, под влиянием англичан, желающих просветить болгар с условием, чтобы они покупали их мануфактурные произведения. В апреле (с. 14–15) помещено: рыдание на смерть Ю.И. Венелина». Интересно, что в декабрьском номере за 1844 г. К. Фотинов опубликовал описание славянских рукописей Ватиканской библиотеки, взятое из книги Черткова «Описание войны великого князя Святослава...» [23. С. 138–141].

Из той же типографии Дамианова вышли и следующие две книги «Нещо за безграмотните човецы» (Смирна, 1843) и «Психология или душесловие за оучение на децата: преведена от греческият на болгарският язык» (Смирна, 1844). Полагают, что обе перевел Петков Тачев Ботьо [24. № 5995, 5996]. В каталоге Пашаевой указана только вторая книга.

Мурзакевич прислал Черткову и Бодянскому следующие издания: «Велисарий: драма в две действия (на немецкий язык сочинена от Х. и Х. Траудцена, а от греческият превод на болгарский язык преведена от Анаст. Стояновича Кипиловского оуруженца казанскаго)» (Лейпциг, 1844), «Стоян и Рада: стихотворение на Найден Геров» (Одесса, 1842), «Календарь за лето 1843. Списан от К. Огняновича» (Цариград, [1842]). «Календарь...» не представлен в каталоге Пашаевой, нет и экземпляра из библиотеки А.Д. Черткова со стихотворением Н. Герова.

Не сохранился в фондах Исторической библиотеки и экземпляр книги из Чертковского собрания «Зерцало или огледало христианское...» (М., 1844), которую перевели на болгарский язык монах Зоографского монастыря Нафанаил и его брат Захарий Княжеский. Не вызывает сомнения, что эту книгу Чертков подарил сам З. Княжеский, и запись ее выходных данных является последней на белых листах каталога 1845 г. З. Княжеский, закончивший курс в одесской духовной семинарии, принял русское подданство и приехал в Москву, чтобы в Синодальной типографии выучиться набору книг и по возвращении на родину «там водворить это полезное дело» [12. Д. 306. Л. 10]. Он был рекомендован Черткову Мурзакевичем как благонамеренный труженик, ревнитель славянства, добрый человек, поведения честного. Княжеский также хотел получить для болгарских училищ «несколько полных собраний всех учебных книг, употребляемых в наших гимназиях», для чего отправился в Петербург. Список книг ему помог составить Ю.Ф. Самарин, а А.Д. Чертков, бывший по делам в северной столице, ходатайствовал о содействии графа С.С. Уварова и через него вошел в сношения с графом Н.А. Протасовым, обер-прокурором Св. Синода, передав ему просьбы болгар о присылке в Константинополь, в русское консульство, русских церковных книг для продажи [12. Д. 296. Л. 52, 53; Д. 295. Л. 17]. С 1846 по 1852 г. из России было отправлено в Болгарию около 2 000 книг [25. С. 299].

В Исторической библиотеке имеется четыре экземпляра другой книги З. Княжеского «Введение в истории болгарских славян» (М., 1847), но все они не из

Чертковского собрания. С уверенностью можно утверждать, что эта работа Княжеского не могла не попасть в книжный шкаф Чертковской библиотеки.

Коллекция А.Д. Черткова содержала значительное количество географических карт, атласов, видов городов России, монастырей, портретов, костюмов и т.п., которые должны были быть описаны в особом каталоге, как предполагал собиратель, но который так и не увидел свет. В этом собрании была бы представлена «препорядочная карта» Болгарии, изданная в Страсбурге «одним болгаринном» в 1843 г., которую Мурзакевич отправил Черткову и Бодянскому в 1845 г. Причем, первая посылка с этой картой в Одессу «с кораблем погибла в декабре у устья Дунайского». Мурзакевич писал 12 февраля 1845 г. Черткову: «Жду другой уже сухопутной присылки и тотчас представлю эту прелюбопытную новость» [12. Д. 306. Л. 278об.].

Нельзя не упомянуть и список «Истории славяноболгарской» Паисия Хиландарского, получивший название Чертковского или Московского списка. В 1844 г. он был снят по заказу Мурзакевича специально для Черткова с Жеравненского списка, привезенного для В. Априлова из Жеравны. В 1838 г. этот список был найден у некоего Димитра, бывшего там учителем, Анастасом Дукьяди, который выполнял поручение Априлова по поиску «драгоценных рукописей» [26. С. 118]. На белом листе каталога 1845 г. между страницами 430 и 431 Чертков записал полууставом полное название «Истории славяноболгарской». После чего приписал: «В конце приложены статьи: 1) о сербских царях; 2) об учителях словенских; 3) имена святых болгарских» [27. С. 309–322].

В собрании Черткова находится пергаменная рукопись XV в. «Молитвослов краткий», написанная полууставом на болгарском языке [1. № 388. С. 95]. Правда, не ясно, как и когда она была доставлена в коллекцию.

Дальнейший книжный состав болгарской коллекции А.Д. Черткова восстанавливается по каталогу Пашаевой. В 1852 г. вышла в свет книга «Райна, българска царкѣиния» (СПб., 1852), перевод на болгарский язык повести А.Ф. Вельтмана «Райна, королевна болгарская» (М., 1843), сделанный Еленой Мутевой (1829–1854), первой болгарской поэтессой, переводчицей и фольклористкой. Важно, что многие взгляды Черткова на походы киевского князя Святослава на Балканы нашли отражение в художественной версии Вельмана, которая благодаря этому переводу, многократно переиздававшемуся, пользовалась огромной популярностью в среде болгарской эмиграции и в самой Болгарии во второй половине XIX в. (см. [28]).

В библиотеку Черткова поступил труд Н. Герова «Българский речник» (СПб., 1856), на авантитуле которого имеется запись: «Библиотеке [Чертко]ва от автора» [19. С. 15. № 35].

Из каталога Пашаевой еще два издания можно с уверенностью отнести к болгарской коллекции, которую держал в руках А.Д. Чертков. Это «Список за Болгарските книги които са издадени до сега» (Цареград, 1852), автором которого являлся Шопов Иван Васильев, и болгарская грамматика, составленная Антоном Цанковым вместе с Драганом Цанковым Кирияковым – «Grammatik der bulgarischen Sprache» von A. und D. Sankof (Wien, 1852). Последнюю книгу Чертков мог сам приобрести в Вене, куда он неоднократно ездил в 1850-х годах, или она могла быть доставлена из Вены книготорговцем Венедиктом, специализировавшимся на продаже славянских книг [5. С. 102].

Таким образом, в болгарской коллекции А.Д. Черткова насчитывается примерно 30 названий болгарских изданий. Приходится констатировать, что в Исторической библиотеке не сохранились или не были переданы в 1938 г. многие болгарские книги из книжного фонда Чертковской библиотеки. Представленный нами список болгарских книг первой половины XIX в. также не является полным. Но наличие болгарских изданий в библиотеке московского историка убедительно свидетельствует о развивавшемся процессе «взаимопознания»

русских и болгар, о достаточной интенсивности книгообмена. Каждая книга болгарского автора в коллекции Черткова имеет свою историю и является подтверждением расширявшихся культурных отношений между представителями двух народов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шульгина Э.В., Черниловская М.М. Описание рукописей собрания Черткова. Новосибирск, 1986.
2. Розанов И.Н. Как создавалась государственная библиотека при Историческом музее. Исторический очерк. М., 1937.
3. Разманова Н.А. Из истории книжной коллекции А.Д. Черткова // К 50-летию ГПИБ. Сокровищница книги: Юбилейный сборник научных трудов ГПИБ. М., 1988. Ч. 1.
4. Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 450. Оп. 1. Д. 17. Л. 1003об.
5. Чертков А.Д. Всеобщая библиотека России. Второе прибавление. М., 1845. (ОИК ГПИБР. Инв. № 20050)
6. Шамрай Д.Д. К истории цензурного режима Екатерины II // XVIII век. Л., 1958. Сб. 3.
7. Шамрай Д.Д. Об издателях первого частного русского журнала (по материалам архива Кадетского корпуса) // XVIII в. М.; Л., 1935. Сб. 1.
8. Чертков А.Д. Дорожные дневники / Перевод и публикация Ф.А. Петрова // Очерки по истории Отдела нумизматики. Нумизматический сборник. М., 1993. Вып. 83. Ч. XII.
9. Аделунг Ф. Предложение об учреждении Русского национального музея // Сын отечества. 1817. Ч. 37.
10. Чертков А.Д. Всеобщая библиотека России. М., 1838.
11. Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб., 1994.
12. Отдел письменных источников Государственного исторического музея. Ф. 445.
13. Достян И.С. Българите в руската литература и периодичен печат през първите десетилетия на XIX в. // Българското възраждане и Русия. София, 1981.
14. Венедиктов Г.К. Първа страница в историята на изучаването на българския език от руски ученици // Българското възраждане и Русия. София, 1981.
15. Кеппен П.И. О первопечатных словенских книгах // Материалы для истории просвещения в России, собираемые П. Кеппеном. СПб., 1825. № 26.
16. Кеппен П. И. Уведомления // Материалы для истории просвещения... 1825. № 39.
17. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 49. Кар. П. Д. 23. Л. 1.
18. Без подписи. Рец. на кн. О переводе Манасииной летописи на словенский язык... А.Д. Черткова // Отечественные записки. 1843. Т. 26. № 1. Отд. VI.
19. Пашаева Н.М. Славянская книга эпохи национального возрождения (конец XVIII в. – 1878 г.) в фондах ГПИБ России. Болгария, Галичина, Закарпатье, Буковина, лужицкие сербы, Словения, Хорватия. М., 2012.
20. Маркова З. Българското църковно-национално движение до Кримската война. София, 1976.
21. Бусилин Г.И. Письмо Георгия Илиевича Бусилина от 10.V.1843 г. настоятелю Карловского училища // Известия на Архивния институт на Българската академия на науките. 1959. Кн. II.
22. bookslavica.livejournal.com>32269.html
23. Фотинов К. Любословие. 1844. Декември.
24. Стоянов М. Българска възрожденска книжнина. София, 1957. Т. 1.
25. История на България. София, 1985. Т. 5.
26. Раковский Г.С. Няколко речи о Асеню Първому, великому царю българскому, и сину му Асеню Второму. Белград, 1860.
27. Фролова М.М. Чертковский (Московский) список «Истории славяно-болгарской» Паисия Хилендарского // Славянский альманах. 2012. М., 2013.
28. Фролова М.М. Повесть А.Ф. Вельтмана «Райна, королевна болгарская» в контексте русско-болгарских отношений в конце X в. // Россия – Болгария: векторы взаимопонимания. XVIII–XXI вв. Российско-болгарские научные дискуссии. М., 2010.

Лексикон южнославянских литератур. М., 2012. 592 с.

Появление «Лексикона южнославянских литератур» стало ярким событием в славистике. До сих пор в России и других славянских странах не издавалось трудов подобного рода.

Публикация включает в себя статьи, освещающие творчество болгарских, боснийско-герцеговинских, македонских, сербских, словенских, хорватских, черногорских писателей, и статьи о литературных периодах, художественных течениях и направлениях. Широта обзора рассматриваемого материала не может не поражать своим масштабом – хронологически издание охватывает период от возникновения письменности и почти до наших дней. Впечатляет также этническое многообразие исследуемого материала. По сути «Лексикон» представляет собой своего рода историю южнославянских литератур, где на переднем плане оказываются персоналии писателей и литературные периоды и течения (от средневековой литературы до постмодернизма).

Выбор тем для теоретического освещения (реализм, модерн, модернизм, постмодернизм и т.п.) закономерен, так как освещены течения и направления, признанные наиболее значимыми в мировой литературе. Эти тенденции, несомненно, существенны и в литературах рассматриваемого этнокультурного региона. Концепция объединения в один «Лексикон» южнославянских литератур представляется удачной и обоснованной, поскольку она позволила отразить как центростремительные, так и центробежные процессы в литературах данного ареала.

«Лексикону» предшествовали выдающиеся коллективные труды по истории славянских литератур, изданные Институтом славяноведения РАН: История литератур западных и южных славян (М., 1997. Т. 1, 2; 2001. Т. 3), История литератур

Восточной Европы после Второй мировой войны (М., 1995. Т. 1; 2001. Т. 2), ставшие известными и востребованными в кругах славистов и прочих специалистов в области литературоведения и культурологии.

Большинство авторов глав, посвященных южнославянским литературам, продолжили в «Лексиконе» работу над темами, которые давно находились в центре их внимания. Данное издание уникально не только тем, что в нем фигурируют представители семи южнославянских литератур, некоторые из которых (боснийско-герцеговинская и черногорская) как отдельные явления практически не изучены, оно объединило как ученых главных славистических центров Москвы и Санкт-Петербурга (Института славяноведения РАН, Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Санкт-Петербургского государственного университета), так и славистов разных поколений, что, безусловно, способствовало стереоскопичности рассмотрения различных персоналий и направлений.

Значительную ценность представляет предисловие, написанное профессором, доктором филол. наук Г.Я. Ильиной, где не только осмыслены основные этапы истории развития южнославянских литератур, но и на высоком профессиональном уровне обосновывается концепция данного издания. Особый интерес вызывают ее размышления о «феномене билитературной (полилитературной) принадлежности творчества того или иного писателя» (с. 11).

Все статьи данного труда отличает как высокий профессионализм, так и индивидуальный подход к литературным явлениям. Очевидны научные достижения авторов книги, а также их потенциал. Несомненно, каждый из участников данного проекта смог бы написать серьезную на-

учную статью или даже монографию по творчеству избранных ими южнославянских писателей. Остается пожелать, чтобы издание было еще более обширным – периодически при чтении статей все-таки ощущается ограничение создателей труда количеством печатных знаков.

Перед авторами «Лексикона», безусловно, возникла проблема канона: какие из южнославянских писателей будут удостоены чести оказаться в справочном издании. Как следует из предисловия, в «Лексиконе» рассматриваются «наиболее значительные» и «значимые» представители семи южнославянских литератур (с. 13).

Можно выразить сожаление, что в профессионально написанном предисловии не проблематизируется это понятие «значительности» и «значимости». Ведь в последнее время в гуманитарных науках все большее внимание привлекает проблема канона (в том числе литературного), являющегося во многом порождением властных дискурсов. С другой стороны, понятно, что у издания существуют определенные рамки, иначе «Лексикон» стал бы просто «необъятным» из-за включения в него всех писателей, творивших на данных языках. Однако представляется упущением, например, то, что в издании не уделено должного внимания известной хорватской писательнице Дубравке Угрешич (р. 1949), после распада Югославии покинувшей Хорватию, но продолжающей писать на хорватском языке. Ведь ее произведения (в отличие от сочинений многих непереуведенных авторов, которым в «Лексиконе» посвящены отдельные статьи) переведены на русский язык. Если российский читатель захочет о ней узнать, то в данной книге он, к сожалению, не найдет отдельной статьи, посвященной ее творчеству, хотя имя Угрешич два раза упоминается в статьях, посвященных модернизму и постмодернизму.

Данное издание содержит бесценные для славистов библиографические сведения. Важно, что каждую статью о писателе заключает краткая библиография. Размещенная в конце «Лексикона» избранная библиография учитывает новей-

шие публикации, что позволяет получить представление о развитии отечественной славистики. Эта библиография состоит из трех разделов: общие работы, включающие общеславянские истории литератур, а также истории отдельных или нескольких южнославянских литератур, специальные работы – монографии по отдельным темам на русском языке и на языке оригинала, антологии и сборники произведений южнославянских писателей на русском языке.

Хотелось бы подчеркнуть, что «Лексикон» имеет продуманную структуру. Пояснительный словарь, список сокращений и именной указатель значительно облегчают знакомство с материалом. Однако, возможно, для большей наглядности и простоты использования следовало бы разместить отдельно статьи общего плана, а отдельно – персоналии. Хотя в предисловии структура «Лексикона» оговаривается, однако все-таки справочная литература, к которой относится и данное издание, предполагает большую наглядность и структурированность.

«Лексикон» будет полезен не только литературоведам, историкам и культурологам, но и переводчикам, поскольку в данном издании дается название произведений в оригинале, а также его перевод (уже устоявшийся или выполненный автором статьи), что представляет собой большую ценность. Данное издание станет необходимым как преподавателям южнославянских литератур для подготовки семинаров и курсов лекций, так и студентам-славистам для написания курсовых и дипломных работ.

Радует также культура издания и дизайн – они отличаются высоким качеством.

В заключение хочется еще раз подчеркнуть уникальность данной публикации и выразить надежду, что в скором времени появится электронная версия «Лексикона». Возможно, электронное издание можно будет расширить за счет увеличения объема статей и привлечения писателей, не учтенных в опубликованной книге.

© 2013 г. А.Г. Бодрова

L. BUDAGOVÁ. O literatuře a kultuře: Texty pro Šramkovu Sobotku. Sobotka, 2012. 236 s.

Л. БУДАГОВА. О литературе и культуре. Тексты для Шрамковой Сobotки

Рецензируемый сборник, вышедший на чешском языке, стал итогом многолетней плодотворной научной и популяризаторской деятельности Л.Н. Будаговой, известной российской богемистки.

Небольшой городок Сobotка в 66 километрах от Праги, расположенный в живописной местности на северо-востоке Чехии, именуемой «Чешский рай», регионе, включенном в сеть европейских геопарков и охраняемый как заповедник, известен как родина Франи Шрамека (1877–1952). В творчестве Шрамека представлены все основные литературные жанры: поэзия, проза и драматургия. Центральное место, однако, принадлежит лирике, которая тематически определяет характер всего творчества писателя, а также стилистически его объединяет. Франя Шрадек принадлежал к межвоенному поколению. Он остро переживал трагедию Мюнхена, гибель чешских патриотов, черпал силу и веру в освобождении и любви к жизни, природе, людям. Это был тонкий лирик, поэт, стихам которого свойственна особая музыкальность, присущая народным песням. Это был прозаик, роман которого «Серебряный ветер» стал одним из лучших произведений чешского импрессионизма. Анархист и бунтарь, которого литературные историки до сих пор называют «Поэтом молодости», он родился и похоронен в Сobotке.

Начиная с 1957 г. в этом городке проходит фестиваль чешского языка, культуры и литературы, о чем Л.Н. Будагова подробно сообщала в публикации «Бурная жизнь тихой чешской провинции (“Шрамкова Сobotка”). Ее люди, история и современность» // Славянский альманах 2001. М., 2002). Организован был фестиваль усилиями вдовы Ф. Шрамека Милки Грдличковой-Шрамковой (1886–1958), а также его земляков и друзей. Первые годы он целиком посвящался его творчеству. Но постепенно круг обсуждаемых вопросов расширялся, в центре внимания оказывались самые различные аспекты культуры.

Шрадек таким образом стал «вдохновителем и добрым духом» фестиваля (s. 172). Л.Н. Будагова принимала участие в фестивале с 1977 г., пропустив лишь 2010 г. Она подготовила для него 12 лекций о литературе чешской и русской, о культурных и литературных взаимосвязях двух народов. В период «нормализации» Будагова стала, как отмечается в предисловии, «политическим талисманом» фестиваля, его неотъемлемой частью. Автор предисловия Ярослава Яначкова, известный чешский литературовед и издатель, пишет о том, что Будагова всегда была «нашей», т.е. чешской, несмотря на присутствие в соседнем городе Йичин гарнизона советской армии, «защищавшей в Чехии великодержавные интересы» (s. 9). Ее деятельность была примером настоящей и искренней дружбы, с годами все более укреплявшейся, несмотря на официально декларируемую вечную и нерушимую связь братских народов, вызывавшую в людях лишь неприятие и отторжение. Она стала «неподвижной звездой» (s. 10) Шрамковой Сobotки (т.е. звездой «истинной» в отличие от «блуждающей»), у нее в городе появились близкие друзья и почитатели, а сама Сobotка стала для нее вторым домом. «Вокруг улочек и площадей здесь создается интенсивное духовное пространство, и если фестиваль погаснет, это пространство сразу сократится [...] Рай в “Чешском Рае” – это Сobotка. Я проведу здесь райские дни», – пишет Л.Н. Будагова в одной из статей (s. 90).

В сборнике представлено 12 текстов («Слово о Шрамеке (Творчество Шрамека в интерпретации московской богемистки)»; «Вклад Витезслава Незвала в развитие языка чешской поэзии»; «Отношение чешского литературного авангарда к Советской России»; «Чешская литература в СССР»; «Франя Шрадек и Октябрьская революция»; «Отзвуки творчества Яна Амоса Коменского в России»; «Русская литература современности»; «Против течения (О культурной функции “Шрамковой

Соботки” и причинах ее жизнестойкости); «Культурная ситуация в современной России»; «Литература русской эмиграции в межвоенной Чехословакии»; «Телефонный разговор Брежнева с Дубчеком летом 1968 г. и его последствия для “Шрамковой Сobotки”»; «Карел Гинек Маха в России (восприятие, переводы, значение)». Во всех статьях, где идет речь о чешских писателях, исследовательница непременно проводит параллели с русской литературой, отмечает ее благотворное влияние, а также трепетное отношение к ней авторов из близкой славянской страны. Так, например, говоря о Шрамеке, Будагова напоминает о том, что русская литература была его большой любовью, Ф.М. Достоевский, И.С. Тургенев, Л.Н. Толстой, А.П. Чехов стали частью духовной жизни самого Шрамека и его героев. В частности, его «Серебряный ветер» имеет четкие ассоциации с проблематикой русской литературы XIX в., с драмой «лишнего человека». Для чешской культуры русофильство было традиционным. Не каждый русофил автоматически приветствовал и русскую революцию. Отношение к Советской России подробно рассматривается в статье о чешских авангардистах и поэтах различных поколений и эстетических взглядов – В. Незвале, С.К. Неймане, К. Томане, Й. Горе, И. Горежейши, где показывается, как менялась система воззрений и восприятия новой России. Особый блок статей – это представление чешскому обществу, читателям русской культуры. Статья «Современная русская культура» (1995 г.) является результатом глубоко личных переживаний и восприятия исследовательницы. В ней содержатся интересные сведения

обобщающего характера, характеризуется культурный контекст, в котором существовала русская литература в 1990-е годы, в частности, например, деятельность популярных журналистов Д. Холодова, В. Листьева, интерес русского зрителя к заграничным сериалам, служившим «антидепрессивным средством» в непростые годы политических и экономических потрясений. В целом можно сказать, все статьи носят отпечаток личности самой исследовательницы, ее особого проникновенного отношения к чешской культуре, уважения к культуре собственной. Недаром в справочной статье историка и архивариуса Яна Билека, входящего в состав организаторов «Шрамковых Соботок», подробно информирующей о творческом пути исследовательницы, говорится, что «верная себе, одна из наиболее выразительных личностей российской богемистики не скрывает своей эмоциональности, увлеченности, заинтересованности, симпатии, став добровольным посланцем чешской культуры в столице одной из самых великих стран мира» (s. 204).

Сборник содержит две статьи о фестивале с описанием его специфики, значения, московское приветствие Соботке по случаю 500-летия присуждения ей статуса города. Имеется приложение с фотографиями и документами, связанными с историей публикаций. Издание, представившее впервые все тексты в одном сборнике, несомненно представляет интерес для филологов-богемистов, историков, всех, кому не безразлична чешская культура и ее глубокая связь с культурой русской.

© 2013 г. *И.А. Герчикова*

Славяноведение, № 6

Н.В. Гоголь и славянские литературы. М., 2012. 597 с.

Аполлон Григорьев как-то написал фразу «Пушкин – это наше все!». Вслед за автором знаменитой «Цыганской венгерки» я могу тоже сказать «Гоголь – это наше все!». Да и не только я, наша русская литература, независимо от цвета государственного флага, не мыслится без «Шинели» Гоголя-Яновского! Бессмертные «Мертвые души» стали бродячим сюжетом. Назову только два имени и их гениальные

поделки: М.А.. Булгаков «Похождения Чичикова», С.Р. Минцлов «За мертвыми душами».

Гений всегда интернационален по форме и национален по содержанию. Николай Васильевича можно назвать художником, палитра произведений которого всегда разноцветна. Именно эта разноцветность, разнообразность дарований позволяла считать его своим и царскую Россию и

СССР, а сейчас и то, что от него осталось, т.е. РФ. В то же время, схожесть времени, характеров, чувств, ситуаций, особенно комического, – все это обуславливало популярность Гоголя в славянских странах, где жадно стремились познать Россию, ее бытие, обыграть типичность сюжетов.

В 1902 г. в Вене на празднике всеславянского чествования Николая Васильевича председатель студенческого болгарского общества М. Тодоров говорил, что комедии «Ревизор» и «Женитьба» были одними из самых посещаемых [1]. Впрочем, эти похвальные речи звучали с небольшими вариациями и у представителей молодежи из других славянских стран.

И все же можно и нужно в очередной раз задаться вопросом, в чем заключается популярность странного Гоголя?

Обычно акцентируют внимание на разнотипности его творчества, в котором есть мягкая лирика, сатира пополам с иронией, замешанными на своем восприятии русской действительности, душеполезная проза, холодные картины Северной Пальмиры, чудный деревенский быт с колдовством, ведьмами и прочей нечистой силой, комедия ошибок, веризм, трагедия чувств, славянский штимунг, «маленький» человек, грядущий «Хам», всего не перечислишь. Сюда еще можно добавить приписываемый ему антисемитизм, столь ярко выраженный в «Тарасе Бульбе». При этом забывается, что там речь идет не от автора, а рассказчика. Хотя, из отрицания за Гоголем юдофобства сам антисемитизм не уничтожишь.

В 2009 г. мир праздновал двухсотлетие со дня рождения «поэта в прозе». Наш славянский институт откликнулся мощной международной конференцией, статьи ее участников вошли в рецензируемую книгу. 45 текстов, объединенных личностью, творчеством, восприятием Гоголя и его произведений в славянских странах являю многочисленные венок русскому гению.

Книга разделена на два раздела: первый посвящен жизни и творчеству Гоголя, второй – восприятию Гоголя в славянских литературах.

Предшествует текстам вступление Л.Н. Будаговой, ответственного редактора книги. В сжатой форме в нем представлен трудный портрет творчества Н.В. Гоголя, его востребованность в славянской среде, в России. Недаром ее текст озаглавлен «Перечитывая Гоголя и Белинского. Вместо предисловия». Именно такой прием позволил автору поделиться своими размышлениями, что весьма редко для «пре-

дисловий», и, главное, побудить к ним читателя, имеющего свою сумму знаний о Гоголе. Хотя бы на тему любви к России, когда, с одной стороны, писателем признается «бесполезность всего» [2] им напечатанного, а с другой – проповедь любви к Родине.

Именно дискуссионность многих положений в представленных в книге статей закономерна для исследований феномена под названием «Гоголь», и в то же время в текстах нет «революционного» прочтения, всегда одностороннего. И слава Богу, что прошло то время, когда портрет русского гения можно было увидеть на помойке с большим красным носом.

Я упомянул слово «дискуссионность», рожденную из права частной ли, национальной ли, государственной ли собственности не только на предметы материальные, но и на творчество. Достаточно вспомнить Гомера и спор о его месте рождения.

Кому же принадлежит Гоголь: России или Украине? Вопрос был бы наивен, даже глуп, если бы он время от времени не всплывал на страницах изданий, особенно в праздник на украинской земле в связи с 200-летием рождения Гоголя. Там можно было встретить утверждения, что он принадлежит Украине. Точнее, он русский или украинский гений? А.В. Липатов в своей статье «Универсальное и национальное. Казус Гоголя» представил интереснейшую картину состояния и пути разрешения этой сложнейшей «проблемы».

Сюда добавлю, что для некоторых творчество Гоголя на русском языке без строк о свободной Украине и ненависти к самодержавию уже может быть причиной иного отношения по сравнению с Шевченко, памятники которому я видел в славянской Праге.

«Коготок увяз, всей птичке пропасть». Именно эта пословица пришла мне на ум, когда начал читать статью В.В. Мочаловой о славянской теме у Гоголя, в частности о русской и украинской культуре. Иначе говоря, «туман опять начал сгущаться» вокруг вопроса о национальной составляющей его творчества. Положение спасла аксиома о многогранности таланта, о «русском духе с украинским акцентом», который дышит, где хочет. Очень интересная «история с географией».

Есть в разделе и «история с этнографией» (автор Л.А. Софронова), проще говоря, о «чужих» – «цыганах», «жидах», «ляхах», «татарве», «немцах», вплоть до «москаля», и «своих» («казацкого рыцарства»).

«Чужие» всегда интереснее «своих». Меня привлекла эта статья концентрированным выражением вражеской силы. Ее художественное восприятие у Гоголя автором статьи подано четко, без пропусков. Можно ли сказать, что писатель был националистом? Вопрос некорректен: тогда в России не было графы «национальность» в документах. И все же рискну сказать «да»: Гоголь был православным националистом. Смешно?! Но это так.

Далее. Через своих персонажей он явил тип православного украинского крестьянина и его мировоззрение, недоверие, отторжение «чужого» – обычаяв, веры, стиля жизни. Собственно говоря, Гоголь представил «почву» – малороссийскую ли, русскую ли. А «почва» – это все!

В разделе присутствуют и статьи, в которых есть много свежего, нового, содействующего приращению нашего знания о Гоголе, и не только, например исследование А.Л. Хорошкевич о сочинении Гийома Левассера де Боплана «Описание Украины» (1651 г.), послужившее одним из источников для «Тараса Бульбы». Автор дарит читателю не только массу интереснейших сведений о том времени, но и предлагает свою историю создания повести, связанную с полонофобией, этнотерминологией, с романтизмом той эпохи. Но авторское заключение о нецелесообразности включения «Тараса Бульбы» в школьный курс мне решительно не нравится. В советские времена его читали школьники, равно как и ваш покорный слуга, но какого-либо взрыва неприязни, отторжения не было к тем же полякам (скорее у них к москалям) (о евреях сложнее, так как антисемитизм родился раньше).

Творчество гения всегда являет собой увлекательнейшее путешествие, возможность увидеть способность автора преобразить слово, придать ему пластичность, воздушность, наделить волшебными свойствами изменять свою форму и назначение. Именно с этими свойствами таланта Гоголя связана статья Л.Н. Будаговой о нем как провозвестнике литературного авангарда.

Любой текст, прозаический или стихотворный, несет в себе знание, нужную или ненужную информацию. Так же и с Гоголем, только с одним небольшим допущением. Проза – да. Стихи – был неудачный опыт. Остается песня. Именно сюжету, связанному с украинскими народными песнями, посвящена статья И.Р. Монаховой. Там речь идет опять о «почве», о том, что народная песня – животворящий

источник слова, а это прекрасно понимал русский гений и украшал ими свое творчество. Благодаря поискам автора, читатель может найти немало интересного и о Гоголе – собирателе малороссийских народных песен, и о не оставившей его любви к песенному народному творчеству.

Второй раздел по объему далеко превосходит первый, что представляется логичным, учитывая, что там представлено восприятие русского гения и его произведений на Украине (спасибо за «на»), в Белоруссии, Польше, Чехии, Словакии, Болгарии, Сербии и Хорватии, в Словении и Македонии. Конечно, наибольший интерес у меня вызывали статьи, связанные с родиной Гоголя, и, по известным причинам, – с Польшей. Первая, представленная А.В. Колесник, подтвердила наличие спора: чей Гоголь – русский или украинский гений. Судя по тому, что его творчество изучается в высших учебных заведениях в курсе «зарубежная литература», ответ ясен и грустен. Вторая, написанная Е.В. Цыбенко, рисует польского Гоголя, интерес польского общества к его произведениям, думается, без «Тараса Бульбы». Весьма подробно обрисован интерес польских писателей, назову здесь имя Юзефа Игнация Крашевского. Затронутая в статье тема романа и Гоголя в качестве романиста мне несколько неясна, поскольку, как мне представляется, у русского гения произведений такого жанра нет. Видимо, у В.Г. Беллинского, утверждавшего, что с Гоголя берет начало русский роман, было несколько иное определение этого жанра, нежели обычно. Сентиментальные романы m-m Стефани Жанлис и «Мертвые души» совершенно различны, равно как и произведения великого англичанина Ч. Диккенса и творения великого Гоголя. Прилагательные типа «плутовской» или «социальный» только путают понятие «романа», всегда увязанного с чувством, с любовью.

И, разумеется, бесспорным украшением является статья В.А. Хорева о «Тарасе Бульбе» в Польше. Написанная отличным языком и на великолепном материале, статья позволяет не только высветить различные точки зрения на это творение Гоголя, но и рождает вопрос: Гоголь реалист, историк или сказочник? Его Тарас – «миф или мистификация?». Острота этой темы несколько смягчена литературоведческим посылом, «отвлекающим маневром», о влиянии «жесточкого» творчества Гоголя на роман Генрика Сенкевича «Огнем и мечом».

Гений всегда таит в себе, своем творчестве некую загадку для исследователей. Особенно ревностным иногда удается даже найти новые страницы его творчества и тем самым дать жизнь новым литературоведческим разысканиям. Так, Ю.А. Лабунцев и Л.Л. Щавинская посвятили свою работу «“Гоголевской молитве” в народных литературах восточных славян». Приписываемое перу Гоголя это произведение детально рассматривается авторами, рисуется картина его распространения по Руси, предлагая читателю познакомиться с ее текстами. Статья небольшая по объему, но оставляет впечатление цельности, стройности, доказательности.

Разумеется, далеко не все мои впечатления изложены здесь. В сборнике присутствует ряд других статей, интересных, разнообразных, обогащающих наше знание о Гоголе в славянстве. Представленное мною здесь всего лишь эскиз, малая толика того, что можно сказать об этом замечательном труде и его авторах, заслуживающих искренней благодарности. Полная картина за вами, читатель.

Но не этим пассажем я хочу закончить свою неформальную рецензию.

Обычно рецензенты «ищут блох». Я тоже нашел одну. В статье Б. Косановича

«Н.В. Гоголь на сербской сцене» назван русский режиссер Яков Осипович, но в действительности, сербы, как обычно, приняли отчество за фамилию. На основании расследования З.Т. Ивановича, сообщаю: его фамилия – Шувалов, да и та фальшивая (см. [3]). Принявший другую фамилию, записавший себя в «мертвые души», он занимался тем, что «ставил жизнь на сцене».

И еще: немного о России. Может возникнуть наивный вопрос: разве Россия не славянская страна? Почему нет статьи о России Гоголя? Ответ, как мне представляется, чрезвычайно прост – «мы говорим Гоголь, подразумеваем Россию!». И вся книга, особенно первая часть, связана с ней. А Россия – «это наше все».

© 2013 г. В.И. Косик

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Славянский век. Вена, 1902. № 39–40. С. 407.
2. *Гоголь Н.В.* Выбранные места из переписки с друзьями. ПСС. В 8-и т. М., 1913. Т. VIII. С. 5.
3. *Косик В.И.* Русские краски на балканской папире. Художественное творчество русских на Балканах (конец XIX – начало XXI века). М., 2010. С. 130.

Славяноведение, № 6

František Švantner. Život a dielo. Bratislava, 2012. 200 s. *Франтишек Швантнер. Жизнь и творчество*

Книга, подготовленная в Институте словацкой литературы Словацкой академии наук, представляет собой сборник статей интернационального коллектива авторов из Словакии, Чехии, Германии, Болгарии, Испании. Его основой стали материалы международной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения выдающегося словацкого писателя, чьи произведения вошли в золотой фонд национальной и европейской литературы.

Франтишек Швантнер (1912–1950), автор рассказов, новелл, романов (в переводе на русский язык изданы книги Ф. Швантнера – роман «Жизнь без конца» (1970) и сборник «Избранное» (1984), куда вошли рассказы писателя и повесть «Невеста

гор»)), относится к числу прозаиков, традиционно рассматриваемых в русле «натуризма» – течения в словацкой литературе 1930–1940-х годов, имевшего как несомненную схожесть с неоромантическими явлениями в литературах своего времени (французский «регионализм» и др.), так и неповторимые национальные черты, выразившиеся в художественной трансформации народной мифологии, фантазийной образности, антропоморфизме природных стихий. «Натуризм, – подчеркивал О. Чепан в монографии, посвященной этому течению, – отдавал предпочтение бунтарству [...] поэтически иррациональным сторонам фольклорной символики, фантастики и мифических архетипов»

[1. С. 130]. Вместе с тем сложное и многоплановое творчество Ф. Швантнера не укладывается лишь в эти литературные рамки; его идейно-философские основы требуют более детального подхода и к самим произведениям, и к эволюции эстетических взглядов писателя. Проблематика творчества Ф. Швантнера отражена в целом ряде исследований словацких (О. Чепан, Я. Штевчек, Я. Кузмикова, М. Шутовец и др.), а также российских ученых (А.Г. Машкова, Ю.В. Богданов). «О нем написано немало, – отмечает А.Г. Машкова, – многие исследователи пытались расшифровать тайну его произведений. Однако каждое новое прочтение его книг лишь ставило новые вопросы» [2. С. 224].

Это подтверждает и рассматриваемая нами книга, выход которой был приурочен к юбилею писателя. В предисловии к изданию составитель Я. Кузмикова, вкратце охарактеризовав этапы творчества и основные произведения Ф. Швантнера, подчеркивает их многозначность, соединение в них основ «народной словесности с положениями психоанализа и современной ему философии добра и зла» (с. 8), что наряду с другими не менее важными вопросами дает исследователям богатые возможности для их анализа и интерпретации.

Статьи расположены в сборнике по принципу проблемных узлов, в которых преобладает тот или иной аспект рассмотрения материала. Так, в основе статей М. Соучковой и Я. Кузмиковой лежат онтологические проблемы, преломляющиеся в произведениях писателя. При этом проблему амбивалентности добра и зла М. Соучкова анализирует с точки зрения поэтики, на примере конкретных литературных персонажей. Я. Кузмикову в большей степени интересуют философские, когнитивные аспекты «феномена человеческого сознания и различных его состояний и видов» как «главной проблемы творческой деятельности» Швантнера (с. 33), порой, на наш взгляд, несколько прямолинейно связываемой с современными ему естественно-научными и философскими теориями.

Круг проблематики, касающейся художественного своеобразие творчество Ф. Швантнера, весьма широк и не исчерпывается, разумеется, проблемами, представленными в данной книге. Однако авторам сборника удалось поставить и убедитель-

но раскрыть в своих статьях целый ряд интересных как общих, так и более частных вопросов поэтики произведений писателя. Это, например, «поэтика ужаса», связываемая с традициями европейской готической литературы и словацкого фольклора, с противопоставлением сознательного и подсознательного (Р. Майерек). Специфический мотив «вибрации крови», кровной мести в одном из ранних рассказов Швантнера детально анализирует К.С. Алегре. В сопоставительном плане – сравнивая рассказы Ф. Швантнера и Й. Йовкова – рассматривает способы воплощения образа «человека во время войны» Д. Иванова. Композиционные особенности рассказа «Священник» как «христианизированного мифа» И. Гайдучекова определяет с помощью семиотического инструментария, выделяя акустические и оноματοпоэтические эффекты. Семантику и функциональность имен собственных анализирует на примере персонажей романа Швантнера «Жизнь без конца» П. Одалош.

Четыре статьи сборника объединяет проблематика художественного перевода и восприятия произведений писателя в иноязычной среде. Это работа Л. Рихтера о месте в немецком литературном контексте переведенных в разное время рассказов Швантнера и три статьи, авторы которых – Л. Спирка, М. Папез и М. Бучек – рассматривают с разных точек зрения переводы произведений писателя на польский язык.

Несомненным достоинством такого рода изданий является представленный в конце книги библиографический и иллюстративный материал, дающий зримое представление об этом ярком и самобытном писателе. При очевидной пестроте авторских подходов и предпочтений, оправданной самим жанром данной публикации, сборник статей «Франтишек Швантнер. Жизнь и творчество», несомненно послужит ценным вкладом в изучение не только «натуризма», представителем которого он является, но и в целом словацкой литературы XX в.

© 2013 г. Л.Ф. Широкова

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Čepan O. Kontúry naturizmu. Bratislava, 1977.
2. Словацкая литература: XX век. Уч. пособие. М., 2003. Ч. II.

Х. ХОЛИОЛЧЕВ, М. МЛАДЕНОВ, Л. РАДЕВА. Българска семейно-родова лексика. Енциклопедичен речник. София, 2012. 775 с., 48 карт.

Х. ХОЛИОЛЧЕВ, М. МЛАДЕНОВ, Л. РАДЕВА. Болгарская семейно-родовая лексика. Энциклопедический словарь

Рецензируемый словарь – фундаментальный труд, имеющий свою долгую предысторию. Он посвящен памяти выдающегося болгарского диалектолога Стойко Стойкова (1912–1969), который более полувека тому назад составил специальные вопросники для изучения народной терминологии родства. Эти вопросники использовались впоследствии при сборе материала для Болгарского диалектного атласа. Номенклатура родства представляет исключительный интерес не только для лингвистов (лексикологов, диалектологов, этимологов), но и для этнографов, изучающих систему родственных отношений в социуме, поэтому были созданы и специальные вопросники для этнографов, занимавшихся региональными исследованиями. Наконец, лексика родства собиралась на территории Болгарии и по программе Лингвистического атласа Европы. Весь этот богатый полевой материал, дополненный сведениями из опубликованных лингвистических и этнографических трудов, лег в основу комплексного этнодиалектного атласа, который был составлен в начале 1980-х годов диалектологами М. Младеновым, Л. Раевой и Х. Холиолчевым при участии этнографов И. Георгиевой и Д. Московской и подготовлен к изданию под названием «Болгарский этнографический атлас. Родственные отношения у болгар (Ч. I: Карты. Ч. II: Статьи. Комментарии. Указатели)». Однако этот труд так и не был издан из-за финансовых трудностей и других неблагоприятных обстоятельств, а впоследствии этому помешал уход из жизни двух из трех основных авторов – М. Младенова в 1992 г. и Л. Раевой в 1997 г.

Изданный в 2012 г. энциклопедический словарь болгарской терминологии родства составлен Х. Холиолчевым на основе материалов, собранных для атласа. Но атлас и словарь – это разные научные жанры, и новый труд не мог быть создан путем механической трансформации атласа в словарь. Он потребовал тщательной лексико-

графической обработки огромного корпуса диалектных слов и вместе с тем должен был сохранить экстралингвистическую информацию о самих отношениях родства, о функциях отдельных лиц в общей системе родства, о роли разных признаков (возрастных, социальных, гендерных) в иерархии и аксиологии родства. Выбор жанра энциклопедического словаря позволил сохранить изначальный комплексный (этнодиалектный) характер задуманного издания. По богатству лексического материала, тщательности его обработки и экстралингвистической интерпретации рецензируемый словарь не имеет аналогов в славистике. Он решает несколько важнейших задач: 1) представляет во всей полноте корпус болгарской диалектной лексики родства; 2) дает формальную и семантическую характеристику каждого термина; 3) указывает ареал распространения каждого термина и его вариантов; 4) приводит сведения о происхождении терминов; 5) приводит характерные словосочетания, в которые входит термин; 6) дает необходимую этнографическую информацию о статусе обозначаемых лиц в системе родственных отношений, их обрядовых ролях и содержании связанных с ними обрядов и ритуальных действий. Иначе говоря, этот труд сочетает в себе характерные признаки толкового, диалектного, этимологического и этнографического словарей.

В словаре представлена не только номенклатура родства (кровного родства и брачного свойства), т.е. названия лиц по их родственному статусу и отношениям, но и разнообразная иная терминология, имеющая отношения к половозрастному, социальному и семейному статусу людей, а также к ритуальной стороне родственных связей (заключению и расторжению этих связей), их оценке и т.д. При этом терминология **кровного родства и свойства** описывается экономной цифровой формулой, в которой нечетные числа первого десятка обозначают лиц мужского пола: 1 отец, 3

брат, 5 сын, 7 муж, 9 кум, а четные – лиц женского пола: 2 мать, 4 сестра, 6 дочь, 8 жена; прочие персонажи обозначаются сочетанием простых цифр, например, *внук* кодируется числом 55 (если это сын сына) или 56 (если это сын дочери), *свекърва* (свекровь) – 27, *чичо* (брат отца) – 31, *леля* (жена брата отца) – 831 и т.д.

Очень ценны приводимые в словаре сведения о формах обращения, поскольку они часто отличаются от обычных номинаций и образуют особую систему имен в функциональном, словообразовательном, стилистическом и даже магическом отношении, а некоторые имена употребительны только в функции обращения, например, *Живко!* или *Здравко!* как обращения к младшему брату супруга или *Куле!*, *Ма!*, *Майма!*, *Моле!*, *Баче!* как обращения к матери, *Бабане!*, *Бале!*, *Боле!*, *Теле!* – обращения к отцу, *Бебе!*, *Бебу!* – к старшему брату, *Невне!* – к жене брата, *Олум!* – к сыну, *Пакти!* – к супругу, *Рано!* – к маленькому ребенку и т.п.

Важной особенностью болгарской системы родства, объединяющей ее с другими южнославянскими (балканскими) системами и отличающей от иных систем, например от русской, является особая релевантность **возрастного** признака. По этому признаку выделяются старшие братья и сестры, что отражает статус этих лиц в общесемейной иерархии. Например, специальным термином обозначается **старшая сестра** (*аба*, *абла*, *банка*, *була*, *буля*, *дада*, *дедя*, *дода*, *зезя*, *када*, *кака*, *леля*, *ляля*, *няня*, *цейка*, *цеца*, *чеча* и др.), **старший брат** (*аго*, *аджо*, *адыо*, *апо*, *бае*, *байко*, *байно*, *байо*, *бако*, *бальо*, *банко*, *бата*, *батко*, *батьо*, *баце*, *бачо*, *бебо*, *браино*, *бранан*, *лала*, *лалко*, *нано*, *нене*, *ненко* и др.), **жена старшего брата мужа** (*аба*, *неца* и др.) и т.п. Ср. также *господин* ‘старший брат мужа’, *господица* ‘старшая сестра мужа’, отражающие высокую оценку этих персонажей. С другой стороны, и младшие братья и сестры могут составлять особую категорию номинаций с положительной эмоциональной оценкой. Ср., например, названия **младшей сестры мужа**: *върбинка*, *гиздовка*, *денница*, *дуница*, *дунка*, *дуня*, *звезданка*, *калина*, *карамфила*, *китица*, *кральица*, *круша*, *лелинка*, *леличка*, *лелче*, *малина*, *невенка*, *пауница*, *перуника*, *писарка*, *севдалина*, *седефка*, *сестрица*, *сестриче*, *соколица*, *трендафила*, *трънчица*, *търница*, *хубавенка*, *хубавица*, *хубавка*, *ябълка*, *яворка*, *ягодица*, *ягодка*. Эта группу отличают специфические мотивационные модели (растительные и зоо-

логические метафоры) и стилистические признаки (уменьшительно-ласкательные суффиксы). Ср. еще «благопожелательные» названия **младшего брата мужа**: *веселин*, *деверче*, *драгинко*, *дренко*, *младен сокол*, *хубавенко* и т.п. Признак возраста существен и для номинации **неженатого мужчины**: для молодого парня это *девесил*, *дevesник*, *девоаяк*, *ерген*, *ергенин*, *кошуляр*, *младок* и т.п., для старого холостяка – *заходляк*, *заходник*, *кореш* и т.п.

Характерная для народной номенклатурной лексики родства **многозначность** служит не только важной лингвистической характеристикой, но и значимым показателем с точки зрения этнографии. Одинаковая номинация лиц с разным родственным статусом (разной «формулой» родства) может свидетельствовать о нерелевантности или утрате релевантности того или иного родственного признака, о перенесении номинаций с одного лица на другое, о тождестве их обрядовых ролей и т.п. Ср. многозначность слов *башаца*: 1) старший брат, 2) муж; *буля*: 1) старшая сестра, 2) старшая сестра мужа, 3) жена брата, 4) жена старшего брата, 5) жена брата отца, 6) жена старшего брата мужа, 7) жена брата жены; *кака*: 1) старшая сестра, 2) старшая дочь брата или сестры отца, 3) старшая сестра мужа, 4) жена старшего брата, 5) жена старшего брата мужа, 5) жена старшего брата жены; *калеко*: 1) муж сестры или старшей сестры, 2) муж сестры отца, 3) муж сестры матери, 4) муж старшей сестры мужа. В ряде случаев термин сочетает в себе значения номенклатурное (собственно родственное) и ритуальное, ср. *калина*: 1) младшая сестра мужа, 2) обрядовое лицо – незамужняя сестра или племянница жениха, что проливает свет на ролевую структуру ритуала заключения брака. Особенно важным показателем может служить регулярная многозначность, т.е. повторяемость сочетаний тех или иных значений в разных терминах (например, ‘старшая сестра’ и ‘старшая сестра мужа’).

Богатая лексика, содержащаяся в словаре, может стать в будущем основой для изучения междиалектной **синонимии** в сфере терминологии родства – это позволит более строго описать характерные для данной лексики мотивационные модели номинации, что в свою очередь чрезвычайно важно для этимологических исследований. В самом словаре отсылки к синонимичным терминам дают непоследовательно, что вполне объяснимо соображениями объема. В принципе словарь содержит

все необходимые данные для построения «обратного» по отношению к лексическому – **идеографического** словаря родства (или словаря междиалектных синонимов), в котором термины были бы объединены по их семантике и функции, например были бы собраны вместе все наименования **мачехи** (*аналък, витрига, макея, мача, мачева, машкеа, маичека, маичиха, мацаджийка, мацейка, мацека, мацера, мацеха, митрия, мъшка, парамайка, парамана, пастрица, повторница, помайка, помайчевица, помайчима*); **неженатого парня** (*бандиль, войно, девесил, девесник, девояк, ерген, ергенин, ергенак, левент, лефтер, мажкулче, младеж, младина, младич, младия, младок, момак, момец, момчак, момчеу, момък, мъжкар, мъжко, мъжурко, хайдамак, хлапак*); наименования **жены-хозяйки** (*беридомка, берокукница, въртодомница, въртокъцница, домакия, домашарка, домница, домовница, зейка, къцница, къцтоберница, къцовница, къцодомница, приносница, стопанка*); **молодой жены** (*нифа, нифица и др.*); **ребенка до крещения** (*голка, голче, голчо, гушле, гушльо, джоле, дуда, еврейче, железко, кежо, кенда, кошуляк, кушле, кържо, лехудле, малечко, малинка, мушо, некръст, некръстче, пижо, пужа, пужо, пурде, пуше, пушла, пушльо, пъшла, пъшльо, сурко, цуранка, цуранчо, цуре, цурко, цурче, цурво, чипа, чора, чупка, шуле, шулко, шулько, шульо, шушулко*); **последнего ребенка в семье** (*безимче, газнетар, дородок, задникар, изадак, изродок, изтрасляк, изтресало, изтришак, изтришче, изтръсак, мизильник, мизимка, мизинец, мизла, мизльо, мизуль, мизульник, потърсак, сетнак, сетначе, ситнак, сръчо, стръсок*); названия **приданого или выкупа** (*бащина, вено, деднина, дом, зестра, коници, майчиния, матернина, матерница, мираз, мъжовина, правдина, прид, придав, придан, прикия, руба, чеиз и др.*) и т.п. Подобные ряды междиалектных синонимов дают большие возможности для изучения как лингвистических особенностей лексики родства (словообразования, семантики, моделей номинации, этимологии, стилистики), так и стоящих за ними социальных, психологических, оценочных и иных отношений, институтов и концептов.

Кроме номенклатуры родства (названий лиц в системе родственных отношений), в словаре получает толкование также лексика, характеризующая **ритуальные роли** участников свадебного и других обрядов, оформляющих заключение родственных связей (таких, как сватовство, помолвка,

свадьба, венчание, усыновление, побра- тимство, крещение и т.п.) или их прекра- щение (развод, вдовство, сиротство и т.п.). Это очень большая группа названий как самих «объектов» ритуала – *палежник, го- денки* ‘жених (до свадьбы, обрученный)’, *младук* ‘молодой (на свадьбе и некоторое время после нее)’, *кумец* ‘мужчина по отношению к своим свадебным кумам’, *мла- денци* ‘жених и невеста во время свадь- бы, молодожены’, так и его «субъектов», т.е. исполнителей и участников – *бат* ‘кум’; *воскумак* ‘помощник или замести- тель кума на свадьбе’; *поддевер* ‘шафер или помощник шафера’; *калитато* ‘сви- детель на свадьбе’; *запъжник, войвода, главезжар, дворник, девосноб* ‘сват’, *кали- мана* ‘жена кума’; *калитата* ‘кум’; *гозел* ‘обрядовое лицо на свадьбе, старший брат жениха’; *кръстници* ‘обрядовые лица на свадьбе, супруги кум и кума’; *кумашин, кумбар* ‘кум на свадьбе’; *къньо, мамуш, нун* ‘кум’; *нуна* ‘кума’; *огледници* ‘сва- ты’; *подкум* ‘помощник кума на свадьбе’; *просец, сговорник, слубар, снобник* ‘сват’; *старейко, старойко* ‘главный распоряди- тель свадьбы, старший сват’ и т.п.

Учтены в словаре и названия лиц по их возрастному статусу и семейному положению. Особенным богатством и разнообра- зием отличаются имена **маленьких детей**, насчитывающие многие десятки слов раз- личных мотивационных и словообразова- тельных моделей: *бебе, беслеме, бизальче, бизеля, бозайник, бозалак, гавая, дечинка, дечко, джавджже, джагуре, джоле, доил- че, доле, дородок, доче, доялче, дребнина, дребоськ, дребусак, дургун, дъртавичка, дъртавче, живяк, живалче, жуволче, жи- виле, живуле, живулче, зародок, изпорче, копелче, копил, кошулко, кошуляк, кърмач, леонарче, максъмче, малеко, малко, малу- ле, младе, младунче, млекарче, мъненко мъничко, мънко, нане, нипче, отроче, пеле- наче, пеленак, пешкеиш, повяк, повивче, повяк, додойник, подояк, поризче, пръкло, пулько, рушо, пуряк, пурляк, търле, разви- валче, рожба, рожда, рулче, салма, сиса- че, сукарник, сукалче, хлапе, цукарче, цоце, цунчо, цицайче, цицалче, цунчо и др.*

Интересно использование в термино- логии родства эмоционально окрашенных номинаций с положительной оценкой – в основном это названия «объектов» любви (возлюбленных и супругов), образован- ные от общеславянских корней с семанти- кой любви: *галежник, галеник, драговник, заполица, изгор, изгора, ищовница, либе, люба, любезник, любна, любница, миломъ-*

жа, палемник, палемница, петимник, прѣпала, прѣвнило, севда и т.п.

В словарь включена также богатая лексика, называющая сами **обряды и обрядовые акты** (*главитба, годѣж, запит, оглав, оглед, отсек, пиене, прѣстен, след, сговор, тѣкмеж* и т.п.), и соответствующая глагольная лексика, обозначающая **ритуальные действия** (*братувам, венчам, прислѣдя/прислѣдвам, кумувам, кумя, осиновявам, побратявам, покерчам, разгодявам, сватувам, улавявам, удумам* и т.п.).

Из **общих понятий**, связанных с отношениями и институтами родства, в словаре содержатся термины, называющие состояние человека по его семейному положению (*ергенство* ‘о неженатых мужчинах’, *бездетие, вдовство, детинство, момство* ‘девичество’, *сирачество* ‘сиротство’, *многодетност, многоженство, многобрачие* и т.п.), названия, определяющие родственные отношения (*братство, кумство, сватовство, дюрщина* ‘свойство’, *еднокръвнина* ‘отношение, связывающее детей одного отца, но разных матерей’), имена общих понятий и правовых институтов родства (*брак, породица* ‘семья, род’, *майчинство* ‘материнство’, *народица* ‘родство’) и т.п.

Общая терминология родственных связей и **названия рода, родственного союза** отличаются специфическими способами номинации, использующими анатомические и растительные образы: *влака, гиня, джинс, дом, жила, жилка, коляно, корен, коренда, кръв, кръвнина, лоза, ошур, пасмина, плзмина, повлака, повлек, повлекло, повой, порода, породие, породица, потекло, пояс, род, рода, семселе, сой, *сърдоболя, тайфа* и т.п. Большинство такого рода номинаций носит древний характер и отражает представления о «биологической» природе человеческого рода и категории родства [1–2]. К сожалению, в этих статьях скудно представлены текстовые иллюстрации.

Большой интерес представляет продуктивная в разговорном языке модель образования имен со значением принадлежности к родственной группе, семье, роду путем субстантивации притяжательных **местоимений**: *моите, моето, твоите, твоето, нашите, нашата, вашият, вашата, вашите, неговити, неговата, неговото, неговият, нейното, нейните, нейният, нимната, нимните, нихната, нихните, темните, темната, техният, тяхната, своите, своен, своетина, свояк, своетина, своите*. Ср. (о детях): *Вашието е по-голямо от нашето,*

кога е родено? (о родственниках) *Прекарахме два дни у вашите на село*. Подобная номинация известна и в русском разговорном языке (ср. *мой, твой, ваш, наши, ваши* и т.д. по отношению к мужу, жене, детям и другим родственникам), хотя она не столь регулярна, как в болгарском.

Рецензируемый том содержит в качестве приложения картографические иллюстрации, по существу небольшой атлас. Это 48 карт, показывающих распространение на территории Болгарии нескольких базовых терминов родства: названий отца, образованных от корней *тат(ъ)-, тет(ъ)-, тят(ъ)-; тай-/тей-; баб-/боб-/буб-*; неродного отца (*отчув, отчух, пасторок, бабалък, окев/оков, парататко, побацим, повторник, втори/повторен баца*); деда (*дедо, дядо*), свекрови и свекра (*пехер/пехера, свекър/свекърва, дядо/баба*), тещи и тещи (*тѣст, тѣца*), матери (*ана, майра, майча, мана, маня, мата, матя, маच्या, мая, нана, нина, няня, нока*), мачехи (см. выше). Четыре карты посвящены названиям старшего брата: 1) *бата, бате, бати, бато, батьо*; 2) *бае, бая, байо, баче* и т.п. 3) *баце, бацко, баше, бацко*; 4) *лала, лали, лалко, нана, нанко, нене* и т.п. Три карты составлены для названий дяди: брата отца (*чича, стрико, титьо* и др.), старшего брата отца (*старико, старко* и т.п.) и брата матери (*уйко/вуйко, уйчо/вуйчо*). На других картах представлены ареалы названий брата мужа, младшего брата мужа, брата жены, старшей сестры, тетки – сестры отца и сестры матери, сестры мужа, младшей сестры мужа, последнего ребенка в семье, грудного ребенка, ребенка-сироты, племянников, внука, дочери, внучки, некоторых персонажей свадебного обряда – кума, кумы, сватов и др. Многие из картографированных терминов (групп терминов) обнаруживают достаточно четкие ареалы на болгарской территории.

В приложении дается также список из 70 карт, включенных в неопубликованный «Болгарский этнографический атлас. Родственные отношения у болгар». София. ЕИМ. 1982.

Изучение терминологии родства имеет большое значение для языкознания (диалектологии, этимологии), этнолингвистики и этнографии (анализ системы родства, структуры семьи, родственных и социальных отношений), в особенности в исторической перспективе. Категории родства в славянских языках и культурах посвящена огромная литература, как лингвистическая, так и этнографическая и этнолингвистическая, см., в частности, [3–13], а

также соответствующие статьи в словаре [14]. Рецензируемый энциклопедический словарь болгарской терминологии родства становится в ряд важнейших источников для изучения категории родства у славян в самых разных аспектах.

© 2013 г. С.М. Толстая

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бјелетић М.* Од девет брата крв (фитоними и термини сродства) // Кодови словенских култура. Београд, 1996. Бр. 1.
2. *Бјелетић М.* Кост кости (делови тела као ознаке сродства) // Кодови словенских култура. Београд, 1999. Бр. 4.
3. *Трубачев О.Н.* История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя. М., 1959.
4. *Исаченко А.В.* Индоевропейская и славянская терминология родства // *Isačenko A.V.* Opera selecta. München, 1984.
5. *Лавровский П.А.* Коренное значение в названиях родства у славян. М., 2005.
6. *Бурячок А.А.* Назви спорідненості і свояцтва в українській мові. Київ, 1961.
7. *Szymczak M.* Nazwy stopni pokrewieństwa i powinowactwa rodzinnego w historii i dialektach języka polskiego. Warszawa, 1966.
8. *Radłowski M.* Stosunki rodzinne i społeczne u Drzewian połabskich w świetle szczątków ich języka // *Studia z filologii polskiej i słowiańskiej.* Warszawa, 1958. Т. 3.
9. *Šaur V.* Etymologie slovanských příbuzenských termínů. Praha, 1975.
10. *Švecová S.* Příbuzenská terminológia na Slovensku // *Slovenský národopis.* Bratislava, 1980. № 28.
11. *Tanocki F.* Rječnik rodbinskih naziva. Osijek, 1983.
12. *Ракић П.* Терминологија сродства у Срба. Етно-антрополошки проблеми. Београд, 1991.
13. *Zawistowicz-Adamska K.* Systemy krewniacze na Słowiańszczyźnie w ich historyczno-społecznym uwarunkowaniu. Wrocław, 1971.
14. Категория родства в языке и культуре / Отв. ред. С.М. Толстая. М., 2009.
15. Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под общей ред. Н.И. Толстого. М., 1995–2012. Т. 1–5.

Славяноведение, № 6

О.О. МИКИТЕНКО. Балканослов'янський текст поховального оплакування: прагматика, семантика, етнопоетика. Київ, 2010. 424 с.

О.О. МИКИТЕНКО. Балканославянский текст похоронного оплакивания: прагматика, семантика, этнопоэтика

Современная фольклористика обогатилась новым интересным исследованием в области славистической компаративистики, посвященным сравнительному анализу болгарских, македонских, сербских и черногорских похоронных плачей – жанру, который относится к числу наиболее «закрытых» и трудно фиксируемых специалистами в экспедиционных условиях. Автор книги – О.О. Микитенко, известный украинский фольклорист, давно и успешно разрабатывающий проблематику, связанную с важнейшими антропологическими категориями и понятиями: жизнь–смерть, посмертное существование души, почитание умерших предков. В научных трудах этого автора привлекает методика широкоохватного комплексного изучения разножанровых явлений традиционной культуры, относящихся к похоро-

нам и поминкам по умершим (имеются в виду ритуалы и обычаи, сопровождающие смерть человека, связанные с ними запреты и нормативные предписания, народная терминология оплакивания, мифологические представления о душе и загробном мире, вербальные стереотипы и т.п.), т.е. похоронные плачи рассматриваются как вербальный код сложно организованного погребального обряда. Кроме того, в поле зрения исследователя постоянно остается ареальный аспект изучения традиционного оплакивания умерших. В таком ключе была выполнена первая крупная работа О.О. Микитенко – «Сербські голосіння: поетичний та історико-географічний аналіз» (Київ, 1992).

Новый труд этого автора посвящен широкому кругу сходных проблем. В нем предпринимается попытка проанализи-

ровать в семиотическом ключе сам текст ритуального оплакивания; изучить функциональную направленность, условия бытования и прагматику фольклорных похоронных плачей балканославянской традиции; выявить мифологическую семантику фольклорных мотивов голошений, определить в них роль главных смысловых единиц семантического поля «смерти»; проследить региональную специфику этих текстов внутри балканской фольклорной общности, связанную с этническими и конфессиональными особенностями. Но главной задачей рецензируемой работы является выявление устойчивых этнопоэтических констант, присущих жанру балканославянских похоронных плачей. Поскольку сами тексты обрядовых голошений – как об этом пишет автор – характеризуются, с одной стороны, высокой степенью архаичности и традиционности, а с другой – ярко выраженной импровизационной исполнительской практикой, они являются ценным материалом для исследования проблемы соотношения устойчивых (константных) моделей, характерных для жанра плачей в целом, и вариативных элементов, связанных с описанием индивидуальных особенностей личности умершего и обстоятельств конкретного случая смерти. Если учитывать авторство текста голошения, повод к исполнению, место и время действия, то похоронный плач – это импровизированный, одномоментный по условиям бытования текст, однако он создается в рамках строго заданных традицией структурных и содержательных моделей. Именно эти закономерности воссоздания стереотипных текстовых моделей в плачах на разных их уровнях (концептуально-семантическом, композиционно-стилистическом и грамматико-синтаксическом) и пытается раскрыть О.О. Микитенко в своем новом исследовании.

Структура книги определяется стремлением автора обозначить этнические особенности обычая похоронного оплакивания на Балканах. Кроме вступительной и заключительной части, в нее включены четыре главы, посвященные болгарской (первая глава), македонской (вторая глава), сербской и черногорской (третья глава) традиции ритуального голошения, а также проблеме сравнительного изучения поэтических особенностей балканославянского и украинского оплакивания (четвертая глава). Тематическое членение первых трех глав связано с рассмотрением однотипных вопросов, касающихся народной

терминологии оплакивания в каждой из балканославянских этнических традиций, а также прагматики обряда и вербальных текстов, региональной их специфики. Почти половину объема всего издания занимает «Указатель этнопоэтических констант плачей», в котором представлены наиболее устойчивые текстовые модели, характерные для болгарских, македонских, а также сербских и черногорских ритуальных плачей.

Ключевой термин *константа* используется автором для определения содержательных и стилистически оформленных текстовых клише, сопоставимых с такими принятыми в фольклористике понятиями, как *loci communes*, *topos* либо «поэтическая формула». Однако он относится не только к формально-структурному и художественно-поэтическому уровню текста, но и к его содержательно-смысловой основе. Например, в качестве универсальных содержательных констант выступают в балканских плачах мотивы «дальней дороги», в которую отправляется умерший, «невозвратного пути», «переселения в вечный дом без окон, без дверей». Показательным для балканской картины мира оказывается образ «черной земли» как локуса посмертного пребывания покойника, где ему приходится соседствовать с «черной змеей». Весьма заметную роль в балканославянских плачах играет тема преждевременной смерти молодых людей, которые умерли до вступления в брак, а также мотив, представляющий похороны как символическую свадьбу. К особенностям поэтического языка жанра балканских похоронных причитаний автор относит такие художественные приемы, как: интродуктивные конструкции, представленные в виде традиционных обращений к умершему, формул глорификации в адрес покойника, адресованных ему риторических вопросов (куда он уходит, на кого оставляет родных, кто теперь будет выполнять его привычную работу и т.п.); упреки и жалобы на то, что умерший осиротил детей, покинул свою семью, что не отзывается на оклики близких, закрыл глаза, сомкнул уста, скрестил руки; призывы встать, открыть глаза, заговорить; мольбы к Богу покарать виновника смерти; просьбы передать приветы всем ранее умершим родственникам; приглашение приходить в поминальные дни в гости и ряд других. Такого рода тематические, композиционно-структурные и художественно-стилистические модели репрезентируют универсальные жанровые особенности плачей и служат основой для

импровизации при создании индивидуальных причитаний.

Ценной стороной исследования является удачно реализованная попытка проанализировать тексты плачей с точки зрения их прагматики и коммуникативных характеристик, т.е. подробно рассматривается весь комплекс акциональных, ритуальных и ментальных стереотипов, сопутствующих оплакиванию: кто именно может (либо не может) исполнять тексты, когда и где, с какими ограничениями и предписаниями, в какой интонационной манере, в какие моменты похоронного и поминального обряда, с какой целью и т.п. В книге представлены многочисленные данные, показывающие, что во многих областях Южной Славии обряд причитания по умершим – все еще живая традиция, и что сами плачи продолжают сохранять изначально присущую им ритуально-магическую функцию. У болгар Добруджы считалось, что никем не оплаканный покойник может стать вампиром. Особенно обязательным и длительным было оплакивание умершей неженатой молодежи, тогда как глубоких стариков и грудных детей можно было хоронить без причитаний. Повсеместно (где известен этот ритуал) отмечается запрет голосить в ночное время, упоминать в текстах плачей имена живых людей (родственников и знакомых умершего). Согласно массовым свидетельствам, носителями традиции похоронных плачей выступали преимущественно женщины из числа родственниц умершего; мужской обрядовый плач (*лелек*) зафиксирован лишь в отдельных черногорских и западносербских областях. Запрет участвовать в оплакивании покойника относится к беременным женщинам, девушкам до определенного возраста, часто и к матери умершего ребенка-первенца.

Целый ряд интересных функциональных особенностей плачей автору удается раскрыть на основе анализа диалектной лексики, относящейся к ритуальному оплакиванию. Например, в болгарской народной терминологии актуализируются значения 'плакать' (*плачене*), 'причитать' (*нареждане*), 'припевать' (*припяване*); в ней отражается степень интенсивности плача: дневное громкое оплакивание определяется термином *уреване* (от глагола 'реветь'), а о вечернем исполнении плача говорили – *мърманиче*, т.е. плакальщица «тихо бормочет». В некоторых западноболгарских терминах отмечается семантика «окликания» или

«призывания» покойника: об исполнительнице плача говорили, что она *вика, овикува* умершего. Для македонской и сербско-черногорской традиции характерно обозначение причитания как 'плача-горевания, плача-жалобы': макед. *тажсачки*, серб. *тужбалици*. В ряде локальных названий плачей (р-ны Воеводины) отражается либо вокальная (*запевка, жалопојка*), либо вербальная (*нарицаљка*) манера их исполнения. У населения южных р-нов Сербии известны термины *кукање* или *лелекање* (от глаголов со значением 'голосить, стонать, вопить'). Обрядовое, поэтически оформленное голошение носит в некоторых регионах Хорватии название *jukanje*, тогда как спонтанное выражение скорби в виде индивидуального плача называется просто *плач*.

В задачи исследователя входит, с одной стороны, выявление черт балканославянской общности в обряде похоронного оплакивания, а с другой – описание местных специфических отличий. Поэтому большое внимание автор уделяет региональным особенностям текстов плачей и сопутствующих ритуальных форм в рамках каждой из рассматриваемых этнических традиций. Так, в болгарских родопских плачах встречается редкий мотив (имеющий параллели с белорусскими причитаниями), основанный на противопоставлении весеннего пробуждения природы, когда «все живое выходит из земли», и безжизненности темного подземного мира, куда в это же время (если похороны происходят весной) уходит оплакиваемый умерший; ср.: болгар. «[...] и пролягну й бре душло, сичку от земя излиза, ти щеш фъф земя да идеш» (с. 50) и белорус. «[...] вясніца прыходзя, усе пташчакі, усе мурашчакі, усе ажываюць, а я сваю мамачку у зямельку кладу» (Пахаванні, памінкі, галашэнні. Мінск, 1986. С. 229). В южных областях Македонии (регион Мариово) зафиксирован обычай, при котором невестасирота накануне своей свадьбы ходит на могилу родителей и в плачах приглашает их прийти на ее свадьбу (ритуал, широко известный в севернорусской свадьбе). Значимым для македонских плачей оказывается мотив «смерть родственника на чужбине»: родные скорбят по поводу того, что они не могут надлежащим образом проводить умершего на тот свет (не присутствовали при его кончине, не обмыли его тело, не попрощались с ним, не оплакали, а теперь не могут навещать его могилу и т.п.).

Автор убедительно показывает, что художественно-поэтические особенности

локальных вариантов балканославянских причитаний определяются фольклорной традицией, которая характерна для того или иного региона. Например, одна из особенностей македонских плачей – приземленное «бытописание» (имеются в виду упоминания конкретных реалий из жизни умершего, причин и подробностей его смерти, внутрисемейных связей и т.п.). Тогда как стилистика сербских и черногорских *тужбалиц* заметно сближается с лиро-эпической песенной традицией, с приемами героизации и глорификации, призванной прославить покойника (подробно проанализирована, например, формула «бессилия плакальщицы должным образом описать неисчислимые достоинства умершего»).

Четвертая глава книги посвящена сравнительному анализу поэтических особенностей украинских и балканославянских текстов похоронного оплакивания. Такое сравнительное изучение очень полезно для изучения общеславянских фольклорных связей. Однако эта глава выпадает из общей структуры системного описания балканских плачей, так как тематика ее внутренних разделов носит характер случайной выборки. Рассматриваются, например: вопросы цветового кода украинских и южнославянских причитаний; мотив «похорон-свадьбы», зафиксированный в обрядах и фольклоре той и другой региональной традиции; поэтические особенности цикла плачей по детям. В результате

становится очевидным, что исследование грешит избытком однотипных повторов. Так, об особенностях оплакивания неженатой молодежи и о проявлениях концепта «смерти-свадьбы» говорится почти в одних и тех же выражениях во всех трех главах (посвященных болгарским, македонским и сербско-черногорским плачам), во всех разделах четвертой главы: при рассмотрении цветового кода (мотив «женитьба умершего с черной землей»), в разделах об украинской «печальной свадьбе» и о поэтических приемах оплакивания умерших детей.

К несомненным достоинствам рецензируемого труда следует отнести составленный на основе анализа более чем полутора тысяч текстов «Указатель этнопоэтических констант похоронных плачей», который дает представление о наиболее устойчивых содержательных и художественно-поэтических формулах, характерных для каждой из балканославянских плачевых традиций (всего установлено автором 104 такие константы). Для будущих исследователей жанра причитаний он послужит надежной базой при дальнейшем изучении плачей в рамках славистической компаративистики.

© 2013 г. Л.Н. Виноградова

Работа выполнена в рамках проекта по гранту РГНФ 12-04-00267-а «Славянская народная аксиология (Оценка и ценности в языке и народной культуре)».

Славяноведение, № 6

Spomenica Valtazara Bogišića o stogodišnjici smrti, 24. apr. 2008. godine. Beograd, 2011. Kn. 1. 674 c.; Kn. 2. 696 c.

Памяти Валтазара Богичича. К 100-летию со дня смерти (24 апреля 2008 г.). Kn. 1, 2.

Рецензируемое издание представляет собой сборник, посвященный столетию со дня смерти Бальтазара (Валтазара) Богичича (1834–1908), – этнического хорвата, этнографа и исследователя южнославянского обычного права, юриста, социолога права и историка, профессора Одесского университета в 1869–1870 гг., министра юстиции Черногории в 1893–1899 гг. Последователь исторической школы права и основатель европейской этнографии пра-

ва, совмещавший учение немецкой школы Савиньи и британской школы Мэна, Богичич был автором большого числа фундаментальных и экспериментальных трудов, из которых выделяются «О значении собиранья обычаев народного права у славян» (1866) и программа-вопросник по собиранью полевого материала по славянскому праву «Правовые обычаи у славян» (1867). Программа состояла из 352 разделов, включавших вопросы по семейному,

наследственному праву, праву собственности, договорному и общественному (процессуальному и пенитенциарному) праву и др. Собранные материалы были опубликованы в книге «Собрание современных обычаев права у южных славян. Материал в ответах из различных областей славянского юга» (1874), но результаты работы не удовлетворили Богишича, поскольку лакун было слишком много и в особенности в материалах с территории Европейской Турции. Богишич публиковал также и источники по истории права у южных славян (например Дубровницкий статут 1272 г.). По вопроснику Богишича работали и в России, в частности на Кавказе. Богишич был также автором гражданского кодекса Черногории и издателем фольклорных материалов.

Цель настоящей рецензии состоит не в том, чтобы оценить место сборника в общем и частном научном контексте сегодняшнего дня, а в том, чтобы дать заинтересованному читателю возможность ознакомиться с содержанием издания. Первая книга содержит часть 1 – «Работы о жизни и труде Богишича, а также об их общественном и научном контексте» и часть 2, раздел 1 – «Юридическо-догматические и иные работы с преимущественно правоведческим содержанием». Вторая книга открывается разделом 2 части 1. Далее следуют раздел 3 – «Работы о естественном праве и семье», раздел 4 – «Работы по фольклористике и языковедческие труды», Приложение «Письма Богишича Карлу Кадлецу» (составитель Г. Хаусманн), список авторов и резюме статей. В настоящей рецензии в соответствии с научной специализацией ее автора будут представлены разделы 3 и 4.

Раздел 3 открывает статья с. Богнар «Программа Валтазара Богишича по собиранию правовых обычаев: ее влияние в Венгрии». Богишич был в Европе, несомненно, первопроходцем в сфере изучения фольклорного права, а венгерские ученые внимательно следили за его работами. Под прямым влиянием Богишича Кароль Таганьи опубликовал в 1917 г. свою программу по собиранию материалов, а в 1922 г. книгу «Живые обычаи права и их собирание в Венгрии». Таганьи в течение всей жизни фиксировал сведения по праву у хорватов, сербов и боснийцев, в том числе о совместной собственности и *задруге*. Изучая, например, венецианский регистр 1551–1553 гг. со сведениями о семейном праве, отношении сеньора и вассала и другом у хорватского населения окрестностей Зада-

ра, он делал выводы о соотношении норм венгерского и традиционного славянского права (на котором южные славяне так упорно настаивали) на практике. Особое внимание он посвящал критическому изучению источников по истории права, собранных его предшественниками. В статье дается информативный критический обзор публикаций Таганьи (о регионе Нитра, об экономическом праве, по вопросам о «свободе» и «вассальной зависимости»), особое внимание посвящено докладу 1917 г. и книге 1919 г. «О собирании живых правовых обычаев» в Венгрии, где Таганьи помимо прочего проводит различие между традиционным правом и правовым обычаем. Его программа нашла лишь слабый отклик как у собирателей материала, так и в научной печати своего времени; архив Таганьи хранится в Венгерском национальном музее.

А. Доя представил статью «Традиционные законы, народная культура и социальные жизненные миры: албанистические штудии в критической перспективе». Одним из информантов Богишича был глава племени Кучи; он был знаком с жизнью племен Груда, Хоти и Кастрати, т.е. знал не только Герцеговину и Черногорию, но и Албанию. Материалы Богишича были опубликованы лишь в 1974 г. под названием «Обычаи права в Герцеговине, Черногории и Албании». По мнению автора статьи, исследование северной Албании в начале и конце XX в. способствовали появлению на свет научной литературы, которую можно охарактеризовать как «порождение чистого этноцентризма», а также как смесь «экзотизмов», «балканизмов» и ориентализмов с периферии Европы. Собирание «чистой» народной культуры, преимущественно описательное, служило цели конструирования национальной специфики и отражало давно устаревшие воззрения на национальную культуру, вызывавшие к жизни культурный партикуляризм и детерминизм. Автор считает, что целью культурологического исследования должно стать постижение албанской культурной логики, источником для изучения которой является, например, «Канун Леки Дукаджина», изданный Штефаном Гчевым. Базовой категорией этой логики является, в частности, «кровное родство». Далее в статье подвергаются критике Эдит Дарэм, которая «нашла» в Албании «страну живого прошлого», и Франц Нопча, участвовавший добровольцем в Первой мировой войне. Помимо прочего эти и другие европейцы открыли

тот факт, что для племенной жизни характерно отнюдь не беззаконие, а, напротив, гипертрофия законов. С другой стороны, албанские францисканцы трудились над формированием албанской самобытности и идентичности: там, где народное право демонстрировало вариативность, они устанавливали стандарт; их целью была не фиксация закона, а его установление, в чем они напеминают более поздних албанских коммунистов. Немецкоязычная албанистика начала XX в. архивировала (т.е. ориентализировала и балканизировала) албанцев, представляемых в качестве дикарей и героев одновременно. Далее автор рассматривает книгу М. Хаслак «Неписанные законы в Албании» (1954), классический труд по албанской этнографии, раскрывающий этнографическое разнообразие, а не «примитивность». В конце XX в. северная Албания привлекала ученых и искателей приключений, а ее образ был таким же, как и в начале века (ключевые слова – традиционное общество, основанное на родстве, свадебные обычаи, кровная месть, верования, гостеприимство и проч.), а взгляд западных авторов остался стереотипным. Хвалебно отзывается автор о диссертациях Д. Шугарман о песенном фольклоре албанцев преспанского региона и Ж. де Раппер о семье, обществе и коллективной идентичности в пограничном сообществе южной Албании. Интересно отметить, что работы российских албанистов совершенно выпали из поля зрения автора, который в заключение рассуждает об антропологии и этнографии, о различиях между академическими традициями. При всем критицизме статьи общие выводы и практические рекомендации (в частности, отказаться от разных «этноцентризмов») слабы, не оригинальны и не слишком перспективны.

К. Дончев публикует работу «Обычное право в болгарском селе от освобождения Болгарии от османского владычества (1878) до 50-х годов XX в.». Превращение обычая в обычное право (как компонент социально-нормативной культуры, регулирующий, например, землевладение, землепользование, нравственные нормы и имущественно-правовые отношения в семье, договорные отношения и др.) предполагает длительное функционирование первого и появление осознания его юридической обязательности, но не со стороны государства, а до государственной санкции на его применение (или толерирования) и до письменной фиксации. В отличие от предыдущего текста, в этой статье широко используется русская и со-

ветская литература. Первые научные сведения по болгарскому обычному праву (с особым вниманием к *задруге*) содержатся в Богишичевом сборнике, но ограничены районами Лясковец и Пазарджик. Последователем Богишича, переводчиком его программы и собирателем материалов в Болгарии был П. Оджаков, о деятельности которого и других болгарских этнографов (Ст. Бобчев, Д. Маринов, И. Гешов, М. Андреев, Ф. Милкова и др.) рассказывает далее автор. Статья представляет собой добротный, информативный обзор литературы (упомянута, например, книга Бобчева «Болгарская семейная задруга», 1907); приведены обобщения результатов многолетних исследований. Интересно, что в Болгарии обычное право было отброшено государством «и заменено письменным правом, реципированным у западноевропейских государств» (с. 211). В практической части статьи автор излагает результаты собственных исторических и полевых исследований обычного права в северозападной Болгарии (земельное, семейное, наследственное, договорное и вещевое, в частности регулирование водопоя, лесопользования), исследует соотношение сфер применения обычного и письменного права и отмечает уменьшение роли общины и главы семейства в регулировании отношений, но также и уменьшение степени физического насилия в семье.

З. Грубер представил статью «Задруга в Сербии во второй половине XIX в.», которая изобилует статистическим материалом, обработанным количественными и картографическими методами; автор приходит к неожиданному и отличающемуся от общепринятого мнения выводу о росте числа задруг в изучаемый им период.

К. Казер предложил вниманию читателей статью «Валтазар Богишич как исследователь семьи: черногорские структуры семьи во второй половине XIX в.». Сложность исторического изучения хозяйственных и семейных структур на Балканах вызвана тем, что поздно были начаты и очень мало проводилось переписей на уровне хозяйства; записи актов гражданского состояния велись плохо и не континуированно; на самих Балканах этим темам уделяют мало внимания. Черногория XIX в. представляет собой одно из таких «белых пятен». Автор статьи обнаружил в Богишичевой коллекции материал, на который ранее «не обращали внимания», а именно два списка хозяйств «племени» Байице из Катунской нахии (подгруппа «цетинян»), составленных до 1893 г. В первой части

статьи автор кратко излагает содержание своей работы «Семья и родство на Балканах» (1995). Согласно авторской концепции, модель черногорской семьи XIX в. опирается на принципы патрилинейности (все мужчины, восходящие к одному предку, образуют группу; имеет место ритуальное почитание мужских предков и линии кровного родства, а также символическое и практическое излишнее подчеркивание мужской стороны сообщества), патрилокальности (сыновья оставались в отцовском хозяйстве, в то время как дочерей выдавали замуж вовне) и равноправной передачи собственности между мужчинами при исключении женщин. Горные пастбища были в коллективной собственности племени, в то время как обрабатываемая земля на равнине была в собственности хозяйства (группы хозяйств). Более эффективными были большие пастушеские хозяйства, отсюда стремление сыновей не делить поголовье; тем не менее, рано или поздно деление имущества имело место, и весь цикл начинался сначала. Казер полагает, что такой тип семьи Богишич обобщил под термином «балканская семья», увязав воедино кровное родство и пастушеское хозяйство. Первый список хозяйств охватывает всех «байиц», а именно братства Мартиновичей (91 «дом», *кућа*), Бориловичей, Мусулимовичей и Дудовичан. Второй список перечисляет хозяйства Мартиновичей. Пример записи: *Кућа Перриже Мutowa домаћина, дјеца: Митар, Марко, Кућо, унучад: Перо, Стево, Нако, женска: Стане, Маје, Јоке, Торде*. Семейные роли и статус женщин в этом списке неясны. Обработав данные статистически, допустив наличие экономического кризиса в Черногории во второй половине XIX в. (треть черногорского населения была без земли, движимого имущества), упомянув неурожаи и межплеменные войны, Казер приходит к выводам о том, что несмотря на некоторые признаки «балканскости» черногорской семьи, ее структура упрощалась в направлении «ядерной семьи», что, однако, следует увязывать не с «модернизацией» черногорского общества, а со своего рода «демографией кризиса».

Д. Крстич опубликовал статью «Богишич как вдохновитель анкеты по правовым обычаям в XX в.», где сообщает о своей полевой работе у племен Кучи и Васоевичи в 1970-х годах. Здесь устное право («режим планине»), т.е. правила использования пастбищ применяются до сих пор с молчаливого согласия официальных властей.

А. Ндрец опубликовал работу «Изономия в албанском обычном праве». Начинает текст обсуждение соотношений норм римского, византийского (в частности, в его сербской версии) и албанского обычного права, зафиксированного в так называемом Кануне (кровная месть, личная свобода, «беса», прощение, отсутствие пыток и проч.). «Значение изономии состоит в том, что никто не имеет права совершать насилие и беспричинно убивать, не понесая за это заслуженного наказания» (с. 370). Обсуждается и актуальный для западного дискурса вопрос о правах женщин и роль «Кануна».

С.М. Толстая представила статью «Несколько русско-сербских параллелей из области народного правосудия». Автор исследует составную часть устной народной традиции, особый вид обычаев, норм и прочее традиционного общества, включая регламентацию таких ситуаций и отношений, которые не предусматриваются законами (вроде сохранения невестой девственности до свадьбы). При этом особенно интересна мифологическая подсистема, обнаруживающаяся в неписанных предписаниях и запретах. Рассматривается обычай привязывать на шею пойманного вора украденное им, наказания за несоблюдение земельных границ, различные доказательства виновности обвиняемого.

Раздел 4 открывает статья М.Е. Алексеева «О языковых особенностях лезгинского эпоса “Шарвили”».

Б.М. Атаев представил статью «Восточнокавказский языковой союз в историческом развитии: задачи и перспективы ареальных исследований». В центре внимания автора находится проблема этноязыкового взаимодействия на Кавказе. Взаимовлияния языков и внешние источники заимствования обусловили появление специфических черт на разных уровнях структуры, вследствие чего можно говорить о наличии нескольких языковых общностей, генетических и ареальных. Ведется дискуссия о доказанности родства кавказских языков в качестве одной семьи или о наличии здесь трех семей (абхазско-адыгской, картвельской, дагестанско-нахской), возможно, лишь образующих языковой союз. В статье отмечаются общевосточнокавказские черты, указывающие на локальный союз дагестанско-нахских, тюркских (кумыкский и азербайджанский) и индоевропейских (татский и осетинский) языков – богатство консонантизма, увулярные и ларингальные ряды согласных, признаки агглютинативного строя, вербоцентричес-

кая структура предложения, следы тюркского влияния (умягутированные гласные, развитие сингармонизма, личного спряжения и др.).

М.Х. Бессинджер в работе «Взаимосвязанные модели устных нарративов в южнославянской традиционной песне: компаративистское прочтение “Банович Страхиня”» после краткого изложения содержания песни о простившем жену-изменницу герою и напоминания об исключительности морального послыла именно этой песни во всем сербском эпосе сравнивает три южнославянских текста о «возвращении» (отъезд героя, разорение его дома, возвращение), отмечает вариативность заполнения «обязательных» структурных форм, размышляет о любви, верности и отмщении, дает свой более чем оригинальный вариант ответа на главный вопрос о мотивации поступка героя в тексте, записанном Караджичем: «Он понимает, что в какой-то степени в контексте предшествующих событий винить следует не его жену, а ее похитителя или даже его самого» (с. 462).

М. Бьелетич предложила вниманию читателей статью «Ni šetan ni savjetan», в которой анализируется вынесенный в заглавие черногорский фразеологизм, толкуемый в словаре говора Загарача как *недужан* ‘невинный’. На фоне фразеологизмов *ни сјетни, ни чесни* и *ни честан, ни вијестан* ‘невинный’, т.е. не участвовавший в инкриминируемом деянии ни советом, ни делом (участием), реконструируется история и внутренняя форма фразеологизма, который, возможно, функционировал в качестве формульной клятвы в судебном процессе.

М. Бурич представила в сборнике статью «Правовая терминология в Богишичевом своде законов». В обширном тексте дается словообразовательно-семантический анализ правовых терминов (одночленных и многочленных) как составной части Богишичева языка, в основе своей «литературного языка своего времени с широкими влияниями диалектных элементов старочерногорской диалектной зоны и кроатизмов, появление которых объясняется происхождением автора» (с. 474). Среди одночленных терминов наиболее многочисленны (53,04 %) такие, которые образованы по суффиксальным словообразовательным моделям (-ник: *братственик, губитник, стечник, обдареник*; -а: *доцња, глоба, презалог*; -нулевой суффикс: *подлог, уступ*; -ац: *нашалац*; -ина: *најмовина*; -ица: *главница, одужница*;

-је: рукодаће; -ак; -тель; -ба и др.), затем следуют префиксальные модели, субстантивация, немотивированные слова (*кућа, дуг, дар, закон*), заимствования, обычно имеющие славянские синонимы, тюркизмы вроде *ортаклук ~ удружење, кесим ~ непогиб, затт ~ судска забрана, аманет ~ остава, кирија ~ закуп*, латинизмы вроде *акција*, итальянизмы вроде *ризик ~ опасность штете, комун ~ племенска заједница* и др. По выводу автора, язык свода законов соответствует типу применяемой коммуникации. Л. Делич опубликовал в сборнике статью «Особенность бугарштитц: рефлексы рыцарской этики и этикета». Исследования этого вида народной поэзии возможно, помимо прочего, благодаря изданию Божишичем народных песен из старых, преимущественно приморских, записей 1878 г. Автор статьи говорит об отражении в бугарштитцах доминанции феодалной иерархии и соответствующей системы общественных норм (церемониальное приветствие, отношения рыцаря и короля, слуги и господина, рыцарский поединок, мотив обручения перед битвой), что отличает этот тип многосложных песен от сербской десятисложной эпикки.

В статье Л. Илиевой «Нет, поскольку “грешно перед богом и стыдно перед людьми”». Нравственный императив в болгарской традиции подчеркивается связь творчества Божишича с немецкой школой Савиньи с ее положением о праве как о продукте *Volksggeist*-а, обращается внимание на связь обычного права и песенной фольклорной традиции. Илиева ищет в песенном фольклоре основную правовую норму традиционного болгарского общества, содержащую вынесенные в заглавие статьи понятия, по мнению автора, этимологически связанные с понятиями «горение, жар» и «холод». В болгарском фольклоре, в частности, фиксируется осуждение норм заключения брака, а закон понимается как письменная норма, источником которой являются евангелия, а носителями монастыри. Понятия «Бог» и «Господь» в европейском фольклоре имеют архаичные дохристианские коннотации, но в болгарском фольклоре таковых мало. Автор приходит к заключению, что фольклор демонстрирует христианский характер морали, которой руководствуется болгарин.

В целом можно сказать, что сборник содержит публикации высокого уровня, очень информативен, характеризуется широкой общебалканской географической

перспективой, научным и историческим спектром, отражающими как интересы самого Богишича, так и ход развития исследовательской работы в соответствующих областях в наше время, в том числе и на основе собранных самим Богишичем материалов. Труды его по достоинству оценены потомками и служат великолепной материальной основой для актуальных исследований. Для начинающего слависта или балканиста (филолога, фольклориста, этнографа, историка народного права и др.) рецензируемые разделы книги могут послужить превосходным введением в актуальную проблематику этих научных дисциплин, снабженным необходимым

библиографическим и архивным аппаратом.

Книга завершается списком авторов с указанием их места работы, а также резюме статей. Редакторская и корректорская работа выполнены на хорошем уровне, но в статье Л. Илиевой, к несчастью, довольно много опечаток вроде *трафиция* вместо *традиция*, *концетиране* вместо *концептиране* и др. Качество полиграфии и общая культура издания превосходны. Все авторы сборника и Лука Бренеселович как его редактор должны принять от читателей искренние поздравления с успешной и профессионально выполненной работой.

© 2013 г. А.Н. Соболев

Славяноведение, № 6

Ю. ЯНЧАРКОВА. Историк искусства Николай Львович Окунев (1885–1949). Жизненный путь и научное наследие (Heidelberg Publikationen zur Slavistik. B. Literaturwissenschaftliche Reihe. Band 37). Frankfurt am Main; Berlin; Bern, 2012. 320 с.

В престижной серии книжных изданий «Гейдельбергские публикации по славистике» на русском языке вышла работа русской исследовательницы Юлии Янчарковой, живущей в Праге и работающей в Славянском институте Академии наук Чешской Республики. Книга посвящена жизни и научной деятельности Н.Л. Окунева (1885–1949) – крупного русского искусствоведа, в полной мере раскрывшего свой талант в эмиграции, в Праге в 1920–1930-е годы, где он стал видной фигурой научной жизни не только в среде русских эмигрантов, но и среди чешских ученых. Двумя главными темами его трудов были средневековые фрески и храмы Сербии и Македонии и искусство русской эмиграции. В книге акцент делается на его средневековых штудиях, охватывавших в молодости, когда он жил в России, прежде всего искусство древнего Киева, Пскова, Новгорода и средневековой Армении.

Книга Ю. Янчарковой относится к категории исследований по истории науки, что и определяет ее специфику. Нельзя сказать, что Окунев был забыт или малоизвестен. Его относительно высоко ценили коллеги-современники и ученики, среди которых

имена полузабытых чешских и прославленных сербских искусствоведов. Сербская наука, особенно в лице ученика Окунева Светозара Радойчича, всегда признавала вклад Окунева. Другой крупнейший сербский искусствовед-византинист, Воислав Джурич (1925–1996), в монографии о Сопочанах называет Окунева «одним из пионеров в изучении сербского искусства Средних веков» [1. С. 24]. К сожалению, в главной монографии В. Джурича о византийских фресках в Югославии [2] фамилия Окунева встречается лишь в ссылках на его работы. В связи с ростом интереса к русской эмиграции в конце XX в. вклад Окунева стал оцениваться гораздо больше, о чем свидетельствует статья И.М. Джорджевича, специально посвященная этому вопросу [3]. В отечественных работах по истории российской науки Окунев занимает определенное место в ряду второго поколения дореволюционных исследователей христианского искусства России, Армении и Византии, учеников Н.П. Кондакова и Д.В. Айналова, чья деятельность на родине была прервана революцией, но успела внести вклад в становление науки о восточнохристианском средневековом

искусстве [4; 5; 6]. В историко-научных публикациях чешских ученых Окунев занимает очень малое место.

Книга Ю. Янчарковой – первое монографическое исследование об Окуневе. Ее цель – по достоинству определить место ученого и оценить его вклад в науку, прежде всего в изучение христианского Востока и православных Балкан, точнее говоря, средневековых Сербии и Македонии. Сразу можно сказать, что эта задача блестяще решена. Благодаря книге Ю. Янчарковой, изданию которой предшествовали публикации многочисленных статей, фигура Окунева наконец-то оценена в полном масштабе. Исследовательница изучила огромное количество источников архивного характера, включая собрания потомков Окунева, источники мемуарного характера, а также обширную литературу, касающуюся истории русской эмиграции в Югославии и Чехословакии, русского искусствоведения начала XX в. и истории византийского, древнерусского, сербского и македонского искусства, включая новейшие работы. К основным достоинствам книги Ю. Янчарковой следует отнести доскональное исследование биографии Окунева, предпринятое впервые, и рассмотрение его искусствоведческих работ как в контексте искусствоведения его времени (применительно к византистике), так и в свете позднейших, новейших исследований, которые, как правило, подтверждают наблюдения, оценки и выводы, сделанные Окуневым еще в 1920–1930-е годы. Такой тематический масштаб потребовал от автора книги не только глубокого интереса, но и специальных знаний по тематике исследований Окунева, что Ю. Янчаркова великолепно демонстрирует. Правильно поступило издательство «Петер Ланг», опубликовав в Германии работу на русском языке, так как это делает ее доступной прежде всего российским, сербским и македонским, а также в определенной мере чешским специалистам.

Первая часть книги посвящена биографии Окунева. Рассматривается его научное становление как ученика Д.В. Айналова, его ранняя деятельность по изучению и введению в научный оборот тогда только открываемых памятников древнерусской архитектуры и монументальной живописи. Особый раздел посвящен его связям с академиком Н.Я. Марром и поездке по памятникам Великой Армении, которые он обследовал в ходе освобождения этих земель от турок во время Первой мировой войны. Сделанная им тогда фиксация ар-

мянских храмов представляет первостепенный научный интерес, так как впоследствии турецким населением и временем они были в значительной мере разрушены. Ю. Янчаркова и внук Окунева О. Покорный, владеец ценного семейного архива Окуневых, предприняли поездку по этим местам, и их фотографии, публикуемые в книге рядом с фотографиями, сделанными экспедицией Окунева, позволяют делать сопоставления.

Ю. Янчаркова рассказывает о работе Окунева на юге России в революционные годы, его конфликте с Н.П. Кондаковым, возникшем отчасти на почве неприятия маститым византинистом новейшего левого искусства, о его деятельности в Белом движении, точнее в правительстве Деникина, что и стало причиной эмиграции ученого.

Сначала Окунев с семьей эмигрировал в Королевство СХС (Югославию), где начал исследование средневековых фресок Македонии и затем Сербии. Его вклад в становление югославского искусствоведения трудно переоценить, так как именно он ввел в научный оборот, описал и исследовал многие памятники искусства этих земель, включая церкви, находившиеся в труднодоступных местах. Он не только поставил вопросы об их научном изучении в масштабе искусства византийского круга, но и встал у истоков их научной реставрации. Эту деятельность он продолжил, переехав в Прагу в рамках знаменитой «русской акции» правительства Чехословакии, о которой теперь широко известно.

В Праге Окунев занял видное место в научной и университетской жизни, о чем в книге рассказывается очень подробно на основе как архивных, так и мемуарных материалов. Автор особо выделяет работу Окунева в Славянском институте, его связи с журналом «Byzantinoslavica», преподавательскую деятельность в Карловом университете. Она не идеализирует отношений Окунева с русской эмигрантской средой, с Н.П. Кондаковым и его семинаром, по поводу которого были серьезные конфликты, подчеркивает недооцененность Окунева, которую он ощущал. К сожалению, мало сказано (раздел 2.7) об Окуневе как исследователе и популяризаторе русского искусства XX в., особенно русских художников-эмигрантов. Очевидно, это связано с тем, что составленная Окуневым картотека по этой теме, которой еще после Второй мировой войны пользовался его ученик Владимир Фиала, внук

Давида Бурлюка, ставший видным чешским искусствоведом-русистом и функционером, ныне утрачена, точнее, пока не найдена.

Второй, после биографического, раздел книги представляет научное творчество Окунева. В нем выделены следующие аспекты: изучение византийского, древнерусского искусства, зодчества средневековой Армении. Особая глава посвящена делу всей жизни Окунева – изучению, реставрации и пропаганде фресок средневековой Сербии и Македонии. Подробно анализируется и излагается содержание важнейших публикаций Окунева, что, учитывая малодоступность многих из них, рассеянных по старым малотиражным сборникам, значительно облегчает работу современных искусствоведов. Автор книги особо останавливается на изучении Окуневым отдельных выдающихся памятников, таких как храмы и монастыри в Охриде, Нерези, Сопочанах, Милешеве, Арилье и др. Очень ценно, что Ю. Янчаркова прослеживает дальнейшую судьбу исследования этих памятников, подтверждающего или корректирующего мнения Окунева.

Теоретическому осмыслению Окуневым искусства православных Балкан также уделено соответствующее место, в частности трактовке генезиса архитектурных форм балканских храмов и вопросу об итальянском влиянии на балканскую живопись XIII–XIV вв. На последнюю тему научная дискуссия ведется до сих пор. Окунев уже в 1930-е годы занимал ту позицию, которая сейчас представляется наиболее аргументированной: раннеренессансные черты зародились в искусстве византийского мира (Палеологовское возрождение) самостоятельно, параллельно с развитием искусства Италии, так как оба течения выражали исторически назревшие перемены, воплощавшиеся на данном этапе в обращении к части античного наследия.

Автор книги затрагивает важную проблему программ росписей балканских церквей и их иконографии, где Окунев почти всегда был первым интерпретатором, опиравшимся на иконографическую методiku Н.П. Кондакова. Важной особенностью метода Окунева было рассмотрение росписи в пространстве храма в тесной связи с православной литургией, что позволяло выявить смысловые доминанты и нюансы росписи конкретного архитектурного памятника.

Глава 7 посвящена научному методу Окунева, его учителям и ученикам. Такой

ракурс позволил рассмотреть работу русского ученого в историко-научной перспективе. Большую ценность представляют сведения о чешских учениках Окунева, судьбы большинства из которых сложились, по идеологическим причинам, весьма трудно. Деятельность наиболее успешного из них – В. Фиалы, которая сейчас многими весьма критикуется, рассмотрена очень объективно и оценочно сдержанно (с. 231–234).

Благодаря тщательному, глубокому, многоаспектному и объективному труду Ю. Янчарковой становится ясно, что именно Н.Л. Окунев в решающей степени способствовал введению в науку и европейское сознание представлений о средневековом искусстве Сербии и Македонии, по сути сделал объектами научного исследования многие памятники сакрального искусства Балкан, таких как храмы в Охриде, Милешеве, Сопочанах. Добавим, что без основополагающих трудов Окунева было бы невозможно дальнейшее развитие македонского искусствознания, которое сейчас достигло значительных успехов, о чем свидетельствует серия альбомов «Македонское культурное наследие», издаваемая в рамках ЮНЕСКО в двух языковых версиях – македонской и английской. Русский исследователь мог бы увидеть в книгах этой серии, посвященных средневековым памятникам [7; 8], воплощение своих самых смелых ожиданий.

К работе Ю. Янчарковой можно предъявить очень мало претензий, и все они носят частный характер. Имеются некоторые повторы материала, недостаточно четко разделена информация о работе Окунева в Новгороде и Пскове (разделы 3.1 и 3.3), не сказано о том, дал ли ученый анализ стилистики росписей в Сопочанах, в особенности сцен Успения и Рождества Христова с их античными мотивами. Ю. Янчаркова цитирует описание Окуневым фрески «Рождество Христова», но не замечает то ли ошибки, то ли опечатки в его тексте, где сказано, что младенец Христос изображен «под окном» (с. 211), тогда как он изображен над ним, что видно на фотографии.

Иллюстрации подобраны очень удачно. В особенности интересно сопоставление фотографий храмов и фресок, сделанных Окуневым, с современными фотографиями тех же объектов. К сожалению, иногда отсутствуют фотографии тех фресок, о которых особо говорится в тексте («Смерть королевы Анны» в Сопочанах, «Причастие апостолов» в Арилье), вместо этого дано хорошо известное «Успение Богородицы»

(Сопочаны), о котором в тексте почему-то вообще не говорится.

В разделе 2.7 «Архив и галерея славянского искусства при Славянском институте в Праге» рассказано о деятельности Окунева как собирателя современного искусства славянских народов. В этой связи встает вопрос о том, имел ли русский ученый контакты с крупнейшим пражским коллекционером того же профиля поэтом И. Карасеком из Львовиц, подарившим Праге и выставившим в одном из ее дворцов свою коллекцию, где графика славянских художников занимала ведущее место. Сведения о связях двух знатоков и пропагандистов славянского искусства представляли бы большой культурно-исторический интерес.

Ю. Янчаркова четко очертила и детально конкретизировала реальный вклад Н.Л. Окунева в изучение православного искусства России, Армении и бывшей Югославии, что значительно дополнило имевшиеся в науке сведения о русском ученом, который теперь представляется одной из крупнейших фигур среди миро-

вых исследователей культуры византийского ареала.

© 2013 г. Г.П. Мельников

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Нурѝћ В.* Сопоћани. Београд, 1963.
2. *Нурѝћ В.* Византијске фреске у Југославији. Београд, 1975; *Джурић В.* Византијске фрески. Средновековна Србија, Далмација, славјанска Македонија. М., 2000.
3. *Ђорђевић И.М.* Вклад Н.Л. Окунева в сербскую историю искусства // Руска емиграција у српској култури XX века. Зборник радова. Београд, 1994. Књ. 1.
4. *Вздорнов Г.И.* Материалы для биографии Н.Л. Окунева // Зборник за ликовне уметности. Београд, 1976. Књ. 12.
5. *Вздорнов Г.И.* Реставрација и наука. Очерки по истории открытия и изучения древнерусской живописи. М., 2006.
6. *Кызласова И.Л.* История отечественной науки об искусстве Византии и Древней Руси. 1920–1930-е годы. М., 2000.
7. *Macedonian Cultural Heritage. Christian Monuments.* Skopje, 2008.
8. *Macedonian Cultural Heritage. Ohrid: World Heritage.* Skopje, 2009.

Славяноведение, № 6

М. КОСТЮК. Евангелічно-лютеранска кірха в Луцку: історико-архітектурний нарис. Луцк, 2010. 68 с., ил. (М. KOSTIUK. Evangelisch-lutheranische Kirche in Luzk. Ein Abriss ueber die Geschichte und Architektur)

М. КОСТЮК. Евангеліческо-лютеранская церковь в Луцке: историко-архітектурний очерк

Книга украинского историка М.П. Костюка «Евангелическо-лютеранская церковь в Луцке» затрагивает очень важную культурно-историческую проблему. Она посвящена активной созидательной деятельности немецкой общины на территории Западной Украины. До автора изысканиями в данной области практически никто не занимался. Процесс возведения, функционирования, сохранения и восстановления (здание церкви серьезно пострадало в годы Первой мировой войны; после Второй мировой войны вплоть до 1974 г. церковь была заброшена) евангелическо-

лютеранской церкви Христа Спасителя целено и подробно отражен на страницах работы. Отметим, что эта церковь является своеобразным и уникальным сооружением, единственным в своем роде памятником готической архитектуры и истории немецкого национального меньшинства в Луцке. Данная тема интересна в первую очередь в свете актуализации и популяризации изучения истории немецкой общины на территории Западной Украины, ее культурной, религиозной и повседневной жизни.

М. Костюк, опираясь на обширный источниковый материал, относящийся в основном к концу XIX – началу XX в., анализирует главные этапы от разработки чертежей до самой постройки церкви. Немало внимания уделено причинам заинтересованности представителей общины в строительстве церкви, проблемам, с которыми пришлось столкнуться проектировщикам и строителям в ходе ее возведения. Повествование о строительных работах ведется в книге в неразрывной связи с описанием жизни представителей общины, что позволяет проследить историю взаимоотношений немецкой общины и местного населения, а также все аспекты сотрудничества с представителями местной власти. Нередко община сталкивалась с непониманием своих нужд со стороны властей, но при этом ее лидеры проявили незаурядные организаторские способности и силу воли, неизменно добиваясь поставленных задач. Автор всякий раз находит удачный ракурс подачи архивного материала, комментирует сложные для понимания читателем выдержки.

Что же касается характеристики этапов существования церкви в годы Первой и Второй мировых войн, то нам она представляется неполной. По всей видимости, сохранилось совсем небольшое число источников, способных пролить свет на данный отрезок истории церкви. Также в книге не хватает раздела, посвященного истории г. Луцка вообще и возникновению в нем немецкой общины в частности.

К несомненным плюсам книги относится богатый иллюстративный материал. Здесь представлены изображения самой церкви (в разные годы ее существования

вплоть до современности), а также фотографии людей, сыгравших огромную роль в ее создании, фотографии пасторов и прихожан. Наличие глоссария помогает человеку, далекому от инженерной и церковной специальной лексики, разобраться во всех тонкостях тематики, затронутой в книге. Не менее удачной идеей, нашедшей воплощение в работе, мы считаем приведенный в приложении книги план-схему церкви. Он помогает воочию убедиться в глубине задумки и высоком мастерстве воплощения архитектурной мысли.

Рассуждения и выводы автора окрашены личным переживанием, что в подобного рода работах не так часто встречается. Активное использование не известных ранее научному сообществу источников повышает ценность исследования как для тех историков, которые будут далее работать над этой темой, так и для историков, занимающихся близкими по тематике к данной работе изысканиями.

Книга написана на двух языках – украинском и немецком – что, разумеется, значительно расширит круг читателей и будет способствовать и в дальнейшем более тесному германо-украинскому научному сотрудничеству. Она будет полезна историкам обоих государств, а также всем интересующимся историей немецкой общины на территории Украины, поможет понять историю взаимоотношений народов, в первую очередь их культурную составляющую. Подобного рода исследования помогают избавиться от многих этнокультурных предрассудков.

© 2013 г. *Н.Н. Калиниченко, С.В. Кретинин*

НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «АНТИТРАДИЦИОНАЛИЗМ И ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ В ПРОГРАММАХ И ПРАКТИКЕ СЛАВЯНСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО АВАНГАРДА»

13 ноября 2012 г. в Институте славяноведения РАН прошла научная конференция «Антитрадиционализм и преемственность в программах и практике славянского литературного авангарда», организованная Отделом истории славянских литератур. Ее основной целью было найти явные или скрытые, декларируемые или стихийные механизмы преемственных связей славянского авангарда (на разных уровнях литературного процесса) с культурным наследием своих народов. На приглашение об участии в конференции откликнулись не только сотрудники Института славяноведения, но и коллеги из Московского государственного университета. К началу конференции был издан сборник тезисов.

С приветствием от дирекции Института выступила ученый секретарь *Е.С. Узенева*. Во вступительном слове председатель оргкомитета конференции *Л.Н. Будагова* отметила, что задачей конференции является рассмотрение механизмов преемственности на материале авангардных течений в славянских литературах, отрицавших преемственные связи с искусством прошлого в своих манифестах, декларациях, программах, но постоянно допускавших уступки традициям, а стало быть, приводящих в действие искомые «механизмы» в своей литературной практике. Отрицание традиций (иными словами, преемственности) стимулировало обновительные процессы в искусстве XX в., обусловленные как историческими катаклизмами, ускоренными ритмами и новыми мироощущениями бытия, так и периодически наступающей «усталостью форм», требующих обновления. Однако лишь в сочетании с преемственностью (стихийной или сознательной, но выборочной) ферменты обновления, которые нес в себе авангард, давали позитивные результаты, действительно способствуя развитию искусства и не давая замкнуться ему в творческом эксперименте.

Предложив линию обобщающего подхода к проблематике, *Л.Н. Будагова* выступила с докладом «К специфике авангардных течений в славянских литературах». В нем, в частности, говорилось о том, что в комплексе славянских литератур уступки традициям и механизмы преемственности проявлялись по-разному: с разной степенью стихийности и сознательности, на разных уровнях творчества. В качестве иллюстрации этого утверждения докладчица привела примеры уступок традициям в творчестве славянских авангардистов на проблемно-тематическом, формальном, лексическом и других уровнях. Проанализировав эти примеры, *Л.Н. Будагова* пришла к выводу, что смысл и значение этих уступок – сохранить коммуникативно-эстетический уровень творчества, не дать ему самоизолироваться от читателя, от жизни, превратившись в неподпытную «делянку» для формальных поисков.

Продолжая разговор об особенностях и специфике авангардных течений в целом, *И.И. Калиганов* представил доклад «Болгарский модернизм. Программные манифесты и практика их художественного воплощения», в котором постарался очертить програм-

мную конфигурацию болгарского модернизма, выполнявшего в этой литературе функцию авангарда, охарактеризовать его особенности как крупного явления в истории национальной литературы и показать, насколько заявки отдельных творцов могли расходиться с их собственной художественной практикой.

Целый ряд выступлений был посвящен одному их ярчайших авангардных течений в славянских литературах – экспрессионизму. Так, *Г.Я. Ильина* проанализировала его особенности в хорватской литературе. Данное течение развивалось здесь под влиянием двух основных тенденций: типологической близости с австро-немецким экспрессионизмом, с одной стороны, и отталкивания от него в поисках своего национального художественного облика – с другой. Похожая ситуация наблюдалась и в другой славянской литературе – словацкой, о чем шла речь в докладе *А.Ю. Песковой*. В словацкой среде воздействие немецкого экспрессионизма накладывалось на уже сложившиеся традиции самобытной национальной культуры. Одновременно экспрессионистская линия пересекалась с иными художественными концепциями – импрессионизмом, поэтизмом, лиризованной прозой, неосимволизмом и т.д. Этим объясняется то, что словацкий экспрессионизм в целом представляет собой довольно разнородное и пестрое явление. Еще один доклад об экспрессионизме, на этот раз в словенской литературе, был подготовлен *Ю.А. Созиной*, однако, к сожалению, по причине болезни она не смогла выступить на конференции. В докладе предполагалось, прежде всего, остановиться на отношении экспрессионистов к национальной традиции, повлиявшей на специфику этого течения в Словении. Серию выступлений обобщающего характера, показавших особенности целых авангардных течений в славянских литературах, завершил доклад *Н.Ф. Шведовой* «“Да” и “нет” традиции в поэзии словацкого надреализма». Сюрреалистическое направление в словацкой поэзии 1930–1940-х годов по праву считается одним из самых значительных явлений в словацкой литературе XX столетия. Именно с ним связан прорыв словацкой поэзии к современному мышлению и языку.

Следующий блок докладов был посвящен творчеству отдельных славянских писателей-авангардистов, чьи произведения основываются на причудливом синтезе авангардных и традиционных начал. *В.В. Мочалова* в докладе «Александр Ват: от футуризма к историософии» представила анализ произведений известного польского писателя, одного из основателей варшавской футуристической группы, и отдельно остановилась на его повести «Безработный Люцифер» (1927), в которой Ват неожиданно отходит от футуристических принципов и обращается к традиции романтической историософии. В докладе *И.А. Герчиковой* речь шла о творчестве чешского прозаика и философа Ладислава Климмы, передававшем, с одной стороны, характерное для экспрессионизма тревожное и болезненное мироощущение, а с другой – вобравшем в себя традиции европейского романа. Эти традиции были углублены и особым образом переосмыслены экцентричным и парадоксальным Л. Климмой, который в своей прозе переворачивал всякие представления о традиционализме. *А.В. Амелина* в своем докладе обратилась к экспрессионистской и сюрреалистической прозе чешского писателя Рихарда Вайнера, который в принципе не разделял позиций авангарда, но стихийно сближался с его поэтикой. Творчество Р. Вайнера было рассмотрено докладчицей с двух точек зрения: первая – его отношение к чешской литературе и ее традициям, вторая – связь произведений Р. Вайнера с экспрессионизмом и сюрреализмом при наличии элементов, унаследованных от романтизма. Творчеству крупнейшего сербского писателя Милоша Црнянского был посвящен доклад *С.Н. Мещерякова* (МГУ). Оригинальность таланта М. Црнянского, отметил он, основана на специфическом синтезе национальной традиции и высших достижений европейского авангардизма. Поэтическая программа М. Црнянского сформировалась под влиянием экспрессионизма, а в лучших его романах проявляется связь с мистическим ориентированным символизмом, восточным искусством, философией буддизма и традициями барокко.

Вечернее заседание конференции открывали доклады, перенесшие внимание участников на более поздний период развития литератур – на 1940-е и последующие годы. Раннее творчество словацкого писателя Доминика Татарки, одного из представителей группы «поэтов сюжета», представила в своем докладе *Л.Ф. Широкова*. В 1940-е годы

Д. Татарка вступает в полемику как с традиционным «описательным реализмом», так и с «лирической прозой» (прежде всего – натурализмом) и связывает возможные перспективы с авангардными тенденциями того времени, в первую очередь – с надреализмом. *С.А. Шерлаимова* в докладе «Литературный авангард в интерпретации чешского теоретика искусства Кветослава Хватика» проанализировала труды одного из самых серьезных современных теоретиков искусства и литературных критиков, посвященные теории и истории литературного авангарда. Проблематику авангардизма К. Хватик рассматривает с учетом критически воспринимаемых философских, эстетических и филологических концепций XX в., опираясь на методологию пражского структурализма и подробный анализ новейших достижений чешской литературы (прежде всего, творчества Б. Грабала, М. Кундеры, Й. Шкворецкого). Доклад *А.В. Лунатова* проследживает эволюцию творчества польского писателя Чеслава Милоша от предвоенного катастрофизма Второго авангарда с его настроениями угнетенности, растерянности, неизбежности крушения мира к особой художественно-философской позиции, связанной с идеями польского романтика Ц. Норвида. Весь драматичный путь познания Ч. Милоша приводит его к преодолению катастрофизма через правду христианства, свидетельством чего является все его послевоенное творчество, в частности автобиографическая книга «Родная Европа». Польскую тему продолжила *Н.Е. Ананьева* (МГУ), которая на примере анализа поэмы «Точка над ипсилоном» проанализировала особенности поэтического языка одного из наиболее ярких польских поэтов 60–70-х годов XX в. Эдварда Стахуры, в творчестве которого, как и у многих крупных поэтов современности, переплетены элементы многих литературных направлений: романтизма, символизма, авангардизма. *А.Г. Шешкен* представила доклад «Особенности взаимодействия сербского надреализма с традиционной культурой», уделив особое внимание творчеству сербского поэта Васко Попы, в котором интереснейшим образом проявился неожиданный синтез сюрреалистической метафорической образности и национальной традиционной культуры. В связи с командировкой не смогла присутствовать на конференции *Н.Н. Старикова*, чей доклад под названием «“Вот если б я во цвете лет почил!..” Милан Есих: от неоавангарда к постмодернизму» должен был осветить эволюцию творчества одного из выдающихся словенских поэтов и драматургов последней четверти XX – начала XXI в.

Заключительный блок докладов был посвящен русскому авангарду. Так, *Н.М. Куренная* рассмотрела в своем выступлении некоторые истоки русского авангардизма: эстетические программы-манифесты литераторов-символистов и новые литературно-художественные журналы «Мир искусства», «Золотое руно», «Аполлон» как специфическое явление русской культуры. К теме русского авангарда обратилась и *Н.В. Злыднева*, представившая типологию и функцию лубка как жанра и типа поэтики на примере «военного лубка» К. Малевича и В. Маяковского, а также неопрIMITивистской серии М. Ларионова «Времена года». Таким образом, докладчица продемонстрировала, какую тесную связь обнаруживает русский литературный авангард 1910-х годов с авангардом в пространственных, т.е. визуальных искусствах, в частности, в переосмыслении одного из популярных жанров народного творчества. Сопоставление особенностей русского авангарда с авангардом в венгерской литературе стало темой выступления *Ю.П. Гусева*, который наглядно доказал тезис о глобальной функции авангарда, вытекавшей из внутренней потребности кардинального обновления и неприятия всего существовавшего до этого и существующего в настоящем. Конкретные формы авангардистских течений в разных странах зависели от многих объективных и субъективных обстоятельств, однако, рассматривая две литературы – венгерскую и русскую, можно отметить, что в обеих мощный всплеск энергии обновления, духа новаторства связан с именами крупнейших авангардистов Л. Кашшака и В. Маяковского, вслед за которыми этот новаторский дух и творческое созидательное начало подхватили и другие их современники.

Многим выступавшим задавались конкретные вопросы, перераставшие порой в дискуссию. В заключительном слове *Л.Н. Будагова* подвела итоги работы конференции, которая позволила выявить современные точки зрения на славянский литературный авангард и показать, что независимо от отношения к связи с наследием предков этой связи

невозможно избежать, поскольку она обусловлена природой человека и его творчества. Подчеркнув, что конференция «Антитрадиционализм и преемственность в программах и практике славянского литературного авангарда» является подготовительным этапом к созданию одноименного коллективного труда, она предложила участникам конференции усилить в планируемых статьях связь с главной проблемой исследований, подчинив ей анализ разнообразного материала.

© 2013 г. А.Ю. Пескова

Славяноведение, № 6

КРУГЛЫЙ СТОЛ «ЗА ПОРОГОМ НОВОГО ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ. ЛИТЕРАТУРНАЯ СИТУАЦИЯ В СТРАНАХ ЦЮВЕ»

11 декабря 2012 г. в Отделе современных литератур Центральной и Юго-Восточной Европы Института славяноведения РАН состоялся «круглый стол» «За порогом нового тысячелетия. Литературная ситуация в странах ЦЮВЕ», посвященный литературе стран ЦЮВЕ на современном этапе развития. Спектр освещавшихся вопросов оказался чрезвычайно широк – от подробного анализа всей литературной ситуации одной из вышеназванных стран до восприятия творчества отдельных славянских писателей в Испании.

Так, *С.А. Шерлаимова* представила доклад на тему «Чешская литература на современном этапе», в котором рассматривала как современную литературную ситуацию в Чехии, так и состояние чешской литературной критики и литературоведения. С.А. Шерлаимова отметила, что, несмотря на рост в последнее время в Чехии протестных настроений, литература и писатели не играют в этом процессе сколько-нибудь заметной роли, хотя некоторые из них и пытаются затрагивать в своих произведениях острые общественно-политические проблемы. Так, например, Михаил Вивег – «признанный наиболее успешный чешский писатель» – в романах «Мафия в Праге» (2011) и «Мороз идет из Града» (2012) описывает связь криминала с коррупцией во властных структурах, однако, несмотря на остроумную манеру письма, о серьезном освещении вопроса речь не идет. Приметной чертой современной чешской литературы названо в докладе выдвижение в ряды литераторов первого ранга писательниц-женщин, таких как Радка Денемаркова (роман «Деньги от Гитлера», 2006) и Петра Соукупова (романы «Исчезнуть», 2009, «Марта в год вторжения», 2011), чьи произведения были удостоены престижных литературных премий. Новая черта чешской литературной критики – преобладание скептического отношения к постмодернизму, когда даже прежде страстные его пропагандисты высказываются о нем критически (Иржи Кратховил «Famme fatale», 2010). Последняя часть доклада была посвящена чешскому литературоведению, где продолжается соперничество между тяготением к новейшим западным эстетическим теориям и известным уклоном в социологию, проявляющимся в трудах Института чешской литературы ЧАН по изучению библиотек, читателей, издательского дела, истории чешской цензуры. Отмечалось, что разрабатываются и некоторые ранее мало исследованные области, например, в книге Ярослава Меда «Литературная жизнь в тени Мюнхена» (2010).

Проблематике исследований современного литературоведения, но уже словацкого, был посвящен доклад *Л.Ф. Широковой*. В нем отмечалось, что 2000-е годы в Словакии отличались разнообразием литературоведческих исследований, обращением к разным аспектам и периодам развития словацкой литературы. Жанры исследований также были весьма разнообразны: это две «Истории словацкой литературы» (В. Марчока и И. Седлака), «Словарь словацкий писателей» (2005), сборники литературно-критических работ («Литературно-критическая рефлексия словацкой литературы», 2006, 2007), литературоведческие мемуары Ш. Друга (2003), В. Петрика (2009), М. Шутовца (2011), монографии и сборники статей как по отдельным историко-литературным и теоретическим пробле-

мам, так и по творчеству отдельных писателей. Особое внимание Л.Ф. Широкова уделила монографиям Рене Билька «Дух на цепи. Взгляд на литературную жизнь Словакии 1945–1989» (2008) и «Исторические жанры в словацкой литературе» (2008), в которых словацкий исследователь полемизирует с общепринятыми представлениями об исторической прозе, закрепленными в работах 1970–1980-х годов, придерживаясь современной концепции, выдвигающей на первый план жанрообразующие принципы построения текста, проблему «инварианта и типологии жанра», поэтики, стратегии, обращенной на читателя. Отмечалась и монография Вильяма Марчока «В двухэтажном лабиринте» (2010), в центре которой проблематика постмодернизма в словацкой литературе. Сама монография построена в постмодернистской «игровой» форме: автор представляет основные работы западных и словацких исследователей, графически перемежая их цитатами собственного текста, рассматривает проблему авторства и делает попытку «определить черты многоликости неизвестного».

Читательская рецепция современной румынской литературы и культурологических исследований была в центре доклада *А.В. Усачевой*, посвященного самой ожидаемой книге года в Румынии – «Притчи Иисуса» видного румынского писателя, философа, историка искусства А. Плешу, в которой новозаветная притча исследуется как жанр.

Единственный доклад о ситуации в современной поэзии стран ЦЮВЕ был сделан *Ю.П. Гусевым*. В нем констатировалось, что поэзия переживает один из периодических спадов, причиной которого послужили разрушительные последствия увлечения авангардной поэтикой: распространением свободного стиха, отказом от гармонии, культом парадокса, изобретательства, жеста и т.д. По мысли Ю.П. Гусева, венгерские поэты осознанно или подсознательно стараются восполнить урон, нанесенный авангардом: одни поэты возвращаются к традиционной поэтике (Жужа Раковски, Кристина Тот, Янош Лафци и др.), другие идут по трудному пути бесконечного углубления и усложнения образности, приходя к созданию новой гармонии звукосмысла (Иштван Ковач, Лаура Янку, Янош Сентмартони и др.). Этот процесс, а также бурный рост интернет-поэзии дают основания думать, что венгерская поэзия все же находится перед новым взлетом.

Ситуации в современной прозе были посвящены доклады Г.Я. Ильиной, Н.Н. Пономаревой, А.Г. Шешкен. Так, *Г.Я. Ильина* обозначила в своем докладе вектор развития хорватской прозы последнего пятилетия, особое внимание уделив темам, жанрам и стилям. Отмечалось, что проза современных хорватских прозаиков многообразна по своей тематике, жанрам и моделям поэтик, хотя, в отличие от предшествующих периодов, авторов не объединяют ни манифесты, ни журналы, продолжается процесс жанрового укрупнения – роман в хорватской прозе завоевывает доминирующие позиции. При этом хорватская проза, несмотря на явное тяготение к реалистическому типу творчества, критикомиметическому изображению, к «рассказыванию», в то же время демонстрирует симбиоз жанровых структур и стилей от документальной, автобиографической, псевдоавтобиографической и биографической литературы до социально-политического триллера, любовного романа, семейной хроники и общественно-психологического романа «большого формата». По наблюдениям Г.Я. Ильиной, содержательные границы произведения также расширяются; углубляется трактовка острых для Хорватии проблем: войны и насилия в период мировых войн и войны 1990-х годов на территории бывшей Югославии, национальной, религиозной, социальной и сугубо личностной идентичности, национализма и югославизма. Существенным фактором в характере освещения этих проблем стало то обстоятельство, что произведения писателей, ранее вынужденно эмигрировавших после создания Независимой Республики Хорватии (Сл. Шнайдер, Д. Угрешич, С. Дракулич), начали возвращаться в Хорватию после 2000 г. Общие положения доклада иллюстрировались на романах четырех писателей, входящих в первую десятку лучших хорватских авторов: Славенка Дракулич «Фрида или о боли» (2007), Дубравка Угрешич «Снесла баба Яга яичко» (2008), Сибела Петлевская «Время лжи» (2009), Миленко Ергович «Ореховый дворик» (2003), «Отец» (2009).

Обращение *Н.Н. Пономаревой* к болгарской прозе XXI в. также демонстрирует главенствующую роль романа в современной болгарской литературе, при этом отмечается,

что условно болгарскую прозу нового столетия можно разделить на произведения для широкого круга читателей и для читателей, подготовленных к чтению «трудных» текстов. К последним текстам относятся рассматриваемые в докладе романы Т. Димовой «Марма, Мариам» (2010), Э. Дворяновой «Земные сады Богородицы» (2006), М. Рускова «Возвышение» (2011), Г. Господинова «Физика тоски» (2012). Все эти произведения – будь в центре их христианско-философские воззрения (Димова, Дворянова), эпоха болгарского возрождения (Русков) или условный мир, в котором смешиваются прошлое и настоящее, миф и документ, сны и действительность (Господинов) – это талантливая своеобразная проза, вызывающая у читателя посыл к размышлению о судьбах мира и человека.

В македонской же литературе, как было отмечено в докладе А.Г. Шешкен «Македонская проза XXI века. Проблемы истории и современности», доминирующие позиции занимает не только роман, но и новеллистика. Появились яркие произведения, отмеченные премиями у себя на родине, выводящие литературу за национальные рамки и переведенные на иностранные языки, в том числе русский («Невеста змея» В. Урошевича, «Пуп земли» В. Андоновского). Широкою известность приобрел роман Г. Смилевского, затрагивающий проблему Холокоста, «Сестра Зигмунда Фрейда» (2007, новая редакция 2011), удостоенный Премии Евросоюза за лучшее произведение автора моложе 35 лет. Сохраняет продуктивность постмодернистская поэтика (В. Андоновский «Пуп земли», 2000; Т. Урошевич «Акварин», 2004), но уже заметна «усталость» этого течения, проявляющаяся в оспаривании его основополагающих принципов, в частности игровой поэтики. «Женский взгляд» на современную жизнь, сложные семейные отношения, тонкое проникновение в женскую психологию отразил роман Л. Пандевой («Из жизненного распорядка Калины Калин», 2009). В докладе А.Г. Шешкен затрагивается важная тема исторической памяти в литературе, в частности отмечается появление новых оттенков в освещении темы Второй мировой войны и революции (сборник рассказов Тани Урошевич «Красные бусы. Магнитный перстень», 2009), подчеркивается, что трагические события начала третьего тысячелетия, военные действия на территории бывшей Югославии и Македонии присутствуют как фон и создают напряженную атмосферу в романах Т. Османли «Двадцать первый» (2009) и Б. Миневского «Мишень» (2007).

Тема исторической памяти и в центре докладов Н.Н. Стариковой и И.Е. Адельгейм. Так, в докладе Н.Н. Стариковой освещался новый роман молодого автора Г. Войновича, в котором впервые в словенской литературе была поднята тема последней войны на Балканах. Распад Югославии и распад семьи, как отмечалось в докладе, в романе не просто взаимосвязаны, эта параллель показывает, как политические и националистические амбиции ломали жизни людей. Тоска героя по прошлому – это ностальгия по той атмосфере интернационализма, взаимопонимания и мультикультурализма, в которой прошло его детство. Как отмечает Н.Н. Старикова, главную проблему Войнович видит (как он говорит в одном из своих последних интервью) не в распаде Югославии, а в том, что перестало существовать единое культурное пространство этого государства.

Доклад И.Е. Адельгейм «“Все не так. Кроме самого места”. Память о двух варшавских восстаниях в польской прозе и эссеистике последних лет» затрагивает тему польской исторической памяти как истории забвения, умалчивания. Так, в докладе на фоне тенденций последних двух десятилетий рассматриваются две вышедшие в 2012 г. книги, представляющие собой синтез документальной прозы, эссе, репортажа, исследования психологии пространства: «Festung Warschau» Эльжбеты Яницкой и «Станция Муранов» Беаты Хомонтовской. Книга Яницкой – о сосуществовании в пространстве города официального, маркированного, декларируемого и неофициального, стертого, умалчиваемого; о своего рода «мечении территории» (начавшемся еще во время войны), стирании при помощи бесконечного запечатлывания памяти о Варшавском восстании памяти Варшавы о восстании в еврейском гетто, так и не вошедшем в «канон» польской истории; о «холокостизации польских жертв» или «полонизации» еврейских; о переписывании заново исторического пространства города в духе правонационалистического дискурса, попытках создания гомогенной версии истории гомогенной нации. Книга Хомонтовской посвящена

уникальному варшавскому району, воздвигнутому на руинах и из руин бывшего еврейского гетто, «месту-после-гетто».

В докладе *Е.В. Шатько* говорилось о восприятии творчества М. Павича и Г. Петровича в Испании в 2000-е годы. Было сделано интересное наблюдение: несмотря на то, что в университетах Испании не преподается сербистика как отдельная дисциплина, научный интерес к современной сербской литературе есть, однако статьи о творчестве обоих авторов носят скорее ознакомительный характер и описывают, прежде всего, нелинейность формальной организации романов и метафоричность осмысления национальной истории. Романы М. Павича в испанских исследованиях чаще сравнивают с постмодернистскими романами У. Эко и И. Кальвино, творчество Г. Петровича причисляют к представителям магического реализма, проводя параллели с творчеством Х. Картасара и Г.Г. Маркеса, при этом большинство исследователей сравнивают романы сербских авторов и между собой. *Е.В. Шатько* рассказала также об испаноязычном блоге под названием «Павич и Петрович», созданном в 2006 г., и закончила свое выступление надеждой на появление работ, более глубоко анализирующих романы сербских авторов, поскольку творчество этих писателей в настоящее время активно осмысляется в Испании.

В целом «круглый стол», проведенный в Отделе современных литератур Центральной и Юго-Восточной Европы, продемонстрировал, что литературная ситуация в странах ЦЮВЕ во многом идентична. Более активно развиваются прозаические жанры, доминирующую роль среди которых играет роман, однако жанровые границы его зачастую размыты. «Болевой точкой» тематики произведений является историческая память, в первую очередь о таких травмирующих явлениях, как война (Первая и Вторая мировая, война 1990-х годов на территории бывшей Югославии), восстание (Варшавское восстание и восстание в еврейском гетто), Холокост. Герой новой современной прозы находится в поисках собственной идентичности (гендерной, национальной, общественно-политической, идеологической, религиозной) – и они приводят к новому осмыслению не только истории и своего места в ней, но и к возвращению к христианско-философским воззрениям, их художественному переосмыслению.

© 2013 г. *Е. Байдалова*

Славяноведение, № 6

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ПРОБЛЕМА ГИБРИДА В КУЛЬТУРЕ СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ»

25–27 сентября 2012 г. Отдел истории культуры Института славяноведения РАН провел международную научную конференцию «Проблема гибрида в славянской культуре», которая прошла в рамках проекта «Трансформационные механизмы в славянской культуре» («Категории и концепты славянской культуры») и была организована при частичной поддержке Венгерского культурного центра в Москве и Российского гуманитарного научного фонда (грант № 12-24-01000).

В центре внимания участников конференции находились типы и функции гибридных форм, механизм гибридизации в культуре и стоящие за ним смыслы, которые рассматривались на материале языка, литературы, искусства, мифологии, общественной мысли славянских народов. За три дня было заслушано 38 докладов, в конференции приняли участие сотрудники нескольких отделов Института славяноведения РАН, коллеги из других институтов (Институт русского языка, Институт языкознания) и научных центров, а также зарубежных научных организаций Венгрии, Германии, Италии, Македонии, Польши, Сербии, Словении, Украины, Хорватии.

На первом утреннем заседании были заслушаны доклады *Н.В. Злыдневой* (ИСл) «Гибрид и тип поэтики», *Х. Гюнтера* (Билефельд) «Большой город в русской культуре – свое

и/или чужое» и *Й. Ужаревича* (Загреб) «Проблема гибридности в литературном минимализме».

В докладе *Н.В. Злыдневой* на основе классификации внешних (мифологические представления, литературная практика, тип культуры) и внутренних (законы формообразования и зрительного восприятия) факторов была предпринята попытка определения механизмов порождения гибридных (и в целом фантастических) изображений с точки зрения их референций. Материалом сообщения послужила русская живопись XVIII–XX вв., а также славянский фольклор.

Х. Гюнтер говорил в своем докладе о двойственности оценки Петербурга, о «петербургском тексте» и, шире, о спорах об урбанизме и антиурбанизме, которые в истории русской мысли и литературы занимают исключительное место.

На примерах самых маленьких литературных форм (в первую очередь двусловий, трехсловий и четырехсловий) в докладе *Й. Ужаревича* была сделана попытка продемонстрировать необходимость соединения в словесном искусстве по крайней мере двух качественно разных элементов (аспектов). Был предложен анализ разных случаев сочетания несочетаемых, противоположных или просто взаимно отдаленных элементов, создающих художественную целостность («мир») миниатюрных произведений.

В рамках рассмотрения проблематики гибридных форм в фольклоре и мифологии были заслушаны доклады *О.В. Беловой* (ИСл) «Псоглавец как герой фольклора и современного литературного мифа», *А.В. Гуры* (ИСл) «О трансформации сакрального текста в фольклоре (Въезд Христа в Иерусалим и вариант балканской легенды о свадьбе Солнца)» и *Н. Чаусидиса* (Скопье) «Зооморфный мифический персонаж с руками в виде животных».

В докладе *О.В. Беловой* были проанализированы основные черты образа псоглавца (демонического антрополоморфного существа) как персонажа славянских книжных и фольклорных легенд и поверий, с одной стороны, и как героя современного романа (построенного на соединении фольклорных, литературных, житийных, иконографических и других мотивов) – с другой.

В докладе *А.В. Гуры* рассматривался балканско-балтийский сюжет об отмене свадьбы Солнца, который представляет собой еще одну версию известного мифологического сюжета – фольклорную, наряду с двумя другими: с сакральной (представленной библейскими рассказами о въезде Христа в Иерусалим и о валаамовой ослице) и со светско-литературной (в древнеримском эротическом романе Апулея «Золотой осел» и в греческом романе без автора «Лукий и осел»).

Н. Чаусидис рассматривал в своем докладе изображения человека, чьи руки являются метаформозой фрагментов животных или их целых фигур (характерны для железного века на Балканах, Апеннинском полуострове и в Луристане). Докладчиком было выдвинуто предположение, согласно которому в обоих случаях пары зооморфных элементов символизируют определенные дуальные категории, спроецированные на космос и на человека; при этом сама антропоморфная фигура представляет собой целостную идею (божество), которой они подвластны.

Следующий блок составили доклады *Л.А. Софроновой* (ИСл) «Человек-медведь при дворе польского короля», *Д. Крашовеца* (Любляна) «“Гибридизация” в Словении XVI века как художественное явление, предшествующее созданию словенского литературного языка» и *Т.В. Цивьян* (ИСл) «*Ни то ни се, нечто, что-то, тень, двойник...* Неопределенность/пограничность как инструмент гибридизации».

В сообщении *Л.А. Софроновой* анализировался рассказ из «Записок» Я.Х. Пасека, в котором автор, он же рассказчик, выступает в качестве наблюдателя и описывает внешний облик человека-медведя и его поведение, предлагает варианты его происхождения. Эти описания целесообразно рассматривать сквозь призму народной славянской мифологии в опоре на оппозицию достоверность/недостоверность, значимую для восприятия народных мифологических рассказов.

Д. Крашовец исследовал существование гибридного характера в произведениях изобразительного искусства, созданных на территории Словении в начале XVI в. Результатом гибридизации стало создание своей собственной культуры в ходе ассимиляции элементов других культур (итальянской, германской, античной).

Доклад *Т.В. Цивьян* был посвящен обращению к теме *человек – не-человек* – универсальному мифологическому мотиву, связанному с опасностью проникновения мира мертвых в мир живых. В художественной литературе акцент ставился не на разоблачении, ведущем к спасению, а на постоянном смешении, на «ощущении присутствия» чужого, неотличимого от своего.

Самым значительным по объему стал блок сообщений, посвященных гибридизации в литературе; в рамках этого блока были зачитаны доклады *А.Ф. Литвиной* и *Ф.Б. Успенского* (ИСл) «Межъязыковой каламбур в поэтике Осипа Мандельштама», *А.В. Семеновой* (ИСл) «Гибридные формы в кашубской литературе и кашубском языке», *Н.Н. Стариковой* (ИСл) «Парадигма словенского исторического романа. К проблеме типологии жанра», *Г.Я. Ильиной* (ИСл) «Жанрово-стилевой гибрид в переходные литературные эпохи в Хорватии (вторая половина XIX – XX век)», *П.В. Корольковой* (ИСл) «Сборник рассказов как тематическая мозаика и жанровый гибрид (“Сараевский Мальборо” М. Ерговича и “Дьявол в Сараеве” Н. Величовича)», *К. Ичин* (Белград) «Радикальная критика разума: гибрид у А. Введенского», *Н.М. Куренной* (ИСл) «Проза Якуба Коласа в свете теории М. Бахтина о литературных гибридах», *К. Соливетти* (Рим) «Гибридизм жанров у Хлебникова: сверхобряд», *И. Кукуя* (Мюнхен) «Гибридные формы в творчестве Велимира Хлебникова (на примере сверхповести “Зангези”», *И. Баги* (Сегед) «“Гибриды” у Б. Пильняка: человек-волк и человек-машина», *Ч. Шарняи* (Сегед) «Гуськов-оборотень: система превращений как модель распада личности в повести В. Распутина “Живи и помни”», *Ж. Бенчич* (Загреб) «Гибридизация персонажа: “Зал поющих кариатид” В. Пелевина», *Т.И. Чепелевской* (ИСл) «От визуального нарратива к художественному произведению (“Истории с крышек ульев” Л. Ковачича)», *И. Перушко* (Загреб) «“В кафе”. К истокам булгаковской гибридизации», *Я. Войводич* (Загреб) «Гибриды повседневной жизни и их проявления в современной прозе».

А.Ф. Литвина и *Ф.Б. Успенский* обратились в своем докладе к проблеме лингвистических подтекстов (или так называемых межъязыковых каламбуров) в поэзии О. Мандельштама и реконструкции представлений поэта о языке, обусловивших актуализацию данного приема в поэтике «позднего» Мандельштама.

В центре внимания *А.В. Семеновой* оказалась кашубская культура, которая, развиваясь на стыке славянского и германского миров, пребывая в постоянном поиске своей идентичности между уровнем региональным и самостоятельным в лингвокультурном отношении, представляет собой яркий пример живого и постоянно перерождающегося гибридного «организма».

В докладе *Н.Н. Стариковой* на материале словенской литературы исторический роман был рассмотрен как жанр, латентно предрасположенный к взаимодействию с другими типами прозы и, вследствие этого, часто образующий новые жанровые и стилевые модификации, некоторые из которых можно охарактеризовать как гибридные.

Г.Я. Ильина посвятила свое сообщение переходным литературным эпохам в Хорватии. Начиная с национального возрождения, импульсы, шедшие в хорватскую литературу из более развитых европейских литератур, способствовали не замене уже существовавших направлений, течений и стилей на новые художественные явления, а вызвали переплетение, смешение и сосуществование старого и нового.

П.В. Королькова в своем докладе проанализировала сборники рассказов М. Ерговича «Сараевский Мальборо» и Н. Величовича «Дьявол в Сараеве», которые посвящены повседневной жизни людей в осажденном городе во время войны в Боснии. Она пришла к выводу, что жанровая гибридность непосредственно соотносится с мозаичностью тематики данных сборников.

В докладе *К. Ичин* речь шла о понятийных гибридах в творчестве А. Введенского, по утверждению которого познание мира возможно тавтологическим методом, в результате наблюдений за бесконечно малыми себе подобными единицами без привлечения другой референтной системы.

В сообщении *Н.М. Куренной* рассматривались очерченные М.М. Бахтиным типы смешанных литературных форм на примере прозаических произведений классика белорусской литературы Я. Колоса, его повестей, притч, сказок.

Доклад *К. Соливетти* представлял собой продолжение разработки темы «смешанных жанровых образований» в творчестве В. Хлебникова. Сообщение было посвящено описанию полижанровых особенностей текста «Дети Выдры».

Творчеству Хлебникова был посвящен также доклад *И. Кукуя*, в котором было отмечено, что текстам этого писателя свойственна «повышенная валентность»: они существенно расширяют наши представления не только о жанровых, выразительных и языковых возможностях литературы, но и о границах художественного и научного методов познания мира.

И. Баги в своем докладе отметила, что в художественных образах романа Б. Пильняка «Машины и волки» (1925) представлены две основные модели человеческого существования после «трансцендентальной катастрофы» революции: образ «человека-волка» соотнесен с мифологическими представлениями об «оборотне» и включается в идейную систему романа на уровне мотивов, демонстрирующих ограниченность существования, в то время как «человек-машина» становится представителем цивилизационного переворота, касающегося и метафизических основ бытия.

Ч. Шарниа обратился к анализу пространственно-временной структуры повести В. Распутина «Живи и помни», в которой большинство элементов сюжета приобретает смысл, раскрывающийся вне пределов деревенской, даже военной тематики. В писательскую концепцию личности главного героя входят такие элементы, которые основаны в первую очередь на мифологическом подтексте повести.

В докладе *Ж. Бенчич* понятие гибридности было использовано как основные интерпретативные рамки рассказа В. Пелевина «Зал поющих кариатид» (2008). С одной стороны, докладчик рассматривал гибридных персонажей в прозе Пелевина в контексте склонности писателя к необарочной поэтике; с другой стороны, в сообщении гибридность персонажа трактовалась и как результат влияния негативной антропологии Пелевина.

Т.И. Чепелевская рассмотрела книгу словенского писателя Л. Ковачича «Истории с крышек ульев» (1993). Опора на традиционные для словенской народной культуры картинки на крышках ульев, а также на фольклорные сюжеты дает писателю возможность не только по-новому представить известные темы и мотивы, но порой выводит на обобщения экзистенциального характера.

В докладе *И. Перушко* была поставлена проблема истоков булгаковской гибридации (на примере раннего рассказа «В кафе»). Задача доклада заключалась в том, чтобы показать особый тип гибридации в раннем творчестве М. Булгакова, многоплановость повествования и его жанрово-стилевые смешения.

В докладе *Я. Войводич* были рассмотрены современные процессы гибридации жизни (мультинациональные компании, современный язык, городская культура и т.п.) в романном мире С. Минаева: «Духless», «Повесть о настоящем человеке»; «Media Sapiens», «Повесть о третьем сроке» и др.

Отдельный блок был представлен докладами, посвященными гибридации в искусстве – театре, графике, изобразительном искусстве, музыке. В этом блоке были представлены доклады *К. Осиньской* (Варшава) «От биомеханики Всеволода Мейерхольда до биообъектов Тадеуша Кантора. Гибриды в актерстве XX века», *Г. Бобилевич* (Варшава) «Гибридные коды и формы арт-бука», *В. Гудаца* (Риека) «Гибриды-псевдоморфозы», *О.В. Коваля* (Львов) «Семиотическая гибридация и визуально-вербальный синтез в искусстве XX–XXI веков», *Г.В. Алексеевой* (Владивосток) «Изоморфизм средств выразительности: ядро синтеза и ключ адаптации византийской певческой традиции на русской почве», *О.Ю. Тарасова* (ИСл) «Прототип и оригинал: К вопросу о трансформациях в древнерусской иконе», *В. Лепяхина* (Сегед) «Иконы-гибриды. О ложных, кощунственных, отступных, “адописных” и демонических изображениях в русской литературе», *Е.В. Надеждиной* (Государственный институт искусствознания, Москва) «Трансформации чешской типографики “поэтизма”» и *Н. Габриэлян* (Москва) «От “изоморфизмов” к гибридным формам. Живопись Роберта Кондахсазова (1937–2000)».

В докладе *К. Осиньской* были проанализированы понятия мейерхольдовской «биомеханики», которая заключала в себе главные идеи авангардного театра (и искусства в це-

лом) начала XX в. и «биообъекта» Тадеуша Кантора, представителя польского авангарда второй половины XX в.

Г. Бобилевич рассматривала разнородные типы осмысления и художественной конкретизации гибридных кодов и форм в книге художника (арт-бук). Принцип гибридности (неконвенциональное смешивание) функционирует на уровне жанров, концептов, техник, материалов, альтернативных структур, художественных приемов.

В докладе *В. Гудца* были рассмотрены случаи гибридов-псевдоморфоз на примерах современного хорватского искусства и визуальной культуры.

О.В. Коваль затронул вопрос об участии естественного языка и семиотики, построенной на его основе, в организации структуры визуального текста.

Г.В. Алексеева отметила, что адаптация византийской певческой традиции в Древней Руси проходила путем «приспособления» переведенных текстов к певческим моделям Византии. Механизмы адаптации «проглядывают» через терминологическую базу учебных азбук.

О.Ю. Тарасов в своем докладе рассматривал средневековую икону как знаковую систему, которая представляет собой исторически обусловленную систему конвенций. С этой точки зрения ее восприятие отражает ситуацию «диалога» или исторически обусловленную встречу взгляда художника и взгляда зрителя, в результате которой и рождается образ. Этот «диалог» отражает и систему ценностных ориентаций той или иной эпохи.

Доклад *В. Лепяхина* был посвящен описанию в литературе различных сакральных изображений, в которых христианское тайно или явно комбинируется с языческим, еретическим или демоническим. Проблема рассматривалась на широком материале византийской, древнерусской и русской литературы XIX в.: от жития константинопольского патриарха Геннадия до творчества Н. Лескова.

Е.В. Надеждина на примерах типографского оформления изданий участников чешского авангардного движения 1920-х годов, *поэтизма*, рассмотрела опыты по созданию нового оптического языка. Подвижная внутренняя структура рассматриваемых произведений, использующая различные категории знаков, привела к появлению гораздо более гибкого универсального языка, чем это можно видеть на классических образцах советской или немецкой типографики тех лет.

Доклад *Н. Габриэлян* был посвящен возникновению и функционированию гибридных форм в живописи Р. Кондахсазова, которые являлись логическим следствием основной визуальной стратегии, разрабатываемой художником на протяжении всей его творческой жизни. «Гибриды» Кондахсазова являют собой визуальные метафоры, выражающие взгляды художника на связь между эволюцией форм и техническим прогрессом.

Еще один блок составили доклады *М.В. Лескинен* (ИСл) «Категория “народности” Н.И. Надеждина: от романтических идеалов “нации” к позитивистской иерархии этничности» и *Н.М. Филатовой* (ИСл) «Политический либерализм в конституционном Королевстве Польском: французская форма и национальное содержание».

В докладе *М.В. Лескинен* речь шла об эволюции представлений о народности в русской философии и общественной мысли первой трети XIX в. Она преобразовалась из прямого заимствования из европейского дискурса нации, встраиваясь в новый исторический контекст, демонстрируя при этом возможности широкой адаптации к политическим и идеологическим запросам общества. Многозначность лексемы «народ» позволила сформировать богатый спектр инвариантов, одним из которых становится народность как этничность.

Доклад *Н.М. Филатовой* был посвящен устройству Королевства Польского, созданного в 1815 г. решением Венского конгресса и по Конституции связанного с Россией лишь династической унией. Оно было своего рода гибридом конституционного парламентского государства и придатка самодержавной Российской империи. В докладе было рассмотрено, как заимствованная из западноевропейской политической жизни форма политического поведения наполнилась национальным содержанием.

В рамках заседания, посвященного языковым гибридам, были заслушаны доклады *Д.К. Полякова* (ИСл) «Языковая картина мира жителей славянского пограничья: к пробле-

ме гибридности», *Н. Друбек* (Регенсбург) «Гибридизация языков в концлагере Терезин (1942–1945)», *В.В. Феценко* и *Э. Райт* (Институт языкознания) «Языковые гибриды в экспериментальной прозе: авангардный роман-travelog о Советской России», *Н.А. Фатеевой* (Институт русского языка) «Словотворчество на муфтолингве: Вилли Мельников».

В центре внимания *Д.К. Полякова* оказались проблемы славянского пограничья и языковая картина мира, ее целостность и мозаичность, проблема построения и трактовки языковой картины мира обитателей пограничья как принадлежащих одновременно к нескольким языковым и культурным пространствам.

Доклад *Н. Друбек* был посвящен особому жаргону, возникшему в лагере Theresienstadt (Терезин) и представлявшему собой гибрид из немецкого и чешского языков. Он был описан бывшим жителем «гетто» Г.Х. Адлером («Theresienstadt 1941–1945. Das Antlitz einer Zwangsgemeinschaft», 1955). Докладчик пришел к выводу, что идентичность по признаку языковой принадлежности в этом лагере превалировала над этнической, национальной или религиозной идентичностью.

В докладе *В.В. Феценко* и *Э. Райт* речь шла о произведении, написанном американским поэтом, прозаиком и художником Э.Э. Каммингсом (1894–1962), входящим в когорту пионеров англо-американского авангарда. Его роман-отчет о путешествии в Страну Советов – «Eimi» (1931) представляет собой уникальный гибрид литературных жанров – смешение модернистского романа потока сознания, путевых заметок и псевдодокументального отчета о путешествии. В докладе были рассмотрены механизмы функционирования смешанных форм в масштабе всей композиции текста.

Н.А. Фатеева проанализировала основной прием создания неологизмов у В. Мельникова – муфтолингва (или муфталингва), который позволяет порождать контаминированные образования из корней и основ, взятых из разных языков в разные исторические эпохи.

Конференция, отвечающая основным направлениям современной гуманитарной мысли, вызвала большой интерес в отечественных и международных научных кругах. По результатам конференции планируется публикация сборника.

© 2013 г. *П.В. Королькова*

Славяноведение, № 6

КОНФЕРЕНЦИЯ ПАМЯТИ ТАТЬЯНЫ НИКОЛАЕВНЫ МОЛОШНОЙ

18 декабря 2012 г. в Отделе типологии и сравнительного языкознания Института славяноведения РАН прошла однодневная конференция, посвященная памяти д-ра филол. наук Татьяны Николаевны Молошной (1932–2010), которая проработала в Институте славяноведения 50 лет, до самой своей смерти. 14 декабря 2012 г. исследовательнице исполнилось бы 80 лет. Она опубликовала пять монографий и 130 статей по проблемам машинного перевода, по грамматике и синтаксису славянских, балканских и германских языков.

В конференции приняли участие сотрудники Отдела, коллеги и друзья Т.Н. Молошной из других академических институтов. В докладе *Т.М. Николаевой* «Научная жизнь Т.Н. Молошной. Этап первый» воспоминания сопровождалась оценкой ранних трудов лингвистики. Все это докладчица вписала в общий контекст лингвистической жизни 1950–1960-х годов и в историю развития машинного перевода в России (которым сама Татьяна Михайловна занималась в конце 1950-х годов в Институте вычислительной математики АН СССР). Докладчица поделилась неизвестными фактами о ранней истории Института славяноведения и добавила интересные штрихи к портретам выдающихся лингвистов – В.В. Виноградова, А.А. Реформатского, В.Н. Топорова и Вяч.Вс. Иванова.

В 1955 г. Т.Н. Молошная окончила романо-германское отделение МГУ, где изучала английский, нидерландский и исландский языки и поступила на работу в Отдел машинного перевода Математического института им. Стеклова АН СССР. Ее кандидатская диссертация (руководитель А.А. Реформатский) и первые публикации, выступления на конференциях носили новаторский характер – они были посвящены проблеме вычленения синтаксических фрагментов и сравнения их в разных языках для последующего машинного перевода. Имя Т.Н. Молошной, как отметила Т.М. Николаева, было хорошо известно в гуманитарных кругах, ее статьи публиковались в журнале «Вопросы языкознания», переводились на английский язык и даже сопоставлялись с работами Н. Хомского тех лет.

В декабре 1960 г. Т.Н. Молошная пришла в только что созданный Сектор структурной лингвистики, руководил которым В.Н. Топоров. В 1962 г. вместе с Вяч.Вс. Ивановым, В.Н. Топоровым, Т.В. Цивьян и другими Татьяна Николаевна участвовала в кетской экспедиции (мемуары об этой поездке она опубликовала в юбилейном сборнике Института «Как это было. Воспоминания сотрудников Института славяноведения». М., 2007). Вместе с Т.М. Николаевой и З.М. Волоцкой она стала автором монографии, посвященной исследованию письменной формы русского языка «Опыт описания русского языка в его письменной форме» (М., 1964). Т.Н. Молошная активно включилась и в работу по рецензированию иностранных трудов, чему В.Н. Топоров придавал огромное значение, – по словам Т.М. Николаевой, он приносил в сектор стопки книг и предлагал их коллегам для написания рефератов и обзоров. В сборнике 1962 г. «Структурно-типологические исследования» опубликовано всего 42 рецензии, при этом в разделе «Общее языкознание» из 17 рецензий четыре написаны Т.Н. Молошной, в разделе «Языкознание и смежные науки» из 16 рецензий – две. Ее же перу принадлежит обзор, посвященный трудам по грамматике Ю.С. Маслова и А.В. Исаченко (см. «Лингвистические исследования по общей и славянской типологии». М., 1966), ученых, на работы которых исследовательница опиралась в сравнительно-типологических исследованиях.

В заключение Т.М. Николаева отметила, что научное творчество Т.Н. Молошной – это продолжение ее личности, личности очень цельной, и это отразилось на выборе сферы исследований и на тематике работ. Открытость и коллегиальность, педантизм и скромность характеризовали научную деятельность Татьяны Николаевны; подробный анализ всех точек зрения и история вопроса, четкость и логичность изложения – типичная черта ее научного стиля.

В докладе *И.А. Седяковой* «Проблемы болгаристики в трудах Т.Н. Молошной» внимание было сосредоточено на следующем этапе творческого пути исследовательницы, когда Татьяна Николаевна обратилась к болгарскому языку. Этот славянский язык в силу своей балканской специфики (анализизм, особые формы притяжательности, категория определенности, развитая система глагольных времен и наклонений и др.) дал Т.Н. Молошной возможность использовать наработки в области германистики и машинного перевода для типологических исследований славянских языков.

Исследовательницу интересовали прежде всего такие грамматические и синтаксические аспекты, которые выделяют болгарский язык в кругу других славянских языков и сближают его с балканскими языками. Первые работы Т.Н. Молошной по болгаристике относятся к началу 1960-х годов, когда интерес к типологии и к выработке методологии был очень велик, что видно из изданий Сектора того времени. Сборник «Структурно-типологические исследования» (М., 1962) открывался вводной программной статьей о методах и задачах структурно-типологических исследований. Т.Н. Молошная в этом сборнике опубликовала статью «Грамматическая конфигурация», которая написана на материале англо-русских машинных переводов, но уже задает тон последующим типологическим исследованиям в области славистики.

Словосочетания стали для Т.Н. Молошной, очевидно, первой большой темой, которая обозначалась в публикации в начале 70-х статьи «Двухкомпонентные субстантивные образования аппозитивного типа в балканских языках» (см. Симпозиум по грамматической типологии современных балканских языков. 15–16 января 1974. Предварительные материалы. М., 1973), а затем развивалась в монографиях «Субстантивные словосочетания

в славянских языках» (М., 1975) и «Адъективные словосочетания в славянских и балканских языках» (М., 1985) и в докторской диссертации «Синтаксическая и лексическая семантика именных словосочетаний в современных славянских языках» (М., 1996). Исследовательница выбирает однородные и единообразные схемы анализа, стремясь дать «индивидуальное описание синтаксиса языка с выделением его специфики, которая понимается как отличное от некоторого общего “ядра”, характеризующего группу языков» («Субстантивные словосочетания в славянских языках», с. 3).

Притяжательность (посессивность) и способы ее выражения – еще одна важная тема Т.Н. Молошной в рамках общей работы Отдела. В коллективной монографии «Категория посессивности в славянских и балканских языках» (М., 1989) ею написана глава «План выражения категории посессивности» (при участии Т.М. Николаевой, которая проанализировала старославянский и словенский языки). Среди славянских языков Т.Н. Молошная особое место уделяет болгарскому, в котором наблюдаются последовательные пары полных и кратких притяжательных местоимений. Она останавливается подробнее на выражении посессивности в терминах родства, которые в притяжательной конструкции используются в определенной или неопределенной форме согласно строгим правилам.

Категория определенности рассматривалась Т.Н. Молошной и в других работах, посвященных сопоставлению артиклей в болгарском и шведском языках и более общим теоретическим вопросам.

Значительное место в научном наследии Т.Н. Молошной занимают труды по глагольным категориям болгарского и других языков, в том числе по некатегориальным значениям грамматических категорий глаголов и транспозиции времен и наклонений.

Т.Н. Молошная участвовала и в разработке общих для сектора тем по изучению фольклора и семантической ауры имени собственного. И здесь она обращала внимание прежде всего на область грамматики. В первом томе издания «Загадка как текст» (М., 1993) Т.Н. Молошная публикует статью по синтаксису простого предложения в болгарских и русских загадках. Исследовательница обозначила важную и большую тему в сопоставительной русско-болгарской антропонимии, обратившись к анализу уменьшительных суффиксов в работе «Имя: внутренняя структура, семантическая аура, контекст» (М., 2001).

Глагольная тематика была подробнее рассмотрена в докладе *М.М. Макарецва*, который сосредоточился на проблеме болгарской грамматической категории эвиденциальности в исследованиях Т.Н. Молошной. Эвиденциальность – это грамматическая категория, указывающая на способ доступа говорящего к передаваемому им сообщению (прямое наблюдение, логический вывод на основании общих знаний или наблюдаемой информации, передача с чужих слов). В болгарской грамматической традиции эвиденциальность рассматривается в качестве одного из наклонений – так называемого пересказывательного. Проблема эвиденциальности посвящены обзорные работы Т.Н. Молошной «Категория пересказывания болгарского глагола (обзор)» (Советское славяноведение. 1989. № 2) и «Синтаксические способы выражения косвенных наклонений в современных славянских языках» (*Вяч. Вс. Иванов, Т.Н. Молошная, А.В. Головачева, Т.Н. Свешникова*. Этюды по типологии грамматических категорий славянских языков. М., 1995), в которых она дала практически исчерпывающий обзор существовавших к тому времени исследований по болгарской эвиденциальности. Критический анализ существовавших концепций и собственное исследование, выполненное, правда, на основе вторичного материала, позволил Т.Н. Молошной выработать сбалансированный и непротиворечивый взгляд на грамматическую эвиденциальность в болгарском языке, учитывающий полифункциональность этой категории (эвиденциальные формы могут выражать как умозаключение, так и передачу чужого сообщения). М.М. Макарецв подчеркнул, что несмотря на определенную ограниченность этого взгляда, по ряду объективных причин не принимающего во внимание отдельные аспекты реального функционирования эвиденциальных форм в живой речи, концепция Т.Н. Молошной до сих пор имеет несомненную ценность.

Д.В. Сичинава в докладе «Славянский плюсквамперфект в параллельном корпусе» в качестве отправной точки избрал единственную работу Т.Н. Молошной, специально посвященную плюсквамперфекту «Плюсквамперфект в системе грамматических форм

глагола в современных славянских языках» (Русистика. Славистика. Индоевропеистика. Сборник к 60-летию А.А. Зализняка. М., 1996). Эта работа, являющаяся одним из первых на русском языке систематических обзоров славянского плюсквамперфекта, во многом предвосхитила развивающиеся в последнее десятилетие исследования в этой области. Основной задачей доклада Д.В. Сичинавы было провести сравнительный анализ функционирования плюсквамперфектных конструкций (включая русскую конструкцию с частицей *было*) на основе материала параллельных русско-польского, русско-украинского и русско-белорусского корпусов в составе русского национального корпуса. Такой анализ, ставший возможным с распространением компьютерных технологий обработки текста и корпусной лингвистики, позволяет выявить, наглядно продемонстрировать и квантифицировать нетривиальные сходства и различия в функционировании грамматических единиц, особенно таких, которые встречаются в текстах с невысокой частотностью. Д.В. Сичинава, в частности, показал, что русские конструкции с *было* и польский плюсквамперфект максимально противопоставлены по своим функциям, в то время как украинский и белорусский (литературные) языки демонстрируют как определенную близость к русскому (особенно к его более ранним историческим стадиям), так и ряд сходств с польским, возможно, объясняемых контактным влиянием.

Наконец, П.М. Аркадьев в докладе «О некоторых особенностях литовского перфекта» отталкивался не столько от трудов Т.Н. Молошной, сколько от областей, оказавшихся за пределами ее интересов, — категории перфекта и балтийских языков. В докладе были на сравнительном материале проанализированы два характерных свойства литовских сложных перфектных времен, к которому ранее не привлекалось внимания исследователей: семантическая ограниченность литовского перфекта результативным и экспериенциальным значениями и нетривиальное взаимодействие перфекта с отрицанием. Важным отличием литовского перфекта от аналогичных форм в других европейских языках, в частности английского и болгарского, является невозможность выражения с помощью перфекта значения начавшейся в прошлом и продолжающейся в настоящем длительной ситуации. Кроме того, П.М. Аркадьев рассмотрел семантические и формальные особенности взаимодействия перфектных конструкций с отрицанием. Отрицание перфекта может иметь два различных значения: отрицание релевантности прошлой ситуации для настоящего («верхняя» интерпретация) и релевантность для настоящего отрицания прошедшей ситуации («нижняя» интерпретация). Отличие литовского языка от английского, болгарского и латышского состоит в том, что если последние не имеют формальных средств противопоставления двух значений отрицательного перфекта (отрицательный показатель в обоих случаях имеет фиксированную позицию), то в литовском при «верхней» интерпретации отрицательный префикс присоединяется к вспомогательному глаголу, а при «нижней» — к причастию.

Однодневная конференция памяти Татьяны Николаевны Молошной стала данью ее творческой личности, осмыслением ее лингвистического наследия и одновременно актуализацией родственных ей исследовательских тем в работах молодых языковедов.

© 2013 г. П.М. Аркадьев, И.А. Седакова

К 90-ЛЕТИЮ ЕЛЕНЫ ЗАХАРОВНЫ ЦЫБЕНКО

В январе 2013 г. исполнилось бы 90 лет заслуженному профессору Московского университета, доктору филологических наук, известному российскому слависту Елене Захаровне Цыбенко. Талантливый исследователь польской литературы и русско-польских взаимоотношений, авторитетный и пользующийся уважением университетский преподаватель, Елена Захаровна стояла у истоков возникновения советской полонистики.

Е.З. Цыбенко родилась 2 января 1923 г. в Детском Селе (знаменитое Царское Село, ныне г. Пушкин) Петроградской области в семье военнослужащего. Среднюю школу закончила в 1940 г. в Ленинграде и поступила на филологический факультет Ленинградского университета. В годы войны она продолжила учебу в Свердловском университете (1942–1943), а затем перевелась на филологический факультет МГУ, который закончила в 1945 г. Уже в молодые годы круг ее научных интересов был необычайно широк: наряду с русской филологией Е.З. Цыбенко проявила активный интерес к славистике, особенно к изучению польской литературы и культуры. После возникновения в Московском университете кафедры славянской филологии она в числе первых ее аспирантов занялась полонистикой, специализируясь в области польской литературы. С 1948 г. трудовая деятельность Е.З. Цыбенко связана с родным университетом. В 1951 г. она успешно защитила кандидатскую диссертацию о творчестве Б. Пруса, а годом позже, получив должность доцента, стала во главе кафедры славянских литератур (1952–1964). В 1980–2000 гг. она возглавляла секцию славянских литератур на кафедре славянской филологии.

Большая преподавательская работа в стенах университета сочеталась с серьезной деятельностью по популяризации польской книги в России. Е.З. Цыбенко принимала активное участие в подготовке изданий шедевров польской классики: она составитель и автор предисловий собраний сочинений Б. Пруса, Э. Ожешко, с ее предисловиями и послесловиями появились десятки изданий романов Б. Пруса «Кукла» и «Фараон», неоценимый вклад внесла Е.З. Цыбенко в работу редколлегии собрания сочинений Г. Сенкевича в девяти томах (ей также принадлежат комментарии к одному из томов этого издания).

Столь же серьезна роль Е.З. Цыбенко в пропаганде и борьбе за издание наследия современных польских писателей. Как ведущий специалист по польской литературе она вошла в состав редколлегии 30-томной «Библиотеки польской литературы».

Для Елены Захаровны восприятие польской литературы в России всегда было живым и активным процессом, воспринимаемым как органическая часть литературного сознания общества. Будучи крупным знатоком польской культуры, она внимательно следила за тем, что говорится и пишется о Польше у нас, и для всех друзей польского искусства она старалась открыть такую Польшу, не любить которую невозможно.

Е.З. Цыбенко всегда интересовали проблемы исторического развития и национального своеобразия польской классической литературы, а также традиции и новаторство в художественном творчестве. Ее перу принадлежат фундаментальные труды, посвященные различным проблемам польского романа XIX в. Не случаен и выбор темы ее докторской диссертации – «Польский социальный роман 40–70-х годов XIX века» (1969). Созданная на основе диссертационного сочинения книга (1971) под тем же названием получила высокую оценку не только отечественных, но и зарубежных специалистов. Впервые в труде российского полониста во всем объеме были проанализированы идейные аспекты и социальные функции изображенной действительности в художественной литературе, в формах романного повествования, а также генезис и некоторые особенности формирования реализма в польской литературе XIX в. Она представила широкую панораму развития польской литературы в 40–50-е годы XIX столетия и на этом фоне показала формирова-

ние концепции польского социального романа в литературной критике, а также становление и развитие социального романа на примере творчества Юзефа Игнация Крашевского и Юзефа Коженёвского. Научный опус российского полониста отличался великолепным знанием эпохи, историко-литературных фактов и процессов развития польской литературы. Используя комплексный метод исследования, Е.З. Цыбенко учла весь объем литературных явлений, проанализировала творчество и менее известных писателей и критиков, необходимых для соответствующего понимания тогдашней литературной жизни. Эта книга – пример необыкновенной точности и аналитического мастерства, она вносит в историю польской литературы новый материал, дает импульс к исследованиям в области теории романа.

Е.З. Цыбенко была ученым с широким славистическим кругозором. Широта охвата изучаемых явлений особенно важна в компаративистских исследованиях, где необходимо знание нескольких языков и литератур, свободная ориентация в тенденциях развития мирового литературного процесса. Весом вклад Е.З. Цыбенко в изучение польско-русских литературных связей. И в этой области диапазон интересов широк: она всесторонне проанализировала и прокомментировала восприятие творчества польских классиков в России (А. Мицкевича, Э. Ожешко, Б. Пруса, Г. Сенкевича, М. Конопницкой, С. Пшибышевского, С. Жеромского, В. Реймонта и др.) и русской литературы в Польше, исследовала рецепцию российским читателем и критиками современной польской литературы. Монография «Из истории польско-русских литературных связей XIX–XX вв.» (1978) – подведение некоторых итогов сравнительного изучения Цыбенко польской и русской литературы. В центре ее внимания оказались контактные и типологические литературные связи на историческом и идеологическом фоне. Книга российского ученого убедительно показала, что компаративистские исследования не могут существовать сами по себе, но служат для выявления имманентных законов и процессов развития какой-либо литературы, определения ее национальных особенностей и соотносённости с другими литературами.

Исследования ученого последнего десятилетия XX в. открывают новую в нашем литературоведении тему: изучение импульсов польской литературы в творчестве русских писателей («Станислав Пшибышевский и русская модернистская проза», 1992; «Взаимосвязи польской и русской модернистской прозы рубежа XIX и XX веков (Пшибышевский, Берент, Брюсов, Арцыбашев, Белый)», 1993; «Романы “Quo vadis” Генрика Сенкевича и “Алтарь победы” Валерия Брюсова», 1995 и др.).

Объем научных трудов Е.З. Цыбенко внушительен: она является автором более 300 работ, часть которых опубликована в Польше, Германии и Югославии. Помимо отмеченных трудов, она – автор монографических исследований «Особенности польской и русской романтической прозы 1830–1840 гг.» (1973), «Тургенев и польская литература» (1983). Внимание специалистов привлекли работы Е.З. Цыбенко, посвященные проблемам современной польской литературы.

Многолетний опыт преподавателя нашел обобщение и отражение при создании ряда учебников и учебных пособий. Е.З. Цыбенко написаны очерки истории польской литературы 1870–1917 гг., монографические разделы о творчестве Э. Ожешко, Б. Пруса, Г. Сенкевича и И. Реймонта для «Курса лекций по истории зарубежных литератур. 1870–1917 гг.» (1956), а также глава о польской литературе XX в., опубликованная в «Истории зарубежных литератур после Октябрьской революции. 1945–1970» (1978). Она – один из авторов двухтомного академического исследования по истории польской литературы, подготовленного Институтом славяноведения и балканистики (главы «Элиза Ожешко» и «Болеслав Прус», 1968–1969).

Много сил и энергии отдавала Е.З. Цыбенко организации научной и педагогической работы на филологическом факультете МГУ. Она читала лекции по истории польской литературы, курс «Взаимосвязи литератур западных и южных славян с русской литературой». Польско-русские литературные контакты» для студентов и аспирантов, специализирующихся в области сравнительного литературоведения, спецкурсы «Творчество Болеслава Пруса», «Развитие польского романа в XIX веке», «Романы Генрика Сенкевича» и др. Отличительной чертой Цыбенко-педагога была ее углубленность и отзывчивость,

доверие к молодым коллегам, постоянная забота и внимание, которые она проявляла к их научному становлению и развитию. Многие ее воспитанники стали хорошими специалистами, получившими признание в полонистике. Под ее руководством были написаны и защищены 17 кандидатских и 2 докторские диссертации. Ученики Е.З. Цыбенко работают не только в нашей стране, но и в странах ближнего зарубежья. Елену Захаровну с полным основанием можно назвать создателем отечественной школы литературоведческой полонистики.

Одной из важных сфер научно-педагогической деятельности Е.З. Цыбенко была ее работа научного руководителя учебно-научной лаборатории «Русская литература в современном мире» (1976–2000). Благодаря ее стараниям и под ее редакцией регулярно выходили коллективные исследования сотрудников лаборатории и других преподавателей филологического факультета МГУ, первоначально посвященные анализу восприятия нашей литературы за рубежом, а позже – и проблемам литературы русского зарубежья. Под руководством Е.З. Цыбенко сотрудники лаборатории принимали активное участие в подготовке и проведении многих международных научных конференций и симпозиумов.

Е.З. Цыбенко – яркий пример того, как один человек реально может совмещать напряженную научно-педагогическую и организаторскую работу. Она была инициатором и редактором многих коллективных сборников, подготовленных совместно с учеными Варшавского университета, в частности «Романтизм в славянских литературах» (1973), «Традиции и новаторство в славянских литературах XX века» (1976), «Русская и польская литература конца XIX – начала XX века» (1981). Е.З. Цыбенко была организатором сотрудничества с Варшавским и Ягеллонским университетами. Она была участником многих съездов славистов и конгрессов МАПРЯЛ, выступала с лекциями в Белорусском государственном университете, Львовском государственном университете, а также за рубежом – в Варшавском, Ягеллонском, Силезском, Торунском университетах (Польша), университете им. Гумбольдта в Берлине (Германия).

Хорошо известна деятельность Елены Захаровны как члена редколлегии в журнале «Вестник Московского университета. Серия 9. Филология», а также многолетняя работа в реферативном журнале «Общественные науки за рубежом» (ныне «Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литературы. Серия Литературоведение»). Е.З. Цыбенко активно сотрудничала с Институтом славяноведения РАН (была членом диссертационного совета, выступала с докладами на конференциях, участвовала в коллективных научных трудах Института).

Научная деятельность проф. Е.З. Цыбенко получила международное признание. За вклад в укрепление польско-советской дружбы, в развитие научного сотрудничества между ПНР и СССР польское правительство наградило ее в 1974 г. «Кавалерским Крестом ордена Возрождения Польши». В 1998 г. Е.З. Цыбенко была награждена «Командорским Крестом со Звездой ордена Заслуги Республики Польши». За особые заслуги в популяризации польской литературы и культуры в России Общество сотрудничества «Польша – Восток» отметило российского полониста медалью «Мицкевич – Пушкин» (2001), а в 2003 г. Сенат Варшавского университета наградил ее медалью Варшавского университета. С 1987 г. Е.З. Цыбенко являлась почетным членом Литературного общества им. Генрика Сенкевича (Польша).

Вспоминая общение с Е.З. Цыбенко, понимаешь, что этому человеку были чужды недоброжелательность и прязнность. Ее вниманию и интересу к развитию современной науки о литературе мог бы позавидовать самый активный молодой исследователь. Занятия по польской литературе для многих ее учеников стали подлинными уроками духовности и нравственности. У нее получали не только необходимые знания в конкретной области, но и нечто более ценное – как использовать, распорядиться этим знанием, как преподавать, как овладеть научным подходом к предмету. Светлая память о Елене Захаровне Цыбенко сохранится в сердцах ее учеников, коллег и товарищей, для которых она навсегда останется идеалом человека и ученого.

К ЮБИЛЕЮ СВЕТЛАНЫ МИХАЙЛОВНЫ ТОЛСТОЙ

Подготовка Светланы Михайловны Толстой к научной деятельности началась на филологическом факультете МГУ (1956–1961). Занимаясь русской филологией, она параллельно изучала славянские языки, литовский, древнегреческий, санскрит, слушала спецкурсы по индоевропеистике и славистике, а дипломную работу написала об истории славянского именного типа с суффиксом **ti* (научный руководитель Н.М. Шанский).

По окончании университета Светлана Михайловна поступила в Институт славяноведения РАН (1961), с которым и по сей день связана ее научная судьба. Сначала она была сотрудником сектора структурной типологии славянских языков, где занималась фонологической типологией. Возглавлял сектор в те годы В.Н. Топоров, под руководством которого она написала и в 1968 г. защитила кандидатскую диссертацию «Начальные и конечные сочетания согласных в славянских языках».

С первых лет своей работы в Институте С.М. Толстая участвовала в экспедициях Института славяноведения в Полесье, организатором которых был Н.И. Толстой. В Полесье соединились научные и личные судьбы Никиты Ильича и Светланы Михайловны. С именем и личностью Н.И. Толстого связан интерес Светланы Михайловны к славянской этнолингвистике: основы этого научного направления разрабатывались супругами Толстыми с 1970-х годов.

После защиты кандидатской диссертации и до 1978 г. Светлана Михайловна занималась славянской морфонологией в секторе славянского языкознания, которым руководил С.Б. Бернштейн. В 1978 г. она перешла в отдел этнолингвистики и фольклора, где трудится уже 35 лет, из них 20 – в качестве заведующей отделом.

В 1993 г. С.М. Толстая защитила докторскую диссертацию «Славянская морфонология: основные идеи, методы и результаты». С 1996 г. она ответственный редактор словаря «Славянские древности», серии «Славянский и балканский фольклор». В 1998–2003 гг. она вела в МГУ спецкурсы «Славянская этнолингвистика» и «Славянская народная антропология». В 2004 г. ей было присвоено звание профессора. Под ее руководством защищены шесть кандидатских диссертаций. Светлана Михайловна – иностранный член Сербской академии наук и искусств; член Национального комитета славистов РФ; сопредседатель комиссии по этнолингвистике при Международном комитете славистов (МКС); член комиссии по фольклору при МКС. Работает в редколлегиях журналов «Живая старина», «Известия Отделения литературы и языка РАН», «Вопросы ономастики», «Etnolingwistyka».

Диапазон научных увлечений С.М. Толстой очень широк, она автор более 770 научных трудов. Несмотря на многообразие проблематики, ее творчество целостно и гармонично. Вырастая из традиций классической филологической науки, оно неповторимым образом реагирует на многообразие нового, питается интересом к самым разным сторонам устройства языка и его культурным функциям; в нем живет внимание к трудам близких и далеких коллег, любовь к ученикам и к «простым» людям, сохраняющим древнюю культуру.

Из различных интересующих Светлану Михайловну областей науки для нее особо значимы морфонология, этнолингвистика, семантика и лексикография.

Наиболее существенные результаты в области **морфонологии** представлены в монографии «Морфонология в структуре славянских языков» (1998). В этой области, как и в других сферах научного поиска, для Светланы Михайловны важны возможность разработки темы в общеславянской перспективе и праславянской ретроспективе, ее дискуссионность, лингвистическая многоаспектность, насыщенность вопросами, требующими нетривиальных решений, а также выход на согласованное описание языка на всех его уровнях. С.М. Толстая разрабатывает концептуальный аппарат славянской морфонологии, дает пример целостного морфонологического описания одного из славянских языков (польского), осуществляет сравнительно-типологический анализ отдельных участков морфонологических систем славянских языков, показывает контуры праславянских морфонологических моделей в словоизменении и словообразовании современных славянских языков.

Этнолингвистика, предмет и задачи которой в мировой науке трактуются разнообразно, обрела определенность и результативность в том направлении, которое сложилось в славистике. «Флагман» этого направления – Московская этнолингвистическая школа Н.И. и С.М. Толстых, сформулировавших постулаты науки и предложивших основные способы представления ее результатов – этнолингвистический словарь и атлас. «Толстовская» этнолингвистика родилась не столько в «кабинете», сколько в «поле» – главным образом в Полесье.

В трудах Толстых этнолингвистика – комплексная дисциплина, оперирующая данными различных культурных кодов (естественный язык, ритуал, верования) и нацеленная на реконструкцию традиционных представлений о мире в их единстве и ареальной вариативности. Работы С.М. Толстой имеют основополагающее значение для создания метаязыка и категориального аппарата этнолингвистики. Ею проанализированы категории языка культуры и специфические явления из области его семантики и прагматики: знак в языке культуры, код, функция, системные отношения знаков, культурная семантика и этимология, этимологическая магия, признак, стереотип, текст, точка зрения, региональные формы культуры и др.

Помимо разработки теоретических понятий, Светлана Михайловна занимается конкретными этнолингвистическими сюжетами, которые постепенно связываются в концептуальные цепочки: время и календарь, число и счет, магическая и ритуальная речь, имя, предметы и др. Труды по общим вопросам этнолингвистики и тематические блоки из частных сюжетов собраны в монографии «Семантические категории языка культуры. Очерки по славянской этнолингвистике» (2010).

Начав с изучения терминологии обрядов и верований, Светлана Михайловна обратилась к реконструкции культурных значений «обычных» слов – *веселый, кривой, ходить, свой* и т.п. Так интерес к этнолингвистике привел ее к языковой **семантике**, которой она наиболее углубленно занимается в последние 15 лет. Результаты этих исследований, значимых для системной семантики, сравнительной славянской семасиологии, семантической реконструкции и этимологии, представлены в цикле статей и монографии «Пространство слова: Лексическая семантика в общеславянской перспективе» (2008).

Светлана Михайловна выделяет качественно новый тип словесных групп – *лексико-семантическое макрогнездо* – комплекс деривационных гнезд праславянских корней, элементы которого вступают друг с другом в «партнерские» отношения (антонимии, синонимии, аналогии и др.). Их изучение позволяет увидеть особенности организации лексической системы в масштабе группы языков и на исторической глубине, а кроме того, пролить свет на механизмы многозначности: появляется возможность восстановить смысловую эволюцию слова с помощью семантических параллелей и семантических дериватов в родственных языках (см. работы о гнездах *сухой, пресный, пустой, играть и гулять, труд и мука, крас- и цвет-, мир- и свет-, глухой и слепой* etc.).

Пространство лексической семантики рассматривается ею во взаимодействии с пространством культуры. Здесь реализуются два пути анализа: от слова или фразеологизма к

культурным смыслом, «надстроенным» над лексической семантикой (ср. блестящие этюды «Лито-накапано», «Нашлось дитя», «Бренное тело, или Из чего сотворен человек» и др.); от смысла к слову, что позволяет представить всю полноту языкового выражения культурных концептов (например, концепты судьба, душа, имя, грех, смерть и др.).

Системно-структурный взгляд Светланы Михайловны на язык и культуру не мог не найти **лексикографического** воплощения, а этнолингвистическое «целесолагание» побудило к поиску особых словарных жанров. В ее творчестве представлены два таких жанра. Применительно к «языковой» этнолингвистике это жанр этнодиалектного словаря, описывающего народную календарную терминологию Полесья («Полесский народный календарь», 2005). Свод календарной терминологии, основанный преимущественно на полевом материале, выявляет разнообразие имен собственных (хронимов) и нарицательных, «обслуживающих» календарь, закрепляет их на карте Полесья, показывает системные отношения между хронимами, обнаруживает стоящие за ними ритуальные практики и др.

Второй словарный жанр, разработанный С.М. и Н.И. Толстыми и их учениками и коллегами, воплотился в этнолингвистическом словаре «Славянские древности». Здесь объект толкования шире, чем слово: это знак символического языка культуры – предмет, признак, действие и др., который наделяется в культурных контекстах особыми смыслами и функциями. «Славянские древности» – фундаментальный пятитомный труд, вошедший в золотой фонд славистики, который успешно завершен в 2012 г. Ответственным редактором 1-го тома был Н.И. Толстой, в дальнейшем эту работу взяла на себя Светлана Михайловна, которой в этом словаре принадлежат более 120 статей.

Эти основные сферы научной деятельности Светланы Михайловны тесно связаны с другими областями ее творчества, образующими столь обширное поле, что даже простое и далеко не полное перечисление тематики впечатляет масштабом и разнообразием. Славянская и балтийская диалектология и ареалогия, изучение «географического пространства культуры»: структурные методы в ареалогии; диалекты на языковом пограничье; современное состояние диалектологических исследований – на примере польских, полесских, сербских говоров; диалектные явления в славянских и балтийских языках на различных уровнях системы; праславянские рефлексы в диалектах славянских языков; диалектные ареалы литературных слов; диалектная лексикография; этнолингвистическое картографирование. Фонетика и фонология: уровни фонологического различия; синтагматическая фонология; фонетические и фонологические явления в славянских и балтийских диалектах; фонология рифмы; фонетика и нейролингвистика. Словообразование: славянские словообразовательные типы и модели; трансформация грамматических категорий при словообразовании. Сравнительные и типологические исследования в лингвистике и этнолингвистике: фонологическая и морфонологическая типология славянских языков; межславянские параллели в лексике и грамматике; этнолингвистические соответствия на межславянском и балтийско-славянском уровнях; внешние этнолингвистические соответствия. Фольклористика: фольклор и этнолингвистика; фольклор и естественный язык; структура, прагматика и сюжетика фольклорных текстов; фольклорные образы и концепты. Семиотика культуры и этнография: взаимодействие подязыков культуры; структура и семиотика магических практик и ритуала; мотивы верований. Персоналии, комментарии к творчеству (не считая рецензий): история науки (Д.К. Зеленин, В.И. Мансикка, Йован Раич, Н.С. Трубецкой), современники (Е. Бартминьский, Р. Гжегорчикова, Л.М. Ивлева, Т.В. Назарова, Г. Поповская-Таборская, О.А. Седакова, Л.А. Софронова, А.Е. Супрун, В.Н. Топоров и др.).

Чем бы ни занималась Светлана Михайловна, она стремится выстроить структурную модель объекта исследования, помогающую найти кратчайший путь к отраженному в нем смыслу, разгадать стоящий за ним код. Понятие кода – ключевое для творчества С.М. Толстой. Оно относится к аппарату семиотики (ставшей не только в буквальном, но и в переносном смысле «знаковой» для лингвистов-«шестидесятников») и отражает стремление Светланы Михайловны свести многообразие проявлений объекта

исследования к некоторому «словарю», проливающим свет на содержание объекта и на закономерности его устройства.

Светлане Михайловне присуще чувство ответственности не только за собственное научное дело и дело своей школы, ближайших коллег и учеников, но и за судьбу науки в целом. Она отдает много времени и сил экспертизе научных работ, рецензирует научные публикации, поддерживает и пропагандирует идеи коллег, полемизирует с ними, проявляя при этом принципиальность, тонкое внимание к чужому мнению и душевный такт.

Чем более масштабны и значительны дела, тем виднее стоящий за ними человек. Светлана Михайловна – гордость нашей науки. Ей присуще постоянное стремление учиться, не поучая никого вокруг, – но тем поучительней оказывается ее научная и нравственная позиция. Она высоко ценит индивидуальную свободу – но ее дела служат примером коллегиальности в науке. Она очень не любит быть объектом внимания – но ее преданность науке, научным традициям вызывает глубокое уважение у друзей и коллег, ее доброта и сердечность притягивают, ее личность восхищает. От души желаем ей крепкого здоровья и многих лет вдохновенного творчества.

© 2013 г. Е.Л. Березович, А.М. Молдован

Дирекция и коллектив Института славяноведения РАН, редколлегия и редакция журнала «Славяноведение» присоединяются к поздравлению и желают Светлане Михайловне здоровья и творческих успехов.

ПАМЯТИ ЛЮДМИЛЫ АЛЕКСАНДРОВНЫ СОФРОНОВОЙ (1941–2013)

Всего два года тому назад мы отмечали – в том числе и на страницах нашего журнала – юбилей Людмилы Александровны Софроновой. А теперь она ушла от нас навсегда. Ушел Ученый с большой буквы, человек щедрой души и доброго сердца, прекрасная и мудрая женщина, прослужившая (она всегда использовала именно это слово – «служить», а не «работать») в Институте славяноведения всю свою жизнь.

Людмила Александровна пришла в Институт юной выпускницей филологического факультета МГУ, а позже в течение почти двух десятилетий возглавляла Отдел истории культуры славянских народов. Однако она никогда не была только руководителем Отдела, она была именно неформальным лидером, главным вдохновителем и инициатором многочисленных исследовательских проектов по изучению категорий и концептов славянской культуры. Ее – как почти всех представителей ее поколения – всегда отличала верность научным идеалам юности и чувство ответственности.

Спектр ее научных интересов был довольно широк: она известна как автор монографий о Н.В. Гоголе и Г. Сковороде, в то же время многие театроведы знают ее как вдумчивого исследователя драматургии и театральной культуры славянских народов XVII–XIX вв. – этим сюжетам посвящены шесть из девяти ее монографий. Отдельные важные направления ее научной деятельности – изучение славянского барокко и польского романтизма, поэтики культуры и проблем культурного пограничья. В Польше она известна как полонист, коллеги с Украины обращались к ней за консультациями как к украинисту.

Людмила Александровна была наделена талантом организатора науки, аналитическим умом, мастерством текстолога и кругозором историка культуры в том смысле, в каком интерпретировали культуру Д.С. Лихачев и Ю.М. Лотман (символично, что в Диссертационном Совете у Ю.М. Лотмана она защитила кандидатскую диссертацию, а в Пушкинском Доме, у Д.С. Лихачева – докторскую).

Но ей был присущ еще более редкий и драгоценный дар – человеческого обаяния и способность к диалогу. Она бесконечно, терпеливо и тактично помогала очень многим – коллегам по Отделу, молодым сотрудникам; всегда охотно консультировала и редактировала статьи, книги и диссертации. Трудно сосчитать число кандидатских и докторских, которые она оппонировала, а сколько написано отзывов, рекомендаций, предисловий! А ведь это та часть нашей работы, которая невидима, незаметна и непоощряема... Эта отзывчивость удивительным образом сочеталась в ее характере с научной принципиальностью, умением жестко отстаивать свои взгляды и убеждения, а также избранные методы изучения истории культуры с точки зрения механизмов ее развития и трансформации. В центре ее анализа и реконструкций всегда находились язык и структура текста.

В то же время природный такт и деликатность позволяли ей так сформулировать замечания взволнованному диссертанту, что он видел в них стимул и вдохновение для дальнейшей работы, ощущал значимость сделанного и предстоящего. Поэтому у Людмилы Александровны всегда – а в последние годы ее жизни особенно – был очень широкий круг общения. К ней тянулись, от нее заряжались энергией. До самых последних дней она

увлеченно писала – ее новая монография посвящена знаменитому польскому мемуаристу XVII в. Я.Х. Пасеку...

Творческое наследие Людмилы Александровны без преувеличения значительно, ее вклад в историю исследования славянских культур трудно переоценить. Она имела немало наград и премий, но выше всего ценила остроту мысли, точное слово и свободу творческого самовыражения – и именно этого нам не будет хватать с ее уходом.

А мы осиротели. Эта потеря кажется тем более горькой, что она не единственная – уходит поколение, давшее Институту свои имена, цвет российской академической славистики.

Друзья и коллеги

Славяноведение, № 6

ПАМЯТИ ЕЛЕНА КОНСТАНТИНОВНЫ РОМОДАНОВСКОЙ (1937–2013)

15 января 2013 г. скончалась Елена Константиновна Ромодановская, член-корреспондент РАН, выдающийся филолог, замечательный ученый. Это невосполнимая утрата для отечественной и мировой науки, для многих из нас Елена Константиновна была не только учителем и коллегой, но и добрым другом.

Представительница знаменитой ленинградской (петербургской) школы, Елена Константиновна продолжила творческие традиции своих учителей – В.М. Жирмунского, В.Я. Проппа, П.Н. Беркова, Г.А. Бялого, Л.А. Дмитриева, И.П. Еремина, увлеченно занимаясь древнерусской книжностью в широком историко-культурном контексте, включая рукописное наследие, проблемы археографии, палеографии и текстологии. Е.К. Ромодановская создала собственную филологическую школу в Сибирском отделении РАН. Прежде всего ее привлекали процессы зарождения литературы в Сибири, происхождение и начальные этапы сибирского летописания, книжные памятники, связанные с сибирской землей, фигуры создателей сибирской книжности – этому посвящены ее книги «Русская литература в Сибири первой половины XVII в.» (Новосибирск, 1973), «Избранные труды. Сибирь и литература. XVII век» (Новосибирск, 2002) и содержательные статьи в «Словаре книжников и книжности Древней Руси». В 2001 г. в Новосибирске в качестве 10-го тома серии «История Сибири. Первоисточники» вышла в свет весьма объемная (439 с. большого формата) публикация «Литературные памятники Тобольского архиерейского дома XVII в.», подготовленная Еленой Константиновной совместно с О.Д. Журавель и послужившая своеобразным итогом ее занятий сибирской тематикой. С выходом в свет этой книги исследователи получили наиболее полный (практически исчерпывающий) корпус текстов первого столетия существования русской литературы в Сибири, начиная от «Синодика Ермаковым казакам» и кончая посланиями архиепископа Игнатия (Римского-Корсакова). Значение данной публикации для исследования, в частности, региональных особенностей литературного процесса в России XVII в. трудно переоценить.

С 1960-х годов Е.К. Ромодановская участвовала в «археографическом открытии Сибири», проводя полевые исследования и изыскания в архивных хранилищах. Благодаря Елене Константиновне в научный оборот были введены ценнейшие образцы древнерусского рукописного наследия; ей принадлежит честь открытия первоначального текста «Синодика Ермаковым казакам» (XVII в.). Многие ее исследования сопровождались публикацией малоизвестных и редких древнерусских литературных памятников.

В своей работе Е.К. Ромодановская сочетала изучение общерусской и региональной тематики, исследовала литературные процессы в тесной связи с международным историческим контекстом и фольклором. Как показала Е.К. Ромодановская (в частности, в монографии «“Повести о гордом царе” в рукописной традиции XVII–XIX вв.», Новосибирск, 1985), древнерусская притча послужила основой других жанров древнерусской литературы, в том числе «повестей» 40-х годов XVII – начала XVIII в. За монографию «“Римские деяния” на Руси» (М., 2009) она была удостоена премии им. академика Д.С. Лихачева.

Наиболее интересен для Елены Константиновны был XVII век – переломный период в развитии древнерусской литературы – от древней к новой России. Именно на примере памятников XVII в. она изучала пути развития художественной беллетристической прозы, эволюцию повествовательных жанров в русской литературе и процесс формирования национальных литературных традиций. Небольшая по объему, но чрезвычайно емкая по содержанию монография Е.К. Ромодановской «Русская литература на пороге нового времени» (Новосибирск, 1994) посвящена литературному вымыслу как важному этапу становления художественной литературы.

Неоценимым руководством для филологов и историков литературы стал разработанный Е.К. Ромодановской системный подход к изучению разнородных явлений литературы, характерных для переходного периода от средневековой книжности к литературам нового времени.

Целый этап научной жизни Е.К. Ромодановской и ее школы был посвящен созданию многотомного «Словаря сюжетов и мотивов русской литературы», охватывающего литературные памятники XI–XX вв., работу над которым она возглавила в секторе литературоведения Института филологии СО РАН. В первом выпуске собраны библейские, апокрифические, мифологические сюжеты, а также сюжеты о царях и правителях (2003). Второй выпуск (2006) содержит «Календарные сюжеты» (пасхальный и святочный) и «Западноевропейские сюжеты на русской почве», третий выпуск – «Античные сюжеты в русской литературе». Дальнейшие выпуски Словаря должны включить разделы «Сюжеты о мертвецах и загробном мире», «Сюжеты о животных, растениях и природных явлениях».

Подготовка издания сборника «Великое Зерцало» (РГНФ) – последний проект Е.К. Ромодановской – остался незавершенным.

Навсегда останется с нами ее неоценимый вклад в изучение древнерусского книжного наследия, его взаимодействия со славянскими и мировой литературами, процесса становления национальных литературных традиций. Научные достижения Елены Константиновны, ее труды всегда будут для нас примером служения науке.

© 2013 г. *О.В. Белова, В.Я. Петрухин, А.А. Турилов*

Славяноведение, № 6

ПАМЯТИ ВИКТОРА МАРКОВИЧА ЖИВОВА (1945–2013)

17 апреля 2013 г. умер Виктор Маркович Живов – человек, без которого невозможно представить отечественную гуманитарную науку последних десятилетий. Смертельный недуг обнаружился, когда ученый находился в Америке, в Беркли, отмерив ему лишь недели жизни, перечеркнув даже ближайшие планы ученого и не позволив большинству друзей и коллег в последний раз увидеться с ним. Тем не менее, пока оставались силы, Виктор Маркович продолжал работать и отвечать на звонки коллег. В мае В.М. Живов был похоронен на Переделкинском кладбище, где покоится прах его отца, известного полониста и переводчика М.С. Живова, рядом с могилой Б.Л. Пастернака.

Так случилось, что болезнь настигла Виктора Марковича в момент, когда он готовился поставить последнюю точку в многолетнем и, наверное, главном труде своей жизни – двухтомнике, посвященном истории русской письменности. Можно надеяться, что книга, которой выпало быть творческим завещанием В.М. Живова, вскоре увидит свет, увенчав собой обширное и разнообразное научное наследие ученого.

Яркой особенностью творческой личности В.М. Живова, выделявшей его среди большинства коллег по цеху, было стремление охватить единым взглядом всю историю русского языка – от первых письменных памятников до нынешнего дня, в ее непрерывной динамике и в ее консерватизме, в ее последовательной преемственности и в ее «изломах и надрывах» (по выражению В.М. Живова). Под этим взглядом изучаемый объект оказывался объемным, обладающим не только языковым, но и культурным, и социально-историческим измерением. Подобный подход стал возможен благодаря сочетанию в работах В.М. Живова широкого охвата материала с глубоким теоретическим анализом (последнее, увы, довольно редко встречается в исторической русистике). Теоретическая концепция ученого развивала положения, выдвинутые некогда Н.Н. Дурново, которого Виктор Маркович особенно почитал среди своих предшественников. В предисловии к сборнику трудов Дурново ученый писал: «История языка не была для него хаосом, убегающим от всякого системного описания, но динамической системой, которая и должна изучаться в своем системном качестве»; «Дурново понимал систему языка иным, нежели Соссюр, образом, не как множество элементов, упорядоченных исключительно своими отношениями друг к другу, но как коммуникативный механизм, выполняющий “внешние” – социальные и культурные – функции». В этих словах выражена и суть теоретического подхода самого В.М. Живова к истории языка. Древнерусская письменность, во всех ее разновидностях, была для него живой системой (или, скорее, набором систем), чье развитие определяется не только изменениями в разговорном узусе, но и множеством социально-исторических и культурных параметров.

Необычайная широта и разносторонность интересов сопровождалась у В.М. Живова весьма критическим, граничащим со скепсисом, отношением к самому себе и к результатам собственного труда. В предисловии к сборнику своих работ разных лет под названием «Разыскания в области истории и предьстории русской культуры» (2002) ученый писал, что занятия наукой учат смирению: «то, что зачаровывает тебя сегодня, обратится в ветошь завтра». Эта вечная неудовлетворенность собой в поисках истины, стремление «объять необъятное» заставляет вспомнить слова Монтеня о свойствах благородного ума: «Удовлетворенность ума – признак его ограниченности или усталости. Ни один благородный ум не остановится по своей воле на достигнутом: он всегда станет притязать на большее, и выбиваться из сил, и рваться к недостижимому [...] Его стремления не ведают четкой намеченной цели и строгих рамок, пища его – изумление перед миром, погоня за неизвестным, дерзновение». Именно такой благородный ум и дерзновение в высшей степени отличали Виктора Марковича Живова. Наверное, в этом и заключался секрет его необыкновенно яркой личности, которая останется в памяти всех, кто знал В.М. Живова, и которой нам будет очень не хватать.

П.В. Петрухин

**УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ И МАТЕРИАЛОВ, ОПУБЛИКОВАННЫХ
В ЖУРНАЛЕ В 2013 ГОДУ**

СТАТЬИ

Акимова О.А. «Господин своего языка»: о попытке строительства государства в Хорватии в конце XIII – первой половине XIV века. С. 3–10	№ 1
Андрюнина М.А. «Посольство» иного мира на земле – символика кладбища в народной культуре. С. 43–51	№ 6
Антонов В.А. Славяне и Славянская земля по скандинавским известиям XII–XIV веков. С. 14–24	№ 4
Виноградов В.Н. Триумф и драма победителя. С. 14–26	№ 3
Гибянский Л.Я. Балканские страны в перекрестье политики Гитлера и Сталина в начале Второй мировой войны: от поражения Франции до установления господства «оси» на Балканах. С. 24–42	№ 1
Гура А.В. Карпато-балканские лексические параллели в свадебной обрядности. С. 60–66	№ 4
Гусев Ю.П. Образы России в творчестве классика венгерской литературы Мора Йокаи. Размышления над книгой. С. 60–67	№ 1
Задорожнюк Э.Г. Государство и церковь: феномен паломничества в Словакии (к 25-летию «демонстрации со свечами»). С. 3–19	№ 5
Киселев М.А., Лазарев Я.А. Историографический призрак «Украинской дивизии»: к вопросу о российско-украинских отношениях в 1706–1708 годах. С. 41–50	№ 2
Ковальская Э. Традиция национальных святых Кирилла и Мефодия: возникновение и использование в политической пропаганде словацкого национализма. С. 68–78	№ 2
Кожанов К.А. История изучения глагольных префиксов в литовском языке. I. С. 70–79	№ 3
Корина Н.Б. Белорусско-словацкие языковые связи: история и современность. С. 37–42	№ 6
Косик В.И. Вардарская Македония между двумя мировыми войнами. С. 11–23. № 1	№ 1
Кочегаров К.А. К истории пребывания в России гетмана П.Д. Дорошенко в 1677–1685 годах. С. 17–33	№ 2
Кулешова М.Л. Способы выражения пейоративности в словенском и сербском языках (на материале названий лиц). С. 28–36	№ 6
Кэзан И. Румынские земли глазами русских очевидцев (с начала наполеоновских войн до Адрианопольского договора 1829 года). С. 3–13	№ 3
Лифанов К.В. Проблема диалектной основы словацкого литературного языка, кодифицированного А. Бернолаком. С. 83–90	№ 1
Макарова И.Ф. Между Россией и Балканами: молоко в миграционных потоках 60-х годов XIX века. С. 25–39	№ 4
Матвеев О.В. Некоторые итоги и перспективы изучения культуры славянского населения Кубани и Черноморья. С. 91–98	№ 1
Новосельцев Б.С. Кризис в политике неприсоединения и активизация Югославии на европейской арене в середине 1960-х годов. С. 40–48	№ 4
Петрухин В.Я. Киевское восстание 1113 года и еврейский погром (в интерпретации В.Н. Татищева). С. 3–11	№ 2
Пилипенко Г.П. Межкультурный и социолингвистический аспекты миграций в Словении. С. 3–20	№ 6
Плотникова А.А. Культурные перекрестки в народных традициях Боснии. С. 49–59	№ 4
Сазонова Л.И. Свадебные церемонии первых царей из дома Романовых. С. 51–67	№ 2

Собакина О.В. Фортепианное творчество польских композиторов первой половины XX века в контексте культурно-стилевых процессов. С. 60–69.....	№ 3
Старикова Н.Н. Поэтика инакомыслия. К ситуации модернизма в литературах Югославии. С. 76–82.....	№ 1
Таирова-Яковлева Т.Г. Представление украинской казацкой элиты о подданстве русскому царю. С. 34–40	№ 2
Тимофеев П.П. Россия и Франция на Балканах в 1990–1995 годах. С. 44–59.....	№ 3
Турилов А.А. Был ли переводчик Симеоновой эпохи пресвитер Григорий монахом? С. 12–16.....	№ 2
Узенёва Е.С. Болгары-мусульмане Средних Родоп в XXI веке: взгляд этнолингвиста. С. 21–27.....	№ 6
Улунян Ар.А. Тайна операции «прорыв». Как готовился Э. Ходжа к «хаосу после Тито». С.43–59.....	№ 1
Уханова Е.В. О «новых подходах» в работе с древнерусскими рукописными памятниками: Изборник 1076 г. и Архангельское Евангелие 1092 г. С. 3–13	№ 4
Хаванова О.В. К 130-летию со дня рождения венгерского историка Дюлы Секфю (1883–1955). С. 27–31	№ 3
Хатощ П. Дюла Секфю в 1945–1955 годах. С. 32–43	№ 3
Шабалина Е.В. Культурные коннотации числительного <i>девять</i> в русской языковой традиции (на польском фоне). С. 20–25	№ 5
Широкова Л.Ф. Словацкая проза после 1989 года: тенденции, авторы, произведения. С. 68–75	№ 1
Ясинская М.В. «Света белого не видеть» (тема глаз и зрения в формулах южнославянских проклятий). С. 79–89.....	№ 2

СООБЩЕНИЯ

Арлукевич А.Б. Положение российских гвардейских подразделений в Северо-Западном крае во время Крымской войны (1854–1856). С. 80–87	№ 3
Ганин А.В. Генштабисты украинских армий 1917–1920 годов в Советской России и СССР после Гражданской войны (1920–1945 годы). С. 93–104.....	№ 5
Гришина Р.П. Со знанием и волнением о советско/российско-болгарских отношениях 1944 – начала XXI века. С. 88–100	№ 3
Калиганов И.И. Болгария и болгары глазами русской женщины XIX века (вспоминания о русско-турецкой войне 1877–1878 годов С.А. фон Кёниг). С. 99–104.....	№ 1
Кожанов К.А. История изучения глагольных префиксов в литовском языке. II. С. 96–102.....	№ 4
Коровицина Н.В. Некоторые аспекты социологических исследований в Современной Польше. С. 105–111	№ 5
Лескинен М.В. Славянское единство: от лингво-культурной классификации к политической мифологизации. С. 52–61.....	№ 6
Постернак К.В. К вопросу об эволюции форм алтарной преграды униатских храмов на территории Речи Посполитой. С. 79–86	№ 4
Фролова М.М. Болгарские книги в собрании А.Д. Черткова: к 150-летию юбилею Чертковской библиотеки. С. 62–70	№ 6
Хазанова М.И. Правила общения в рамках украиноязычных интернет-форумов и вербальная агрессия. С.101–105.....	№ 2
Хидас Ф. К вопросу о церковном культе короля св. Иштвана. С. 67–78.....	№ 4
Хорошкевич А.Л. Война 1812 года и идея славянского единства. С. 90–94	№ 2
Шайдуров В.Н. К вопросу о формировании польской общины в Западной Сибири: вторая половина XIX – начало XX века. С. 86–92.....	№ 5

Ш а т ь к о Е.В. Параисторические образы в романе Милорада Павича «Хазарский словарь». С. 87–95.....	№ 4
Ш в е д о в а Н.В. Наполеон в словацкой поэзии первой половины XIX века. С. 95–100.....	№ 2
Ш и д л о в с к и й С.О. Из проектов И.С. Аксакова по социокультурному обустройству Северо-Западного края Российской империи. С. 78–85.....	№ 5

ИЗ ИСТОРИИ СЛАВИСТИКИ

Л а п т е в а Л.П. Адольф Патера (1836–1912). К вопросу о русско-чешских научных связях. К столетию со дня смерти чешского ученого. С. 26–36.....	№ 5
Т о л с т о й Н.И. Переписка И.В. Ягича с русскими филологами в конце 80-х годов XIX века. С. 106–113.....	№ 2

К 400-ЛЕТИЮ ДОМА РОМАНОВЫХ

А к с е н о в а Е.П. Антоний Васильевич Флоровский о Романовых. С. 69–77.....	№ 5
К а ш т а н о в а О.С. К истории коронации Николая I в Варшаве (1829 год). С. 37–48.....	№ 5
С о к о л о в с к а я О.В. Последняя встреча. С. 49–60.....	№ 5
Ч е о б а н у А.-Б. Румынские делегации на коронациях Александра III и Николая II. С. 61–68.....	№ 5

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

А х м е т о в а М.В. Ономастика Поволжья: Материалы XIII Международной научной конференции. С. 112–114.....	№ 4
Б и р ю к о в а Е.В. Náboženství v 19. století. Nejsírkvevnější století, nebo období zrodu českého ateismu? С. 107–109.....	№ 1
Б о д р о в а А.Г. Лексикон южнославянских литератур. С. 71–72.....	№ 6
В и н о г р а д о в а Л.Н. О.О. Микитенко. Балканослов'янський текст поховального оплакування: прагматика, семантика, етнопоетика. С. 83–86.....	№ 6
Г а н и н А.В. Российская белая эмиграция в Венгрии (1920–1940-е годы). С. 106–108.....	№ 4
Г а н у с С.А. М.М. Криль. Історія країн Центрально-Східної Європи. Навчальний посібник. С. 105–109.....	№ 3
Г е р ч и к о в а И.Л. Budagovová. O literatuře a kultuře: Texty pro Šrámkovu Sobotku. С. 73–74.....	№ 6
З а д о р о ж н ю к Э.Г. К.В. Никифоров. Сербия на Балканах. XX век. С. 101–105..	№ 3
К а л и н и ч е н к о Н.Н., К р е т и н и н С.В. М. Костюк. Евангелічно-лютеранска кірха в Луцку: історико-архітектурний нарис. С. 94–95.....	№ 6
К о с и к В.И. Д.В. Скрынченко. Обрывки из моего дневника. С. 103–104.....	№ 4
К о с и к В.И. М. Смольянинова. Васил Друмев (Митрополит Климент). С. 112–113.....	№ 5
К о с и к В.И. Последните български владици в Македония. С. 114–116.....	№ 5
К о с и к В.И. Н.В. Гоголь и славянские литературы. С. 74–77.....	№ 6
К у л и к М. Польша и Россия в первой трети XIX века. Из истории автономного Королевства Польского. 1815–1830. С. 105–107.....	№ 1
Л у н ь к о в а Н.А. И. Мадач. Трагедия человека. С. 116–119.....	№ 1
М а й о р о в а О.Н. Л.С. Лыкошина. Политическое развитие Польши в первом десятилетии XXI в. Аналитический обзор. С. 108–111.....	№ 4
М а к а р ц е в М.М. Съпоставително езиковзнание. Анотирана библиография 1976–2009. С. 119–122.....	№ 1
М а к а р ц е в М.М. В.Н. Федотова. Болгарская музыка XX века в контексте национальной художественной культуры. Очерки. С. 109–113.....	№ 3

Мельников Г.П. В. Пукиш. Чехи Северного Кавказа. Годы и судьбы: 1868–2010. С. 109–111	№ 1
Мельников Г.П. Ю. Янчаркова. Историк искусства Николай Львович Окунев (1885–1949). Жизненный путь и научное наследие. С. 91–94	№ 6
Поляков Д.К. Д. Подмакова. Освальд Заградник и его предшественники: Долгая история спектакля «Соло для часов с боем». С. 113–116.....	№ 3
Савчук В.С. Л.П. Лаптева. История славяноведения в России в конце XIX – первой трети XX в. С. 116–122	№ 5
Серапионова Е.П. Воспоминания. Дневники. Беседы. (Русская эмиграция в Чехословакии). С. 105–106	№ 4
Соболев А.Н. Spomenica Valtazara Bogišića o stogodišnjici smrti, 24. apr. 2008. godine. Кн. 1, 2. С. 86–91	№ 6
Старченко Р.А. Фальсификация исторических источников и конструирование этнократических мифов. Сборник серии «Историко-культурное наследие и духовные ценности России. С. 114–116.....	№ 2
Толстая С.М. Х. Холиолчев, М. Младенов, Л. Радева. Българска семейно-родова лексика. Енциклопедичен речник. С. 79–83	№ 6
Фролова М.М. Болгария и Россия (XVIII–XX вв.): взаимопознание. Сб. статей. С. 111–116.....	№ 1
Широкова Л.Ф. František Švantner. Život a dielo. С. 77–78.....	№ 6

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Акимова О.А. XXVI конференция «Славяне и их соседи» памяти В.Д. Королюка. С. 117–120.....	№ 2
Аркадьев П.М., Седакова И.А. Конференция памяти Татьяны Николаевны Молошной. С. 107–110	№ 6
Байдалова Е. Круглый стол «За порогом нового тысячелетия. Литературная ситуация в странах ЦЮВЕ». С. 99–102	№ 6
Герчикова И.А. «Круглый стол» «Наполеоновские войны в литературах западных и южных славян». С. 123–126	№ 2
Дронов М.Ю. Международная научная конференция «Церковь и славянские идентичности. Роль конфессионального фактора в формировании и развитии идентичностей славянских народов». С. 118–119.....	№ 4
Клементьев С.В. К 90-летию Елены Захаровны Цыбенко. С. 111–113.....	№ 6
Копченова И.В. Научная конференция «Устное и книжное в славянской и еврейской культурной традиции». С. 119–123	№ 4
Королькова П.В. Международная научная конференция «Проблема гибрида в культуре славянских народов». С. 102–107	№ 6
Пескова А.Ю. Научная конференция «Антитрадиционализм и преемственность в программах и практике славянского литературного авангарда». С. 96–99.....	№ 6
Пожидаева Г.А. История и культура славян в прошлом и настоящем. С. 123–127.....	№ 1
Фролова М.М. «Круглый стол» «Российская и болгарская государственность: проблемы взаимодействия. XIX–XXI вв.». С. 117–120.....	№ 3
Фролова М.М. Научная конференция «Славяне и Россия. Модели межэтнических и межконфессиональных взаимодействий (XVIII–XX века)». С. 115–118	№ 4
Хаванова О.В. Российско-венгерско-австрийская конференция «Российская империя и монархия Габсбургов в эпоху Наполеоновских войн». С. 121–123.....	№ 2
Письма в редакцию. С. 121–127	№ 3

ЮБИЛЕИ

Березович Е.Л., Молдован А.М. К юбилею Светланы Михайловны Толстой. С. 114–117.....	№ 6
---	-----

Иванов Вяч.Вс. К портретам юбиляра: Татьяна Михайловна Николаева. С. 123–127	№ 5
Тяпко Г.Г. К юбилею Галины Парфеньевны Нешиченко. С. 124–126	№ 4

НЕКРОЛОГИ

Белова О.В., Петрухин В.Я., Турилов А.А. Памяти Елены Константинов- ны Ромодановской (1937–2013). С. 119–120	№ 6
Петрухин П.В. Памяти Виктора Марковича Живова (1945–2013). С. 121	№ 6
Памяти Людмилы Александровны Софроновой (1941–2013). С. 118–119	№ 6

CONTENTS

ARTICLES

<i>Pilipenko G.P.</i> (Moscow). Intercultural and social-linguistic aspects of migrations in Slovenia.....	3
<i>Uzeneva E.S.</i> (Moscow). Muslim Bulgarians of the Middle Rhodope in the twenty-first century: the view of an ethnolinguist.....	21
<i>Kuleshova M.L.</i> (Moscow). Ways of expressing pejoration in the Slovenian and Serbian languages (as regards to persons)	28
<i>Korina N.B.</i> (Nitra). Byelorussian-Slovak linguistic ties: past and present.....	37
<i>Andryunina M.A.</i> (Moscow). «Embassy» of the other world on earth – symbolism of cemetery in traditional culture.....	43

REPORTS

<i>Leskinen M.V.</i> (Moscow). Slavic unity: from linguistic-cultural classification to political myth-making.....	52
<i>Frolova M.M.</i> (Moscow). Bulgarian books in Aleksandr D. Chertkov's collection: to the 150-year jubilee of the Chertkov Library.....	62

REVIEW-ARTICLES AND REVIEWS

<i>Bodrova A.G.</i> Лексикон јужнослајанских литератур	71
<i>Gerchikova I.A.</i> L. Budagovová. O literatuře a kultuře: Texty pro Šrámkovu Sobotku	73
<i>Kossik V.I.</i> Н.В. Гоголь и славянские литературы	74
<i>Shirokova L.F.</i> František Švantner. Život a dielo	77
<i>Tolstaya S.M.</i> X. Холиолчев, М. Младенов, Ј. Радева. Българска семейно-родова лексика. Енциклопедичен речник	79
<i>Vinogradova L.N.</i> О.О. Микитенко. Балканослов'янський текст поховального оплакування: прагматика, семантика, етнопоетика.....	83
<i>Sobolev A.N.</i> Spomenica Valtazara Bogišića o stogodišnjici smrti, 24. apr. 2008. godinc. Kn. 1, 2.	86
<i>Mel'nikov G.P.</i> Ю. Янчаркова. Историк искусства Николай Львович Окунев (1885-1949). Жизненный путь и научное наследие	91
<i>Kalinichenko N.N., Kretinin S.V.</i> М. Костюк. Евангелічно-лютеранска кірха в Луцку: історико-архітектурний нарис.....	94

SCHOLARLY LIFE

<i>Peskova A.Yu.</i> Scholarly conference «Anti-traditionalism and continuity in programs and praxis of the Slavic literary avantgarde»	96
<i>Baidolova E.</i> «Round-table» discussion «Behind the threshold of the new Millennium: Literatures in the countries of Central, Southern and Eastern Europe»	99
<i>Korol'kova P.V.</i> International scholarly conference «The problem of hybrid in the cultures of Slavic peoples»	102
<i>Arkad'ev P.M., Sedakova I.A.</i> Conference in memoriam of Tatyana Nikolacvna Moloshnaya.....	107
<i>Klement'ev S.V.</i> To the 90-year jubilee of Yelena Zakharovna Tsybenko.....	111

JUBILEES

<i>Berezovich E.L., Moldovan A.M.</i> To the jubilee of Svetlana Mikhailovna Tolstaya	114
---	-----

OBITUARIES

In memoriam of Lyudmila Aleksandrovna Sofronova (1941–2013).....	118
<i>Belova O.V., Petrukhin V.Ya., Turilov A.A.</i> In memoriam of Yelena Konstaninovna Romodanovskaya (1937–2013).....	119
<i>Petrukhin P.V.</i> In memoriam of Viktor Markovich Zhivov (1945–2013).....	120
Index of articles and materials published in the journal in 2013	122

Сдано в набор 23.08.2013   Подписано в печать 10.10.2013   Дата выхода в свет 20 нечетн.
Формат 70 × 100^{1/16}   Цифровая печать   Усл.печ.л. 10,4   Усл.кр.-отт. 2,7 тыс.   Уч.-изд.л. 12,1
Бум.л. 4,0   Тираж 250 экз.   Зак. 1713   Цена свободная

Учредители: Российская академия наук, Институт славяноведения РАН

Издатель: Российская академия наук. Издательство «Наука», 117997, Москва, Профсоюзная ул., 90

Адрес редакции: 119991, Москва, Ленинский проспект, 32а. Телефон 8-495-938-01-20

E-mail: zhurslav@mail.ru

Оригинал-макет подготовлен АИЦ «Наука» РАН

Отпечатано в ППП «Типография «Наука»», 121099, Москва, Шубинский пер., 6

Индекс 70891

ISSN 0132-1366 Славяноведение, 2013, № 6